

СОДЕРЖАНИЕ

ФРОНТОВОЕ БРАТСТВО
ПОЭТОВ 3

ПРОЗА

Владимир Бутенко
«Терская клятва». Роман 9

ПОЭЗИЯ

Екатерина Полумискова
Стихотворения 101

Олег Игнатьев
Венок сонетов 183

Сергей Овсянников
Стихотворения 178

Станислав Подольский
Стихотворения 207

МЕМУАРЫ

Павел Мартыненко
Воспоминания
советского офицера 115

Идиллия Дедусенко
Война... 169

ПУБЛИЦИСТИКА

Легенды Ставропольской
культуры

Алексей Кругов
Олег Парфенов
Хранитель древностей
с мальчишеской улыбкой 195

КРАЕВЕДЕНИЕ

Андрей Карташев
Ставрополье: полгода войны.. 221

Главный редактор
Владимир Бутенко

Литературное
Ставрополье
№ 1 (2020)

© Правительство
Ставропольского края

ББК 84(2=411.2)6

УДК 821.161.1

Л64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова**

**Л64 Литературное Ставрополье. Альманах. —
Ставрополь, 2020 г. — № 1**

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 26-31-50.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Дизайн и верстка: С.А. Крапоткина.

Корректор: Р.А. Мидриган.

Сдано в набор 14.07.2020. Подписано в печать 28.07.2020.

Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.

Заказ № 177. Тираж 979 экз.

Отпечатано в типографии ООО «АЛЕКС ПРИНТ»:

394007, г. Воронеж, Ленинский проспект, д. 94, корпус 5, к. 52.

Тел. 8 (4732) 90-45-17.

ISBN 978-5-6041360-5-8

ФРОНТОВОЕ БРАТСТВО ПОЭТОВ

ВЕНИАМИН АЩЕУЛОВ

Фронтовая дорога

Избита вся и вся изрыта,
Ты и печалишь, и гневаешь.
Ты вся, как после тяжких
пытток,
В глубоких шрамах огневых.
Бредем в пыли за ротой – рота,
А ты гудишь, а ты ревешь.
И, может быть, за поворотом
Ты чьи-то жизни оборвешь.
Но разве может обессилеть
Живой, над павшими скорбя,
Когда вослед глядит Россия
И ждет победы от тебя?!

Огонь в душе не убывает,
Хоть и смолк противник
пред тобой.

На войне затишья не бывает, –
В затишье зреет новый бой.

Поэзия

ИГОРЬ РОМАНОВ

Голос памятника

Переплелись незримо перепутья
Тех, кто идет и кто покой нашел.
...Я был бойцом,
И, здесь окончив путь, я
На пьедестал
В победный день взошел.
Припоминаю медленно:
Давно ли
Я к доту полз пристреленной
Тропой!..
Стою один
Высоко
В чистом поле.
А месяцы привычной чередой
Спешат, летят, выстраиваясь в
Годы,
С небытием сливаясь вдалеке...
Тревожно
От свинцовой непогоды
Иль от росы холодной на виске.

ВАЛЕНТИН МАРЬИНСКИЙ

Безусые, зеленые,
Почти что с детских пор,
Вели мы, в жизнь влюбленные,
Со смертью смертный спор.

Усталые до одури,
Бросались в шелест трав,
От Волги и до Одера
Отвагу расплескав.
И вспыхивала искрами
Во мраке редких снов
Непознанная, чистая
Солдатская любовь.
Мальчишеская, гордая,
Сияя, как весна,
От Волги и до Одера
Нас провела она...

ВЛАДИМИР СКОРИК

Нам Победа далась нелегко,
Не стучали мы в грудь кулаком,
Не трезвонили в колокола.
Нам Победа далась нелегко -
Боль земли нашей болью была.
Из окопов, водой залитых,
Поднимались мы молча в атаку.
Сколько скошено нас, молодых,
По изрытому бомбами шляху!
Мы Победою бредили все,
Отчий дом заслоняя грудью,
На кипящей огнем полосе
Подбирали нас, мертвых, люди.
Хоронили в могилах братских
Далеко от родимого края.
Соколят в шинелях солдатских
Принимала земля сырая.

ИВАН КАШПУРОВ

У памятника Вечной славы

Еще на камне сером не остыли
прикосновенья рук твоих, ваятель,
еще почуять не успели астры,
что навсегда разлучены с землею,
еще узоры бронзовых решеток
от Вечного огня не потемнели,
и, сталкиваясь в воздухе,
кружили высокие печальные слова, –
а юноша уже назначил встречу
у памятника Вечной славы.
Долго ходил он, ожиданьем увлеченный,
по плитам полированным гранита,
и трепетное пламя отражалось
у ног его. Но юноша не видел
ни грустных астр, ни пламени живого,
ни памятника Вечной славы.
Весь он был полон ожидания и тревоги.
А люди молча близких вспоминали,
стояли здесь торжественно и скорбно,
на юношу поглядывая косо.
Они его, наверно, осуждали,
наверно, показалась им кощунством
его сугубо личная тревога.
Но, ничего кругом не замечая,
он ждал подругу, молодой, как ветер,
и те цветы, что он держал, как факел,
лишь для нее одной предназначались.
А тем, кто похоронен был у Нарвы,
кому Сиваш могилой стал соленой,

кто вмерз в ледник, сползающий с Маруха,
кто стал землей сырой под Малгобеком, –
им, в сущности, не надо нашей скорби
и поклонений наших им не надо.
Всё это надо нам, живущим ныне,
чтоб чище быть, честней и человечней.
Венки живых цветов, что принесли мы
к подножью монумента Вечной славы,
увянут скоро. Не увянет память.
Останется любовь. И вечно будут
здесь назначаться светлые свиданья,
как будет вечно продолжаться жизнь,
оплаченная тысячами жизней.

ИВАН БУЛКИН

Письмо жене

Ты пишешь мне:

«Придется ли нам снова

Где-либо повстречаться и когда,

Услышим ли из уст друг друга слово,

Что нас с тобой скрепило навсегда?»

Ты пишешь мне:

«Придется ли нам снова

В глаза друг другу радостно смотреть?

Пусть будет всё в наш грозный век суровый,

Но только не мучительная смерть».

Я думаю:

Всё может с нами случиться,

Быть может, нам придется в грозный час

На поле боя навсегда остаться,

Но даже это не разлучит нас.

Пусть будет всё:
Свинцовых ос укусы,
И боль от них,
Любимая Элен.
Пусть будет страх,
Но только лишь не трусость.
Пусть будет смерть,
Но только лишь не плен!

ВЛАДИМИР ГНЕУШЕВ

Сирень в провинциальном городке...
Ее с росой по утрам срезают.
Отсюда уезжают налегке,
И никогда назад не приезжают.
То учатся, то мчатся по стране,
То сонно отдыхают в самолете.
Страна однажды спросит их: «Пойдете?»
«Идем!» – они ответят в тишине.
Они узнают тяжесть центрифуг,
Безмолвие ощупают руками,
Потом планету выпустят из рук,
Обняв ее прощальными витками.
Но где-то на рассчитанном витке,
Ракету на параболу бросая,
Вдруг вспомнят, как цветет, к земле свисая,
Сирень в провинциальном городке...

ТЕРСКАЯ КЛЯТВА

Роман

Часть первая

1

Второе лето войны выстоялось на Тереке по обыкновению жарким, суховейным, скупым на дожди.

Где-то за сотнями верст, в неведомых березовых краях, Красная Армия всё ожесточенней сражалась с наступающей гитлеровской ордой. Там, на фронтовых рубежах, от оружейных залпов рвалось и полыхало небо, стоном стонала земля, и с дьявольской хваткой свинцовые смерчи уносили души праведных наших ратников. Там, вдали, за спиной клятого врага, точно бы в преисподней, не находилось меры скорби и мучениям славянского люда, и стонали плакучие ивы, и прах православных деревень, расстрелянных и сожженных карателями, падал на луга тяжелой черной росой. Знать, оттого был явлен знак свыше! И по

ВЛАДИМИР
БУТЕНКО

Проза

святой Руси – в избах и церквях – стали озаряться чудотворным светом и мироточить, укрепляя молящихся верою во спасение, иконы с ликом Богородицы...

А на вольном кавказском подстепье, в станицах и хуторах «бабьего царства» еще угадывались приметы укоренившейся жизни. От зари до темна гнулись колхозницы да подростки на полевых работах. Иной раз «фронтовым звеньям», взявшим обязательства перевыполнять план, приходилось поневоле разрываться: с утра ворошить в валках сено, затем стричь на кошаре овец, а с обеда подвизывать виноградные лозы. На фермах хозяйничали одни доярки, – и косили траву, и латали крыши, и обмазывали глинобитные стены. Из-за нехватки рук в садах убирали урожай шефы: пятигорские студенты и учителя. Они же в обеденный час проводили на станах громкие читки газет. По сводкам Совинформбюро, если не было в домах радио, и узнавали селяне о том, что происходило на фронте, о подвигах советских солдат и партизан.

Однако с половины июля у почтенных бородачей Пьяного кургана, прошедших не одну войну, возникли сомнения, что пишут в «Правде»... не всю правду. Похоже, враг давит не шутейно, оттого отступают гвардейские дивизии, и гнется фронт к югу, будто подрубленная верба. Ко всему, на прежнем царском тракте, что был западнее верстах в пяти, и вел к Моздоку, прихлынуло пеших беженцев, росло движение грузовиков и госпитальных обозов, телег и арб с домашним скарбом, подвод с имуществом небольших производств и учреждений. Нескончаемый поток нарастал и тянулся вглубь Кавказа, к Орджоникидзе.

Веселое название хутор носил исстари – здешние казаки-ухари не только прославились ратными подвигами за веру, царя и Отечество, но и горазды были погулять, плясками и чихирем¹ душеньки отвести. Недаром по всей округе – до станиц Стодереvской и Галюгаевской – разлетелась молва об искусных местных виноделах. Чтили хуторяне старожилор и ценили их советы. Также заведен был обычай заканчивать свадьбы полной «закурганной чаркой» в честь жениха и невесты. А еще, на другой день после торжества, молодожены должны были вдвоем подняться на вершину бугра, где от сторожевого пикета осталась насыпь, и там, под Всеvидящим оком, дать друг другу клятву в верности.

Приютившееся со стороны степи под склоном, это казачье селение теплило взор размашистым и ладным видом. Любо было оглядывать в отдаленье грядy Кавказских гор, ближе – полноводный Терек, подковой огибающий окраину и уходящий за лесной соловьиный остров. А внизу, под склоном, – густостой щедрых садов, смыкающихся с центральной площадью, где сиротела со времен Ермолова деревянная часовенка. По весне, когда готовились хуторяне к Пасхе, нарядно прихорашивались присадивые и все беленые, как на подбор, хаты трех просторных улиц.

В осеннюю пору созревало в погребах молодое вино, возгорались пиршества, и до слез трогали казачьи души – точно подтягивали им с выси – голоса журавлей, находивших временное пристанище в заречье. Оно было сплошь покрыто

¹ Чихирь (тер.) – домашнее виноградное вино.

мелкими голубоватыми соцветьями горынь-травы. И, наверно, усталые птицы принимали ее за обширное озеро. Об этом можно лишь догадываться, потому что никто из хуторян не ходил туда, не приносил домой жестких безуханных букетов, зная, что приворотная трава – к расставанию...

Второй век уже стоял Пьяный курган на Терекке, но за извечными заботами и службой нечасто приходилось казакам бытовать в покое и радости. Так и с начала нынешнего военного лихолетья – в опустевших домах не до празднеств. Безутешная печаль, ворвавшись с первой похоронкой, не скудела, а прибывала.

Ефросинья и ее подруги неспроста встревожились, прослышав о предсказаниях знахарки. Кривая на один глаз, с нечесаными волосами, эта Матрена-странница точно лишилась рассудка в пору цветения диких тюльпанов – лазориков. Дурную приметку усмотрела она в том, что необычайно рано, еще до прилета ласточек, по мартовскому приволью занялось кумачовое цветочное пламя, будто подожженное зарей. Вечерами тончайшая свежесть доплескивалась до самых дворов. А эта оглашенная, бродя по улицам, предрекала одни испытания.

– Люди! Али не видите?! Красным цветом степь затопило! Это к большой кровушке... Обильно прольется ее, – угрожающе повторяла Матрена, надрывая осиплый голос.

Вслед ей из дворов неслись то язвительные насмешки, то хула и требования замолчать, чтобы на самом деле не разбудила новое лихо. Но кликуша, озираясь, вскидывала кизилковый посох и подвывала громче прежнего:

– Вороги придут с железными головами, казни учинят! У-у... Вижу я их, на колеснице огненной едут, пушки палят...

Угроза колхозного парторга «посадить» за насаждение паники вразумила Матрену. Поздней ночью со всеми пожитками она тайком покинула хату бабки Черноусихи, где ютилась, и подалась неведомо куда.

Вспомнили о том пророчестве в конце июля, когда после обильного ливня, промочившего на поле снопы и землю, бригадир с полудня отпустил домой женщин, омраченных вестью о взятии Ростова врагом. Никто из них еще не ведал, что письмомоносец Лешка уже разнес газеты и конвертики с казенным штампом.

Не минуло и получаса, как женские причитания и вой, – соединившись в жуткое многоголосье, – перекатистой волною пронеслись из одного края хутора в другой. Разом лишились родных, осиротели четыре казачьи семьи!

В тот день сразила похоронка и Ефросинью. Она с трудом припоминала первые часы всепоглощающего отчаяния, что мужа больше нет, и – навек потеряла опору в жизни и единственную любовь. И одновременно не верилось ей, что это правда. Смутно помнила, как приходила соседка тетка Василиса и подруги, коротали с ней ночь, советовали поплакать. А у нее глаза были сухие, как в жару степные криницы. Она воспринимала слова будто оглошшая. И проводив их, поняла, что лучше – одной. Тут-то горше прежнего прожгла душу боль – и стала кричать, и жаловаться Богородице, уткнувшись лицом в подушку. И выплакавшись, – отрезвела, точно быхватила глоток воздуха, вынырнув из реки.

И сгоряча загадала, если с мужем не случилось страшного, то лампадка возгорится, хотя с Троицы никто к ней не прикасался. Ефросинья на ощупь взяла с печной вьюшки коробку спичек и подошла к божнице. Чиркнула – слабо озарилась родовая икона Владимирской Божьей матери. Она пустила огонек по припаленному краю фитилька. И он обрел форму золотой горошины, затеплился ровно и ясно. Но лик Богородицы показался Ефросинье в этот миг необычно печальным. Она стала на колени, шепча молитву. И прежде мимолетные, – окрепли ее мысли. И уверилась в том, что похоронку прислали не по адресу...

Поздним утром разбудил Ефросинью оклик. Растерянно вскочила она, щуря ослепшие от слез глаза и ощущая во всем обессилевшем теле дрожь. Не сразу сообразила, сколько сейчас времени и для чего пожаловал бригадир Малюгин, страшно похудевший за последний год, сивобородый, в обвисших черных шароварах и косоворотке навывпуск.

– Соболезную тебе, Ефросинья, – вполголоса пробасил Савелий Кузьмич, сдернув с головы поношенный парусиновый картуз. – Борис и мне по матери, по Грудневым, родней доводится... Пал за Родину, как подобает терцу. Вечная ему память! И царствие Небесное... Раз такая его доля, то хоть плачь, хоть кричи, а героя не поднять. Война, Фрося, никого не жалеет, а метит дома несчастьем, как зима снегом. По такому делу, без толку голосить и убиваться, – только душу надорвешь. Баба ты молодая, при силе, красотой в хуторе всех превзошла. Горе горем, а надобно торить стезжу дальше. Сына поднимать. Как говорится: терская казачка беды на коромысле несет...

Бригадир, завзятый табакур, перевел надсадное дыхание. Отстраненно помолчал, собираясь с мыслями.

– Само собой, положен тебе выходной. Я – не камень... Но рассуди сама. Зараз снопы на солнце подсохли, бабы цепями молотят. Вера Федотова тоже без мужа осталась, а не прохлаждается. Зараз на винограднике. Вот и ты, как сознательная гражданка, подмогни родному колхозу. Обмолотим ячмень и рожь, свезем на ток. Потом отведем – и потечет зерно стране и армии! Опять же, согласишься, на людях горе не такое колючее. Слезы не поливают, а без следа высыхают. Правильно я толкую?

Она едва заметно кивнула.

– А свекор и малец до сих пор в отъезде? – надев картуз, с удивлением проговорил бригадир. – Советовал обождать – не послушал. Сказано, бедовая голова!

– Оба у мамы, в Горячеводской.

– Была станицей, а зараз с Пятигорском срослась, – пробормотал бригадир, сводя хохлатые брови. – Угораздило его в такое время грязями лечиться! Я спину пчелами спасаю. Нажигают до слез, отлежусь – и снова на ногах. Сегодня ты пан, а завтра... Сводки хуже некуда. Немцы на Ворошиловск² нацелились! – гость, помрачнев, потащился к двери, оглянулся. – По такому делу, должны работать ударно! Может, на бедарке³ к току подвезти?

– Я приду, дядя Савелий – отрешенно ответила Ефросинья, взглянув отсутствующими глазами. – Я поняла...

² Ворошиловск – Ставрополь.

³ Бедарка (южн.) – двухколесная повозка.

2

Укрепрайон №151, охвативший дугой юго-восточный берег Крыма вблизи Керченского пролива, был укомплектован частями из уральцев и сибиряков, прошедшими специальную подготовку. Борис Груднев попал в отдельный пулеметно-артиллерийский батальон после выписки из госпиталя. Просмотрев красноармейскую книжку, лейтенант на пересыльном пункте заключил:

– Пойдешь в пулеметчики. Ты воевал. Обстрелян. А то «на авось» присылают юнцов, пороха не нюхавших. Теорию они знают, а как начнет «ганс» лупить, душа в пятках!

Сержант Груднев был назначен начальником пулеметного расчета. Командир взвода Свиридов, двадцатилетний младший лейтенант, недавно выпущенный из училища, проверил у новоприбывшего навыки в стрельбе по мишени, задал вопросы по уходу за материальной частью «Максима» и баллистике и убедился, что он хорошо подготовлен. Сержант и внешне располагал к себе. Выше среднего роста, с крутыми булыжниками плеч и крепкой шеей, узколиц и привлекателен открытой белозубой улыбкой. В разговоре, позабыв о субординации, комвзвода с любопытством стал расспрашивать Бориса о службе. А тот отвечал сдержанно, что призван прошлой осенью, когда вспахали в районе зябь. Предлагали продлить «бронь» как механизатору, но отказался. Сначала обучался на курсах пулеметчиков. В первом бою под Ростовом был контужен. После медсанбата служил до ранения в разведке.

– А как ранили? В бою?

– «Языка» с ребятами взяли и переправляли через речку. Немцы засекли. Мы с ефрейтором Лапченко

остались в прикрытии группы. Уже на берегу были, когда граната взорвалась. Мишку – насмерть, меня осколком задело. Заполз в камыши, кое-как перевязался. А на другую ночь смог обратно переплыть...

Май начался с ярого тепла, баловал солнечными деньками. Линия обороны укрепрайона была проложена с учетом рельефа местности. Многочисленные доты и дзоты, бетонные колпаки, ходы сообщений и окопы, противотанковые траншеи по высоткам и курганам должны были, по замыслу командования, стать непреодолимым редутом для врага, пробивающегося к Керченскому проливу. Но в спешке неопытные строители соорудили оборонительные пункты из белого туфа, маячившего на всю округу. Командир батальона, хватившись вовремя, приказал демаскирующую «рекламу» замазать грязью.

Немцы открывали по утрам спорадический артиллерийский огонь. Издали долбили из пушек, – то недолет, то перелет. Пулеметчики по неопытности решили, что фрицы «давят на психику». Но Борис, оглядев расчет, вразумил:

– Не жалеет враг снарядов, чтобы только напугать? А на какой, скажите, ляд? Выходит, фрицы глупее нас?

Наводчик Фрол Михайлов, немолодой усатый алтаец, его жизнерадостный земляк, «второй номер» синеглазый Василь Антошкин, и подносчик боеприпасов молодой уралец Силантий Лаптев приути молкли.

– Нет, братцы. Они расчетливы и умны. С умыслом берут наш участок в «вилку». Пристреливаются. Пулеметное гнездо перенести мы не можем. И дзоты с дотами – те же неподвижные мишени.

По данным фронтовой разведки немцы готовились к прорыву в середине мая. В укрепрайоне старательно налаживали телефонную связь, штабники отрабатывали взаимодействие с подразделениями, артиллеристы маскировали огневые точки, уточняя секторы наблюдения и обстрела.

На рассвете 8-го мая побережье потряс оглушительный грохот взрывов. Все части укрепрайона были подняты по тревоге и приготовились к обороне. По чрезвычайной плотности орудийного огня Борис скоро понял, что это не просто артобстрел, а мощная подготовка наступления. Его расчет занял боевую позицию между дотами, с сектором обстрела левого фланга. В пулеметном гнезде рядом находился второй расчет с командиром взвода Свиридовым.

Показалось, грянуло землетрясение. Под сапогами залихорадило почву. Высокие темно-рыжие столбы взрывов вал за валом приближались к рубежу батальона. Предполье и передняя линия за четверть часа были распаханы и разбиты, до неузнаваемости обезображены воронками, каменными грудками бывших укреплений, останками минометов и пушек. Жутко было видеть тела красноармейцев, разбросанные по дымящейся, опаленной дочерна земле.

А тяжелые гаубицы по-прежнему выверено кромсали крымскую землю, дробили колпаки и стены дзотов. Огненные призраки сквозняками носились над землей, обдавая лица бойцов серной вонью, удушливой кислотой дыма и жженого металла. Борис, время от времени высовывая голову из окопа, осматривался, пока не разнесло каменную раму укрытия. Пулемет покосило, на коже осталась вмятина. Расчет, за исключением коман-

дира, лежал на дне окопа. Пулеметчики, точно в лодке, сбились плечом к плечу, погромохивая при неловких движениях касками. Их лица, скованные ужасом, пестрели разводами. Они держали «огневое крещение». И каждый переживал его по-своему. Наводчик, не сводя глаз с «железного друга Максима», порой оглаживал пшеничные усы. Силантий покашливал и часто шмыгал носом, забитым песчанистой пылью. По движению губ красавца Антошкина догадался Борис, что тот тихо напевал. Вдруг по щитку с коротким промежутком цокнули два осколка, – на кожухе пулемета осталась вмятина. Позади себя Борис услышал вскрик. Он оглянулся. Василь со стоном выгнулся, упершись ногами в стенку окопа, – и уже в беспамятстве катнул головой по плечу Михайлова. Уралец вскочил, как ошпаренный, поняв, что товарищ умирает. В расширенных глазах мелькнул огонек безумного страха. Борис рванул его за руку:

– Лечь!

И толстогубый Сила, потерянно сполз спиной по сыпучей стенке. Михайлов, потемнев лицом, упокоил голову товарища на патронном коробе. Затем, перекрестившись, большими пальцами сомкнул покойному еще теплые податливые веки...

3

Смерть, заглянувшая в окоп, потрясла пулеметчиков. Силантий затравленно озирался, будто ища выход, куда бежать. Еще больше побледнел Михайлов, однако, терпел с нажитым мужицким упорством.

Залпы стали замирать и – разом оборвались.

Обложная сомкнулась тишина, только в ушах еще долго стоял тонкий комариный звон. Вслед за

командиром вскочили на ноги и пулеметчики. Борис осматривал позиции батальона, над которыми нависал дымовой сумрак, сузивший видимость до нескольких метров. Близ пулеметного гнезда, где находился второй расчет, дыбился сугроб песка с обломками туфа. Раздолбанные доты громоздились перекрытиями и бетонными глыбами. Оттуда доносились жалобные стоны. Борис видел, как курилась сожженная земля, и плавился понизу раскаленный стеклянный воздух. Нужно было поднять тело погибшего, и он дал команду, остро переживая потерю бесстрашного парня.

Пулемет при беглом осмотре показался годным к использованию. Только на бронированном щитке расписались еще три осколка. Михайлов начал тщательную проверку оружия, а Борис на пару с Силой принялся откапывать товарищей. Поблизости сновали санинструкторы, связные из штаба. Из уцелевших дзотов выбирались солдаты. Офицеры, покрикивая, командовали разбором завалов.

Но едва посветлело от растаявшего дыма, и проступил небосвод, как по укрепрайону раскатилось, стократно повторяясь эхом:

– Воз-здух!

Борис повернул голову в сторону моря, откуда приближался басисто грубеющий гул. С юга, со стороны Феодосии плыла в поднебесье эскадрилья бомбардировщиков, напоминая угластую стаю. И точно так же, как вожак выстраивает птиц, самолеты стали разбиваться на звенья, разворачиваться в боевой порядок. Потом снизились и – по очереди входя в пике, – начали бомбить. Тускло отблескивая на солнце, фугасы обрушились градом, с устрашающим воем...

Борис сознавал всю серьезность положения. Взрывной волной и осколками искорежило пулемет. В заваленном наполовину окопе пулеметчики лежали, выставив одни лица. Борис переглядывался с Михайловым, а «третий номер», здоровяк Сила, безмолвствовал. Ад бомбардировки длился не менее получаса, пока «Юнкерсы», выхолостив смертоносные утробы, не улетели. И снова поразила наступившая тишина. И опять сполна почувствовали они ядовитую тяжесть воздуха, налитанного порохowymi газами. Борис с трудом выбрался из окопа.

– С крещением! – проговорил он, ощущая, как вонь сгоревшего тола и пыль точат горло. – Разрешаю обедать, коль остались без завтрака. Водка осталась?

– У Василя, должно, – ответил Михайлов со вздохом, крепко огорченный потерей товарища и тем, что его пулемет вышел из строя.

– Посмотри.

Раскрасневшийся во всё лицо Сила, которому было невтерпеж, взвился из окопа и хватил к груде железобетона. Деревенская стыдливость даже здесь не покинула парня.

Михайлов медленно, будто что-то его останавливало, распустил узел чужого вещмешка. Выложил на площадку бруствера фляжку и банку тушенки. Борис рубанул рукой.

– Разливай. Помянем.

Фляжка была полной. Михайлов, который призывался вместе с погибшим, от волнения говорил дрожащим голосом:

– В учебке был Антошкин запевалой. Все песни знал. А теперь... навек смолк. И почто его матушке такое горе? Не успел, сердешный, даже выстрелить...

Он посмотрел повлажневшими глазами на разбитый пулемет, за которым ухаживал, словно за ребенком. Затем покосился на Силу и залпом выпил.

– Вот тебе и первый бой! Хоть бы ленту израсходовали, хоть бы одного фашиста уложили ... – продолжал безутешно Михайлов, держа в руке нетронутый сухарь. – А теперь что? Кожух в двух местах пробит, ствольная коробка ремонту не подлежит, прицельную планку погнуло. Вот тебе и сектор для обстрела...От всего нашего взвода, должно, только мы уцелели.

– Войны на всех хватит. Еще настреляешься, – отозвался Борис. – Мощь у немца чертячья! Голыми руками не возьмешь. А мы фактически безоружны. Хотя бой, похоже, еще не закончен...

И, на самом деле, будто ветром надуло монотонный звук. Он обрел жесткость, и послышался гул моторов, перебиваемый лязгом гусениц. Из прибрежной долины, извиваясь, выползла танковая колонна. Машин, как насчитал Силантий, было пятьдесят две. Не подавая вида, что от волнения свело скулы, Борис скомандовал:

– Приготовиться к бою!

В предполье танки развернулись во фронт. И с дальнего расстояния открыли беглый огонь. Довольно плотная их цепь, не встретив никакого сопротивления, проутюжила передовую.

– На нас прут! – заполошно крикнул Силантий. – Вон, от высоты.

Два «Панцера», прикатав попутные окопы, ринулись на позиции артиллеристов и пулеметчиков. Их дула беспрестанно плескали огнем. Борис, заметив тревожно-растерянные взгляды пулеметчиков, принял бесповоротное решение.

– Слушай приказ! Оставить себе «лимонки», а мне передать РГД⁴. По ходам сообщения продвигайтесь к берегу. Оттуда – к заливу. Старший – Михайлов. Выполняйте!

Минуты были сочтены. Когда шаги подчиненных стихли, Борис торопливо срезал штыком-кинжалом лямки со своего вещмешка, принялся обматывать имевшиеся у него три гранаты. Только связкой, как говорилось в наставлении по стрелковому делу, можно поразить танк. Убедившись, что связка гранат прочна и довольно тяжела, Борис напряженно застыл. Мельком глянул на часы: уже полсутки не покидал он окопа, и потому болезненно пульсировало в висках, и ломило всё тело, изможденное жарой.

Неотрывно следя за ближним «Панцером», он отхлебнул из фляжки воды. Притупившая прочие чувства ненависть прибавила сил. И когда танк напрямую направился к пулеметному гнезду, Борис лег на дно окопа и затаился. В эту минуту вспомнился ему отчий дом, Ефросинья и сынишка. И обожгла мысль, что никогда не узнают родные, что случилось с ним здесь, на крымской земле, потому что не осталось вокруг свидетелей. И всё же всем нутром противился он страшной развязке, и жила надежда на спасение...

Наконец, словно в ознобе, затряслась земля, – и широкая железная туша закрыла небо. Обдало вонью бензина и жаром раскаленного мотора. Танк прокатился над ним! Борис вскочил, с замаха швырнул связку в бензобак. Вновь упал на дно, не успев заметить, поджег или нет. Рев танка сбился, стал

⁴ Гранаты, использовавшиеся в Красной Армии для поражения живой силы и танков.

прерывистым и – заглох. Он с пистолетом в руке выглянул. Ветер завывал языки вокруг башни. Резко вскинулась и закрепилась в вертикальном положении крышка люка. Точно подброшенный пружиной, в его проем стал вылезать танкист в черном шлеме и комбинезоне. Борис, прицелившись, выстрелил. Сраженный немец провалился вовнутрь. Второго танкиста он уложил, когда тот прыгал с передка на землю. И следом, взметая огненный столб, грянул взрыв боезапаса. Воздушным вихрем обрушило основание бруствера. Бориса прожгла такая мучительная боль в левой стопе, что он закричал. Из последних сил сдвинул бетонную глыбу, и – темнота залила глаза...

Он очнулся в сумерки от ощущения, что кто-то трясет за плечо. Открыл глаза и расплывчато различил над собой лицо Лаптева.

– Товарищ сержант! Вы живой, а? Товарищ сержант... – испуганно твердил Сила.

– Да не дергай так, – поморщился Борис. – Почему ты здесь?

– На берегу десантники. Михайлова убило. А я утек. Видел, как вы танк подожгли.

– Ногу мне придавило. Разрежь левый сапог. Перевязывать умеешь?

– Конечно. Я понятливый. Даже на гармошке учился.

– Мне не дойти. Выбирайся один.

– А я вас – верхом. Я бревна таскал в пять пудов, подсоблял плотогонам. Лаптевы все шибко здоровые и первые драчуны. Тятка меня не зря Силой назвал!

Поздней ночью они направились к проливу. Сначала Борис передвигался самостоятельно, опира-

ясь на палку. Но мука стала невыносимой. Он беспомощно остановился и выругался.

– Я же боял, что лучше верхом, – дружелюбно попенял Силантий. – Только держите пистолет наизготовку, а то... нарвемся на медведя...

Уралец присел, подставляя широченные плечи. Зашагал твердо, как ставший в колею вол. Изредка отдыхал и с прибауткой: «Битый небитого везет», – топал дальше. Перед утром, миновав немецкие посты, они добрались до поселка Еникале, к берегу Керченского пролива.

У пристани и под горой – вперемешку различные части уже не существующего Крымского фронта. Время от времени отряды добровольцев вступали в бой с немецкими автоматчиками, отгоняя километра на два в степь, и возвращались. От пристани Еникале до косы Чушка – армейская переправа. Катеров не более десятка. Их берут штурмом. Лаптев отправился искать плавсредство. Борис сидел у самой воды, зарыв в прохладный мокрый песок огнем полыхающую ступню. Нога до колена распухла, отяжелела, как дубовая чурка.

Силантий вернулся с надетой на шею, как хомут, автомобильной камерой. Глаза его обнадеживающе блеснули.

– За водку выпросил у шофера. Так многие переправляются. Одной рукой держатся за камеру, а другой гребут. Тут, сказал мне шофер, течение в сторону моря. А теперь обратный ветер, и нас погонит, куда надобно. Только вода холодновата, – поежился Борис. – Да я привычный. У нас Угрюм-река всегда студеная.

– А я с Терека. Он с кавказских ледников бежит...

У пристани стали свидетелями, как командир батареи их полка, молодой лейтенант, с перебинтованной головой и рукой на перевязи, докладывал подполковнику – «особисту», в новенькой фуражке с синим околышем:

– Я отступал последним с двумя ранеными артиллеристами. Они подтвердят. Укрепрайон стерт с лица земли. Мы отбивались, пока не израсходовали патроны.

– Там насчитывалось более четырех тысяч живой силы. Как думаете, сколько уцелело?

– Не могу знать, товарищ майор. Сотни три-четыре...

Над проливом хищно проносились «Мессеры», метили очередями в катера и баркасы, в смельчаков, решившихся – поодиночке и группами – преодолеть вплавь пятикилометровый рубеж. По водной волнистой глади влеклись разбитые плоты, обгоревшие доски, трупы людей и животных, ветки, кладбищенские кресты, бревна. К непрогретой воде Борис постепенно привык, боль поутихла и позволяла шевелить ногой. Плыли, время от времени переговариваясь, ободряя друг друга. Борис не переставал дивиться превращению, случившемуся с «третьим номером». Еще вчера был Сила увальнем и трусоватым простаком, а сегодня и размышлял, и вел себя уверенно, точно в первом бою от страха сделали прививку. Видимо, такая особенность русского воина, – становиться от сражений трехжильным, с яростью биться и за тех, кто навек полег на поле брани.

Ветер гнал волны к Азову, и течение почти не ощущалось...

4

За непрерывной работой, – спозаранку до полуночи приходилось забрасывать лопатами зерно в веялку, вращать ее тяжелую ручку, отвозить на тачке очищенную рожь в бурты – Ефросинья, уставая до изнеможения, забывалась, исподволь вступала в бесхитростные разговоры с женщинами. Пожилые хуторянки взяли вдов под опеку. Примерами из своей жизни, полной утрат и страданий, убеждали, что поддаваться унынию и падать духом – тяжкий грех, а наоборот, надобно, как травушка после зазимка, цепляться за свое бабье счастье еще крепче...

Перед обедом неожиданно на ток примчался председатель колхоза. С крупа его измученной кобылы срывались хлопья серой пены. На удивление, явился Камышан не в будничной одежде, а в новенькой гимнастерке, с орденом Красного Знамени. Эту награду цеплял он по праздникам, и подумалось Ефросинье, что «начальство» – с обнадеживающей вестью. Но бывший красногвардеец, морщинистый, с набрякшими от недосыпа, подслеповатыми глазами, затаенно курил папиросу за папиросой, пока к весовой собирался люд.

Кипятком обжигал голые плечи полуденный зной. От буртов тянуло запахом прокаленной ржи. Сизо-белесое, выгоревшее небо вкось чертили ласточки. Неумный суховей сорил пылью и половой, шало трепал юбки. Хуторянки, подростки и старики, переговариваясь, стекались с хмурыми лицами, – молва о наступлении немцев, о том, что на Моздок правятся не только гражданские, но во множестве красноармейские колонны уже облетела улицы.

– Дорогие товарищи колхозники! – энергично обратился Камышан, оглядывая хуторян, вставших

полукругом. – Немецкие захватчики, прорвав оборону родной Красной Армии, подошли к Минеральным Водам. Наш район с нынешнего дня – на военном положении. Парторг Еремеев призван в строй защитников. Фронт, можно сказать, не за горами. От Пьяного кургана – километров двести...

И Ефросинья замерла от мысли, что родные до сих пор не возвратились из поездки.

– Районным комитетом обороны объявлена эвакуация. Налажен вывоз сельхозпродукции и отгон скота. А то, что останется, подлежит уничтожению. Но паниковать, товарищи, рано! – председатель снял мокрую от пота фуражку и рукавом провел по бурым прядям, прилипшим ко лбу. – Как говорил товарищ Сталин, от каждого из нас требуется полная мобилизация сил. Поэтому ставлю неотложные задачи. Первое. Несмотря на жару, приступаем к вывозу зерна. Прямо сейчас подъедут подводы. У кого нет подборных лопат, разрешаю смотаться домой. Второе. Завтра с утра начнем на горе рыть траншею. Для руководства приедет военный. Невыход будет воспринят как пособничество врагу...

Ефросинья уловила тяжкие вздохи, перелетавшие от уст к устам. Наверняка встревожились и подруги. Белый свет вдруг сузился. Щемящее чувство безысходности сковало душу. Точно разбежавшись по береговой поляне, вдруг обнаружила она, что впереди – глубокий обрыв...

Председатель говорил сурово, подбирая проникновенные слова и жестикулируя. Ефросинья – за пеленой набежавших думок – слушала вскользя. И вместе с другими испытывала растущую тревогу, догадываясь, что Камышан «толкает речь», чтобы не допустить разброда и сохранить в колхозе дисциплину.

Затем на комсомольско-молодежной «летучке» был наспех сформирован отряд для особых поручений. Старшей в звене председатель назначил ее, Ефросинью Грудневу, ударницу труда, хотя она со слезами просилась съездить за сыном в Пятигорск.

Кучер Сашка Аржанов то и дело хлестал меринка кнутом, не обращая внимания на визг перегревшейся втулки колеса, готового в любой миг слететь. Телегу трепало, несмотря на слой пыли. Набитый за время страды летник, виляя по балкам, вел к полю, где на редкость удалась озимая пшеница. Скосили ее недозрелой, и снопы в стожках оставили прямо на жнивье, чтобы зерно «дошло». Но война внезапно порушила планы. Машины МТС и большая часть колхозных подвод были отряжены для срочных армейских нужд.

Ефросинья сидела рядом с возчиком, а на задней лавке тряслись Валентина Акименко и Наташка Можнова, – обе крепкие, бойкие молодайки. Они угрюмо молчали, надорвавшись на погрузке зерна. Только на поворотах, когда подводу заносило, поругивали кучера. Но Сашка не обращал внимания, помня наказ бригадира: «Гони единым духом!» На дне телеги, сталкиваясь, погромыхивали канистры с соляжкой, свежесрубленные палки с паклей, намотанной в виде булавы. Ехали понурыми, то и дело зевая. Родная степь стала точно отчужденной, беззащитно распахнутой...

Августовское небо, в густом засеве звезд, по северному краю багрово светилось заревом. Поминутно на незримой черте горизонта роились зарницы, – и оттуда, с задержкой, доносились орудийные удары. Дурашливый конь прядал ушами и шарahalся. Взо-

шедшая полуночная луна, в красновато-мертвенной бронзе, кралась вдоль темных очертаний гор, низкая и мятежная. Когда подвода спустилась в суходол, и минули кизиловую рощу, вслед завопил, зашелся хохотом сын. И Ефросинья, осознавая неотвратимую близость войны, горестно закусила губу...

В лунной полумгле обозначались длинные ряды стожков. Подводу оставили на краю лесополосы. Взяв палки, казачки побрели по рослому пахучему чернобылу к холмистому полю. Следом Сашка понес тяжелые канистры.

Приглушенный гул фронта не умолкал. К свежести ночи примешалась едкая горечь. Подросток стал поджигать факелы и раздавать их женщинам, стоящим в оцепенении. Подавая пример, первым ринулся на поле. С ходу подпалил крайний стожок. Вертикальные языки пламени лизнули сохлые стебли, ручейком взметнулись по колосьям.

– Что вы как вкопанные? – оглянувшись, возмущенно крикнул Сашка. – А ну, давайте!

Валентина, всхлипнув, тронулась с места:

– Как же палить, Господи... Когда это – пшеничка. Как руку на хлеб поднять?

Ефросинья, ускоряя шаг, опередила подругу. А у самой глаза мутились, и тяготило чувство, что предстоит сделать нечто постыдное, на что не решилась бы прежде. И ранила острая мысль, что так круто ломается жизнь, в которой не остается ничего святого, и подступила беда, казавшаяся вчера за тридевять земель...

Костры, ярко вспыхивая, множились на поле. Наверное, со времен половцев не знала терская степь такого большого и разгульного огненного хоровода! Огонь и тьма бились в дикой схватке. Будто из

под земли вырывались пламенные чудища, взметая оранжевыми лапами столбцы искр. Вволю наплавившись под ветерком, они не сразу теряли накал, а сворачивались в огнедышащие вороха, мерцающие волчьим оком. Факельщицы, задыхаясь от зерновой гари, поджигали стожки с наветренной стороны, чтобы меньше глотать дыма. Их тени причудливо протягивались по стерне. Всё тревожней ржал привязанный к дереву конь. Закопченные лица блестели от обильного пота, – вблизи клокочущего пламени было адски жарко, но никто не сделал даже короткой передышки...

К двум часам ночи жнивье сплошь покрылось гарью и пеплом. Еще во власти какого-то неведомого языческого азарта, они собрались у подводы, наблюдая, как дотлевали кострища и светились бегучие огоньки по стерне. Обессилившие руки висели плетями. Запал обыденно сменился чувством свершенного дела. Огонь иссушил кожу лица, стянул корочкой губы. Жутко хотелось пить.

– Поехали! Нечего распотякивать, – торопил Сашка. – Мне в Курскую с утра за почтой. А когда коню отдыхать?

– Не командуй! Мы не кони, а люди, – осадила Ефросинья, ставя ногу на колесо и глядя в тронутое огненными бликами лицо парня. – Остановишь возле криницы.

– И напротив става! Хоть рожи обмоем, – прибавила Валентина, грузно переваливаясь через борт телеги. – Закоптились, как чугуны.

Ледяной водицы вдоволь испили из родника. А запруженную балку кучер с разгона проскочил. Тут-то и попал он казачкам на язык. Особенно горячилась Наталья.

– Ухналь ты, сучок терновый! Для женщины помыться – первое дело. А ты? Сивого мерина пожалел. Еще называется, член ВЛКСМ, – язвила она, раз за разом сбивая Сашкину кепку с затылка на лоб. Тот оглядывался, поправлял.

– Чуб зачесываешь, как кацап. Картуз, и то носить не научился. А у девок, небось, просишь?

– О Родине надо думать, а не болтать, – огрызнулся парнишка.

– Ты на него не наговаривай, – нарочито серьезно вступилась Валентина. – Лучше всех читает он Маяковского, и значок комсомольский всегда носит, должно, с ним и спит. А почему не глядит на нашу сестру? По малолетству не имеет оружия, одни ножны, вот и не гож на милованье.

– Тю! А я и не того...

И обе дружно прыснули. Сашка буркнул что-то сердитое, подстегнул и без того ходко бегущего маштака.

Ефросинья отстраненно молчала. С удивлением думала, как после такой изматывающей работы подруги могли еще зубоскалить. Вероятно, этим бессознательным озорством успокаивали души? Или от предков унаследовали казачью жизнестойкость, умение быстро отрешаться от бед, чтобы выстоять перед теми, что надвигаются?

5

В хутор въехали чуть свет. Валентина, жившая ближе всех, сманила искупаться. Над Теремом курчавился туман, цеплялся прядями на ветвях осокорей и дубов, стеной закрывающих островной берег. Пахло мокрой глиной и молодым тростником. Было зябко. Быстро раздевшись донага, казачки с

визгом бросились в воду. За ночь она прибыла, оказалась напористой и до дрожи колючей. Течение несло пучки молодого сена, щепки, черные завитки овечьей шерсти. Наверняка в дальних осетинских горах прошли дожди.

Пора было расходиться по домам. Но Валентина по привычке зазвала к себе. И пока подружки во дворе развешивали юбки и кофты, насквозь пропахшие дымом, наведальась в дом, где спали дочки и свекровь. Принесла оттуда кувшин вина и распахнула дверь летней кухни. За разговором накрошила⁵ в миску помидоров и лука, полила подсолнечным маслом. Выставила старинные серебряные стопки. Несмотря на полноту, вертелась хозяйка юлой, добавила к закуске еще капустного пирога и малосольных огурчиков.

– Винцо прошлогоднее. Вместо воды от жажды. – с одышкой проговорила она, садясь на табурет. – Давайте, чтоб не допустили в наш хутор немцев... За Красную Армию и мужей!

Не смущаясь оговоркой, Валентина выпила первой. Закусили. Налила по второй. Приметив, что с лица Ефросиньи не сходит выражение печальной отрешенности, со вздохом поправилась:

– Помянем теперь Бориса. Земля ему пухом.

– Вечная память, – добавила Наталья. – Был казак-настоящим.

Ефросинья подняла руку со стопкой и удивленно сузила взгляд:

– С чего это вдруг? Я пила за него, как за живого! Это сначала ополоумела... А потом – стоп! В Галюгаевской похоронку принесли, а бойца только ранило. Про такой случай и тетка Василиса рассказывала... Живой Борис! Не верю я в извещение, не верю. Буду

⁵ Накрошить (южн. каз.) – нарезать.

ждать до конца войны... Давайте за него и за ваших еще раз!

– Значится, сердце вещает, – подхватила Валентина. – Нехай ни пуля, ни шашка, ни огонь их не берет. А побеждают и скорей вертаются!

Валентина, опрокинув свою посудинку, с затаенной хитрецей спросила:

– Ну, как чихирек?

– Сладенький, – причмокнула Наталья. – Как поцеловалась. Жалко не с кем!

– Давайте теперь за нас, чтоб добро не пропадало.

И без того прокаленные лица запылали, расслабленно размлели тела. Наталья, стройная и гибкая, потянулась и, выдернув гребень, растрясла по плечам, просушивая, темные длинные волосы. С закрытыми глазами откинувшись на спинку стула, выпячивая под нижней рубашкой свои литые груди. Ароматное винцо пьянило ласково и незаметно.

– Ох, и намаялись... Мало, руки-ноги оцарапали, ресницы спалили, так еще кофточку мою искрой прожгло. Волдырь на титьке вскочил, – сокрушалась Валентина, обмахивая лицо утиркой. – Крушится жизнь. Немцы подкрадываются. Может, в отступ? Оставим хозяйство на старых, – их не тронут, а сами к беженцам примкнем.

– Скажите, почему до Терека фрицев допустили? – загорячилась Наталья. – С виноградника царский тракт как на ладони. Вчера я там работала. Ужас, сколько беженцев с тачками и чемоданами, подвод, машин. Полки! Удирают, чтоб за горами сховаться... Я бы тоже сорвалась. Да бригадир не отпустит И маму⁶ не бросишь, сердце слабое. Опять же, кому мы

⁶ Мамука (тер.) – мать.

нужны с детьми. Бродяжить, милостыню просить? Вот тебе и «Красная Армия всех сильней»!

– Что ты разошлась?! – оборвала Ефросинья с гортанной ноткой в голосе, что бывало, когда особенно волновалась. – Борис мой никогда от страха не побежит. И твой Митька, и Федор ее... Красноармейцы бьются из всех сил. Я в этом уверена. А потому отступают, что вооружения не хватает. Больше у немчуры самолетов и танков.

– Терцы клятву сдержат. Это верно. Потому – казаки! А за других – не божись, – покачала головой хозяйка. – Лучше о себе, девчата, поговорим. Что теперь делать? Как жить? У меня двое детей, у вас по одному. Да старики наши. И каждого накорми! Главное, запастись продуктами. Картошку, хоть и мелкая в этом году, срочно выкопать. Что можно – украсть в колхозе...

– А про другое забыла? – фыркнула Наталья, щуря свои цепкие крыжовенные глаза. – Про участь нашу. Мы с тобой – бабы как бабы. А на Фроську мужики зарятся. А если немцы?... В Гражданскую войну я малюсенькой была, и помню, как горцы в хутор наскочили. Мамука на чердаке пряталась. Двух баб насиловали и калмычку одну, незамужнюю. Беженка у нас ютилась из благородных. Так она – с места не сойти – остриглась налысо. Вроде тифозная. Потому не тронули...

– И молодец, – хлопнула ладонью по столу Валентина и воинственно подбоченилась.

– Дюже адатная!⁷ Без мужиков тоже не жисть. Встала б и – отряхнулась! – шало искривила губы захмелевшая Наталья. – На монастырь я не согласна.

⁷ Адатная (тер.) – с норовом, плохим характером.

Что на роду написано – тому быть. Да не так страшен ведьмак, как малюют.

– Может, сумеют отбить фашистов? – не утаила надежды Ефросинья, почувствовав, что клонит в сон.

– Вряд ли, – клюнула носом Валентина. – Что гадать? А давайте затынем. Душа просит...

– Заводи, – кивнула Наталья.

Хозяйка, придав лицу страдательное выражение, запела страстно, с замиранием:

Ох, мама моя, мамка родненькая!

Что мне делать скажи, – Расскажи.

Казака полюби... полюбила молоденького

Я всей силой моей беззащитной души.

И при повторе, когда подхватили подруги, Валентина подняла голос на предельную высоту, как учила мать, – лучшая в округе песенница. Но на втором куплете певунья остановилась и протяжно зевнула.

Ефросинья на миг прикрыла глаза, – и тотчас погрузилась в зеленоватую теплую темь. Словно сквозь воду слышала она, как снова пробовала запевать Валентина и остановилась, затем в тишине сладостно навалилась дремота...

Ей привиделся Машук в весеннем мареве, бегущий вдоль родной станицы по своему извечному руслу полноводный Подкумок, родительский дом с крылечком. А за ним – цветущий сад. Увидела она себя девочкой, любующейся деревьями. И вдруг между белопенными соцветиями стали появляться на ветках черные блестящие кольца, а когда приблизилась, то заметила клубки гадюк, обвивающие груши и вишни, и от страшного испуга закричала...

С колотившимся сердцем Ефросинья открыла глаза. Ее разбудил незнакомый тяжелый гул. Под-

руги спали, посапывали сидя, опершись на спинки стульев. В приоткрытую дверь заглядывал, скособочив голову, рыжий петух, с черной, слегка отливающей бирюзой шейкой и резным бордовым гребнем.

И в эту минуту с бешеной силой гроыхнул взрыв, дрогнула земля и со стола слетела, звякнув о пол, чарка. Подскочив спросонья, Валентина и Наталья испуганно уставились на Ефросинью. Та не успела ответить, как подряд ухнули еще две бомбы. Но отдаленней, – за хутором. Оцепенев в страхе, стояли неподвижно. Гул стих. Вновь прорезал тишь крик петуха.

– Искупались, а дымом отдает, – в нервной горячке посетовала Валентина. – Как же так...

– Бомбил нас, сволочь, – ругнулась Наталья, приходя в себя. – Крепенько спали... Что стоим, Фрося? Может, в наши дома попал...

И как была, в нижней рубашке опрометью бросилась из кухни. Ефросинья, натянув юбку и застегивая на ходу кофточку, побежала вдогон. На улице чувствовался горьковатый запах тротила, принесенный ветром. И приняла, осознала как данность случившееся – война уже здесь...

6

Хутор разбуженно шумел. Взгляд Ефросиньи еще издали выхватил подворье и хату, – они были невредимы. Всё кругом казалось необыкновенно близким: и уличный строй домов, и резные их ставенки, и плетни, и палисады с нежно лимонными и пунцовыми мальвами. «Без суеты. Всё делать по уму», – успокаивала себя Ефросинья, отворяя калитку.

Под камышовым навесом знакомо пахло коровой, подсохшим разнотравьем, навозом. Буська, почуяв хозяйку, повернула голову и призывно замычала. Ефросинья напоила буренку, подбросила в опустошенные за ночь ясли сенца и, вымыв и отерев тряпкой вымя, принялась доить. В посвежевшем воздухе волнующе витал сладковато-густой запах парного молока, и теплоту его она ощутила коленями, удерживающими подойник, – на что прежде не обращала внимания. Но вновь непрощено кольнула тревога: что с Павлушей и свекром? Мысленно перенеслась она в родную казачью хату, в станицу Горячеводскую. Теперь они там, а Ефросинья – в хуторе, где стала жить после замужества. Борис учился в Пятигорске на тракториста, и они случайно познакомились на первомайской демонстрации. Год переписывались, пока она заканчивала педучилище. Однако преподавать немецкий язык ей так и не пришлось. В Пьяном кургане была только начальная школа, поэтому вынужденно пошла в колхоз. Думала ненадолго, надеясь, что перетащит мужа в город...

Соседка, тетка Василиса, в обрезанном потертом бешмете и калошах, ворошила кизяки в потрескивающей надворной печуре. На дощатом столе в горшке желтели куски тыквы. Увидев Ефросинью, входящую со стороны огорода с кувшином, она поправила на голове косынку, приветственно кивнула.

– Вот, Фрося, дождались войны. И к нам добрались, аспиды! Я уже у Махоры разузнала. Одна бомба на огороде Черноусихи упала, осколками крышу посеколо. А другие на берегу деревья с корнями вырвали. Где они, проклятые, зараз? Близко?

– Вроде бы около Минвод. – Ефросинья поставила на стол кувшин. – А может, еще ближе. Недаром приказали траншею рыть. Иду на гору. А у самой сердце разрывается! Сынок и свекор до сих пор не приехали.

– Ну, Фомич тертый калач. В огонь не полезет. Так-то оно и лучше... А за молочко благодарствую. Бабы, дочка, решили ноне коров не выгонять. Пусть и твоя в стойле днюет.

– Я задала сенца, напоите в обед.... Без вас, тетя Василиса, я как без рук. И дома не живу...

– Не переживай. Присмотрю, как надо.

К семи часам все, кто смог осилить подъем, были во главе с бригадиром на месте. Ждали военного. Утро быстро теряло прохладу. Пахло молодой полынью, доцветающим шалфеем и донником. Иногда доносился приторно-сладкий аромат татарника. Пологая вершина, в пожухлой траве и бурьяне, перетекала в поле, занятое бахчой. А далее второй волной оно поднималось на увал. Вдоль поля тянулась дорога на станицу Курскую, которая от выгона петляла у реки, а затем делала крюк по склону.

Ефросинья, проходя через многолюдную толпу, ощутила себя точно на похоронах. Хмурыми и сгорбленными выглядели бородачи и пожилые бабы, опиравшиеся на лопаты. Небогатый запас сил они растратили при подъеме, но по старинке храбрились, пошучивали. В стороне кучковалась молодежь, о чем-то оживленно споря. Тут же сновали вездесущие сорванцы, украдкой отдаляясь к лесополосе, откуда легче высыпать на бахчу. Хотя и знали, что поживиться арбузами и дынями не так-то просто. Вблизи дороги высилась холобуда⁸, крытая

⁸ Холобуда (южн. каз.) – шалаш.

сеном и ветками. Сторож дед Бобрус, с берданкой за плечом, похаживал сейчас, пока не так жарко, мерил своими журавлиными ногами баштан, всем видом показывая, что покушаться на колхозное добро бесполезно.

Многочисленная группа молодая держалась особняком. Они лузгали семечки, судачили, косились на дядьку Савелия, ожидая от него команды. Шел второй час бессмысленного стояния.

– Должно, немцы совсем близко, – продолжила разговор дородная Дарья Портнова. – Беженцы отхлынули. А тех, у кого дети, военные расселяют по хуторам. В Дымкове две семьи поместили, свекор там был. А на содержание эвакуированных положено законом выдавать деньги. Или в счет налогов. А ну, прокорми ораву! И без того не солоно хлебаем. Еще военный заем брать заставили.

– У скитальцев выгодно одежду выменивать, – сощурила свои хитроватые глазки Надежда Курбатова, работавшая в сельмаге продавцом. – За полкило сливочного масла я в Стодереvской у одной москвички панбархатное платье отхватила!

– Нашли нас, крайних! Больше некого, – ворчала носатая не улыба Людмила Старечкина. – Нехай тогда, если за них не плотят, сами постояльцы окупают хлеб и койку. Ишь, насели на казаков!

– А то, что сторож на бахчу детей не пускает, это как? – вклинилась в разговор верткая и неряшливо одетая Таисия Назарова. – Для кого, спрашивается, бережет?

– Гремело, а сейчас тихо. Может, бои кончились? – вкрадчиво предположила худенькая Нина Загудина, конопатая одиночка, которую перед войной бросил муж.

– Какие там бои, – возразила грустноглазая Вера Стахурлова, не снимавшая черный вдовий платок. – Слышала в саду от шефов, что будут красноармейцы оборону налаживать на том берегу Терека. Значится, попадем мы в самое пекло!

– Да кому наш хутор нужен? Буруны да степь кругом, – возразила Наталья, накрутившая на голове кукиш, и выглядевшая сейчас неприглядно. Она подошла к Ефросинье, спросила:

– Твои вернулись?

– И не спрашивай. Не знаю, что делать. Хоть самой езжай за ними.

– Голова шумит. Напоила Валька. А сама хоть бы хны. Опять, гляди, с Михеичем бодается. Слон и Моська! А ну, пойдем...

И на самом деле, стоящие рядом приземистая толстушка и двухметровый казачина выглядели весьма забавно. Однажды сцепившись принародно в пустяшном споре, они с тех пор устраивали при встречах словесную баталию.

– Чихирь, Валентина, не уважает тепло. Ты ересь несешь и не краснеешь, – уличал Авдей Михеевич, низко склонив кудлатую, точно у снеговика, белую голову. – Надобно, чтоб бочка с надавленным соком и часу на дворе не торчала! А почему? Мошकारа. Сиганет она в сок и своим особым ядом заражение исделает. И вино пойдет не той колеей, и не услада получается, а кислое пойло. Надавил ты – и сразу в холодок его, в погреб ховай.

– А чтоб сок забродил да силу взял? И бабука моя, и мать иначе делали! Три дня на солнце ставим...

– Ого! – хохотнул старик и ощерил беззубый рот. – За три денька квас кацапский вызревает.

– А почему ж мой чихирь хвалят, а ваш не очень?

– Не дури ты, Валюшка, честных людей! Про мое вино, какое я лелею, выстаиваю до слезливой ясности, молва катится. И полагается перед тем, как выпить мой чихирь, твоей кислятиной руки хор-рошенько вымыть...

На этот раз бородач острил, жал на собственный авторитет и, похоже, брал верх. Валентина не отступала, и неизвестно, кто бы торжествовал, если б не замаячила на дороге повозка. Многие облегченно подумали, что спешит тот самый запоздавший военный. Однако зоркие женские глаза разглядели, что несущаяся по шляху, оставляющая за собой пыльный хвост подвода – колхозная, а правит ею стоящий в полный рост Санька. То, что кучер безжалостно хлестал мерина и оглядывался, всем показалось странным.

Не сдержавшись, навстречу ошалевшему лихачу двинулся бригадир. Но Санька метров за сорок закричал сдавленным тенорком:

– Немцы! На мотоциклах!

Толпа порывисто колыхнулась. Испуганные возгласы спутались в громкий гул. Малюгин не смутился, лишь рассвирепел, тыча рукой на дорогу:

– Где они? Покажи! Примерещилось? Стервец ты этакий, коня загнал! Все бока в пене...

– Я правду говорю! За лесополосой. А до этого видел кавалеристов наших. Они скакали по балке, к Тереку!

– Слезай! И не мути воду, кусок идивота!

Савелий Кузьмич повернулся к хуторянам и тем же разгоряченным голосом скомандовал:

– Старым разрешаю удалиться. Остальные – стройся в шеренгу! Начнем рыть. Три метра в ши-

рину, два – в глубину. В Гражданскую мне приходилось по такому делу. Ничего тут сложного: бери поближе, кидай подальше.

Никто не понимал, для чего нужно было здесь рыть траншею. Прежде всего, этот открытый участок степи никакого интереса для военных не представлял. Копать, вгонять лопату в целинную твердь даже для привычной Ефросиньи оказалось трудом непосильным. Острые лопаты вязло, с трудом разрезало сплетения крепких, как проволока, корней. Попыталась она рубить землю, бросая лопату сверху вниз, но и это не помогало. У подруг дело шло не лучше. Солнце жгло немилосердно. Мучила жажда. Губы только смачивали, помня, что вода в жару – первый враг...

Шорохи по бурьянам и неровный перестук лопат. Одурачивающий зной, от которого пульсирует в висках. И немая исступленность от сознания, что траншея эта – бессмысленная трата сил и времени, поскольку гораздо проще в хутор попасть по дороге.

7

Выстрел из ружья – сигнал тревоги – прозвучал громко и обрывисто. Ефросинья разогнулась и подняла голову. Сначала не сообразила, зачем это дед Бобрूसь мчался по полю с небывалой прытью и – на ходу отбросил свое ружье. Может, пацанов догонял?

Но какая-то из молодежек, копавших на дальнем краю траншеи, отчаянно выкрикнула:

– Бабы, танки на поле!

Разом бросилось в глаза: в дымке, поднятой ветром, полуденное выгоревшее небо, скачущий на его фоне всадник на гнедой и за ним – два грязно-зеленых чудища с башнями, помеченными черны-

ми крестами. Они, по всему, преследовали верхоконного. И не стреляли, намериваясь раздавить. Из-под мелькающих копыт вскидывались фонтанчики пыли. Боец с перебинтованной головой низко припадал, жался к шее лошади. Танки мчались под горку всё быстрее. Немцев, вероятно, охватило то властное чувство жестокости, которое побуждает охотника медлить, хладнокровно наблюдая за будущей жертвой.

Хуторяне врассыпную бросились с горы. А Ефросинья, сама не зная почему, стояла как вкопанная, пока к ней не подоспели подруги.

– Падай! Ну! – под ухо крикнула Наталья и толчком повалила Ефросинью на дно прокопа, – Ты что?! Спятила?

– погоди ты! А если кавалериста ранят?

– А если нас?!

Ефросинья не ответила. По соседству плюхнулась Валентина, отключив зад. У нее поддрагивал подбородок и губы. В эту минуту даже разговорчивая казачка утратила дар речи.

Ефросинья с замиранием смотрела на поле. Красноармеец, умелый наездник, по-казачьи зависал с лошади, опасаясь обстрела, вскидывался и громче понукал гнедую. Он смог на рысях обогнуть солончак и выбраться на обочину. Лошадь взяла на дороге разгон. И как только застрочил танковый пулемет, всадник бросил ее к спуску. И в один миг его укрыл, спрятал гребень бугра...

Танки, сбрасывая скорость и разворачиваясь, громыхнули траками. И сотрясая землю, двинулись в сторону Моздока. Их дула и пятнистые замасленные бока, как заметила Ефросинья, были густо припудрены слоем пыли. Она поднялась, с ненавистью

глядя вслед. Валентина, отряхивая юбку, грубо выругалась. А Наталья сразу предложила:

– Давайте хоть арбузом побалуемся. Во рту пересохло. Айда на бахчу!

На удивленье, из неглубокой траншеи – будто услышал – поднялся неподалеку дед Бобрусь. Узкое лицо его с жидкими буровато-седыми усами выражало глуповатую растерянность. Старая соломенная шляпа, похожая на сорочье гнездо, сползла на затылок, открыв лоб и загорелую лысину. Он ни слова не возразил, пошел вместе с молодайками, по привычке бахвалился:

– Кабы не пальнул, – всех бы передавили! Летели чертяки пуще Змея Горыныча. А я сроду не пужаюсь! Три войны отвоевал, а на четвертой геройское ранение получил. Как увидел эти самые танки, аж ноздри раздулись! Зарядил патрон с картечью и санданул по ним! И так до пяти разов!

– Да ты, дед, случайно выстрелил, и то, как пукнул, – шутиливо пристыдила Наталья.

– Молодая ты бабенка, а слухом обнищала! С одного выстрела только мух бить!

Свое ружьишко искал он долго и старательно. Но так и не обнаружил, – затерялось в рослом бурьяне. Слишком мудрено петлял, убегая от немцев. И досадливо махнув рукой, вынес из холобуды пузатую сумку с чугуном и мелкими пожитками. Понуро уселся и ждал на чурбане, пока молодухи отведают души сахарным арбузом. Для чего теперь охранять владения? Наоборот, пускай люди, сколько могут, уносят сладкий урожай. И, поразмыслив, он решил не оставаться в степи, а вместе с хуторянками вернуться домой.

Предзакатный сон Ефросиньи, забывшейся с устатку, был мимолетен. Тревожные думки тотчас подняли с топчана. В горенке дремал на клеенчатой скатерти рыжий луч. Ефросинья боковым зрением уловила отражение в настенном зеркале. Присмотревшись, ничего особенного в своем лице не нашла. Похожа слегка на горянку. Нос чуть горбатый, губы плотные, очерченные, подбородок небольшой. Выделялись только влажным блеском крупные глаза, – темного желудевого оттенка, с грустинкой. Мало чем отличалась она от сверстниц, – стройна, полногруда, с вьющимися русыми волосами, заплетенными в тугую косу. Непонятно, чем так приглянулась Борису, да и другие парни за ней уживались. Хотя никогда не нравилось ей кокетничать и дурачить ухажеров. Она сразу и всем сердцем полюбила мужа. Еще до свадьбы, и особенно теперь, когда осталась солдаткой, дня не обходилось без сальных намеков немолодых бабников. Если и наделил бог красотой, то теперь она не в радость, а в обузу. Пусть бывает очень тоскливо, и знобит от жажды мужской ласки – это терпимо. Лишь бы дождаться Бориса...

Характерный тарахтящий звук возник изподволь. Ефросинья вытолкнула створку окна, выглянула и – отпрянула назад. Вдоль плетней ехала смычка мотоциклов с пулеметами на колясках. Немцы были в зеленых френчах с закатанными рукавами, в касках, а на лицах водителей еще круглились выпуклые очки. От трескотни проезжающей колонны заложило уши.

Вдруг один из мотоциклов подвернул к воротам. Ефросинья похолодела. Рулевой остался на месте, а сидевший в «люльке» рыжебровый здоровяк от-

бросил с колен полог и вылез с пистолетом в руке. С ходу выбил ботинком калитку. Мгновенье – и с грохотом распахнулась дверь в горницу. Немец в упор встретился с ней взглядом. Он был страшен и от каски большеголов: светлые льдистые глаза со звериным прищуром, длинное лицо – окаменевшее, пистолет угрожающе направлен в грудь казачки.

– Bist du eine Partisanin? – со злобой спросил немец. – Wo ist dein Mann?⁹

Ефросинья отрицательно покачала головой.

– Gib mir Wasser. Schneller!¹⁰

И эти слова ей были хорошо понятны.

– Там колодец, – показала она рукой в окно. – На дворе. Hoff.

– О! – удивился верзила, опуская руку с оружием. – Ба-ба... карашо! Лубить!

Он повторил эти слова еще раз и осклабился. И облапив ее, притянул к потному телу, задев по виску краем каски. На шее почувствовала она липкие губы. И, охваченная отвращением, рванулась с такой силой, что рыжебровый отлетел к стене. Его лицо исказила злобная гримаса, он опять наставил пистолет. Но с улицы – не иначе ангел помог – донесся призывный сигнал мотоцикла. Фриц сквозь зубы выругался и, уходя, загреб со стола дыню...

Ефросинья, не медля, вышла в летнюю кухню и тщательно вымылась нагретой за день водой из кадушки. Только после этого успокоилась, и исчезло ощущение брезгливости. Убедившись, что в хуторе больше не слышно мотоциклов, снова спряталась в доме.

⁹ – Ты партизанка? Где твой муж? (нем.)

¹⁰ – Дай мне воды. Быстрее! (нем.)

Зеркало точно притягивало. Вспомнив рассказ Натальи о жившей у них горожанке, она снова подошла к нему. И словно там, на горящем поле, – обдало жаром при мысли, что вот так же, как этот мордатый, любая немецкая сволочь сможет прикасаться к ней, хватать, срывать одежду, лезть с поцелуями...

Колебалась она недолго. В полузабытьи от небывалого волнения, ощущая, как колотится сердце, Ефросинья достала из ящика комода, где хранился портняжный инструмент, большие ножницы. Вернувшись к зеркалу, отколола свернутую кольцом косу и, став левым боком, затаив дыхание, – одним движением отрезала ее. Коса оказалась тяжелой и шелковистой, и Ефросинье на миг стало жалко себя. Но тотчас взяв густую расческу, она принялась обстригать виски, срезать и ровнять челку. Пряди мягко падали на грудь, пятнали синюю в белый горошек ситцевую кофточку, домотканые половики. От щелканья ножниц звенело в ушах. Минуты летели незаметно – и вот уже в зеркале отражалась как будто не она сама, а похожая лобастая женщина...

8

Катастрофическое положение, возникшее в середине августа на терских казачьих землях, заставило Ставку Верховного Главнокомандования провести не только перегруппировку войск Закавказского фронта, но и создать новый орган управления – Северную группу во главе с генерал-лейтенантом Масленниковым. На огненную черту Терека перебросили из района Махачкалы и Баку 44-ю армию, с турецкой границы и черноморского побережья были сняты две стрелковые бригады и пять дивизий, танковая бригада и бригада морской пехоты,

артиллерийские полки. 9-я армия усилилась стрелковой дивизией. По Каспийскому морю спешили на помощь два гвардейских корпуса и недавно сформированные пехотные бригады.

Предстояло в кратчайший срок рассредоточить эти мощные силы по терскому рубежу и до мелочей продумать варианты долгосрочной оборонительной операции. Фактически она началась с марша прибывающих дивизий. Пока на берегах Кумы и Малки окапывались отряды передовой линии, готовясь в лобовых боях задержать оккупантов, основные силы занимали позиции и готовили укрепления: противотанковые рвы, надолбы и дзоты – на второй линии обороны вдоль Терека, Уруха и на перевалах Главного Кавказского хребта. Таким образом, фронт растягивался на полтысячи километров.

Глава немецкого генштаба Кейтель и начальник штаба сухопутных войск Гальдер ежедневно докладывали фюреру об оперативной обстановке на российском юге. Стремительный бросок бронетанковых сил вермахта, за две недели разметавших отступающие дивизии Советов и продвинувшихся на пятьсот километров от Ростова до Пятигорска, казалось бы, должен был порадовать Гитлера. Но, наоборот, с каждым днем он становился всё более недовольным темпами наступления. Видимо, опыт ефрейтора Первой мировой и интуиция ему подсказывали, что русские не только не сломлены, но замыслили нечто особенное, грозящее не только остановить его дивизии, но и обеспечить прочную оборону.

Трехпалой лапой вцепились его войска в кавказское пространство. 17-я армия Руоффа ломилась вдоль черноморского побережья к Новороссийску,

вела упорные бои на туапсинском направлении. 49-й горнострелковый корпус Конрада поднимался к ледникам перевалов. А дивизии 1-й танковой армии Клейста, еще две пехотные дивизии и горнострелковая румынская, пробивались к излучине Терека, чтобы выйти к нефтяным скважинам Грозного и Баку. Наряду со взятием Сталинграда, это было главной целью летней кампании. Накануне близких своих побед, в застольных беседах Гитлер охотно обсуждал будущее России, предначертанное планом «Ост»: славянские народы, за исключением здоровых молодых людей, годных для примитивных физических работ и воспроизведения потомства рабов, должны быть истреблены. Подлежал запрету и забвению русский язык и иные здешние наречия. Третий Рейх раскинется по всей планете...

Но меняя тему разговора, он внезапно раздражался и высказывал недовольство тем, что фельдмаршал Лист, командующий группой армий «А», имея на Кавказе пятикратное превосходство в танках, наступает «черепашьим шагом», дает русским возможность сохранить войска.

На другой день в Пьяный курган спешным порядком прибыла стрелковая рота с двумя подводами боеприпасов, пушкой на конной тяге и походной кухней. Красноармейцы, донельзя усталые, отошавшие, в серых от пыли гимнастерках и штанах, остановились за околицей. Рассыльные пошли по дворам, прося до вечера топоры и двуручные пилы. Хуторяне, узнав, что их отряд будет защищать хутор, не могли отказать. Более того, прихватив с собой пышки, арбузы, сало, чихирь, хозяйки и пожилые казаки приходили на берег поодиночке и стайками. Рас-

спрашивали «родненьких солдатиков», какие вести с фронта и что в дальнейшем ждать. Когда задымила труба походной кухни, тетка Василиса и Ефросинья зарезали для приварка в солдатском котле по курице и тоже подались к служивым.

Подворье Грудневых от околицы четвертое. С тылу, – за огородным плетнем и садом, – берег излучины. По нему вразброс хороводят вербы, чинары, вековые дубы. В ложбинах щетинятся кусты шиповника и терна. А за могучим потоком, плавающим на течении, низкий островной берег закрывает стена леса, который в половодье изрядно заливают бродячая вода. Там – изобилие грецких орехов и фундука, груш, боярышника, барбариса. Вольготно зверью. По теплу оглашают окрестность птичьи трели, зимой в чащобах таятся стаи сов, с полей торили тропы волки, нередко схватываясь с обитающими здесь секачами. Остров испокон веку был хуторским, хотя часты были прежде вылазки и посягательства с чеченской стороны. И теперь, на исходе лета, хуторяне часто переправлялись туда, запасались ягодой и орехами, готовясь к военной и тяжелой, по всем приметам, зиме.

Казачки прямо с огорода вышли к расположению роты. И с удивлением обнаружили залитый солнцем, оголенный метров на пятьдесят берег, где еще утром росли тополя. У кромки воды громоздились плоты из свежих бревен. Бойцы, храня рядом под боком винтовки и автоматы с дисками, сидели и лежали на траве, подстелив под голову скатки шинелей. Берег непривычно наполнился крепкими запахами мужского пота, кирзы, ружейного масла, табачного дыма, спиртуозной вонью портянок. В стороне замаскированные ветками находились ми-

нометы и небольшое орудие, прикрытые брезентом подводы, охраняемые часовым. Из трубы полевой кухни поднимался чадный дым. Табунки захудалых лошадей под присмотром ездового жадно стриг зубами жестковатую поросль колосящегося пырея и клевера. Внимание Ефросиньи привлекли пулеметы и двуколка, в которой лежали катушки с проводом. Отдельно стояли подводы, возле которых хлопотала женщина в белой косынке и медицинском халате под горло. Со стороны хутора охранял длинношей парень в мокрой пилотке и новенькой мешковатой гимнастерке, затянутой ремнем. Он сдернул винтовку с плеча, строго крикнул:

– Стойте! Дальше нельзя. Вы к кому?

– К вашему командиру, – не растерялась тетка Василиса и, осторожно ступая больными ногами, стала спускаться по тропе. Ефросинья, повязавшая голову желтым батистовым платком, следом несла в ведре разделанных кур.

– По какому вопросу?

– Ты позови, а тогда скажу, – сухо ответила принаряженная в тираску¹¹ и каемчатую юбку казачка.

Бойцы заинтересованно повернулись, скрестили взгляды на красивой молодой хуторянке. Заметил пришедших и какой-то офицер. Он поднялся с раскладного стула, скрытого под дубом, поблескивая красными эмалированными квадратиками в петлицах и звездочкой на рукаве гимнастерки. Медвежьей походкой направился к женщинам. Рослого и ширококостного, с глубокими глазницами, этого неприятного дядьку точно облили потом, – его редкие рыжеватые волосы свисали косицами.

¹¹ Тираска (южн. каз.) – женская кофточка.

– Здравия желаю, гражданки! В чем дело? – спросил он с недоумением.

Тетка Василиса нахмурилась.

– Мы кур для варева принесли. И поговорить хотели.

– Я – политрук роты. Выношу благодарность за сознательное отношение к армии. А разговорчики – это в другом месте...

По ироничным взглядам бойцов Ефросинья поняла, что этого командира не очень уважали. Нечто отталкивающее было в его грубом лице, в голосе, в жестах длинных неуклюжих рук с влажными ладонями. Ей стало еще неприятней, когда уловила на себе навязчивый взгляд.

– Как вас зовут, девушка?

– Зачем это? – осадила Ефросинья.

– Вопросы задавать буду я, политработник Калатушин.... В нашей роте не хватает санинструкторов. Если вы патриотка и любите Родину, то в этот трудный час обязаны встать в ряды РККА. В моем лице вы найдете наставника. Серьезно подумайте над моим предложением...

Солдаты почему-то стали подниматься на ноги и вытягиваться. Ефросинья заметила за плечом политрука твердо шагавшего по берегу симпатичного военного с шевроном на рукаве и «шпалой» в петлице, сопровождаемого двумя молодыми офицерами и усатым старшиной с полевой сумкой через плечо. Ефросинья догадалась, что это и есть ротный командир. Его, по всему, тоже заинтересовало появление хуторянок. Расслышав последние фразы политрука, подходя, он спросил:

– Кадровые вопросы решаете, Егор Степанович?

Комиссар обернулся, неприятно меняясь в лице. Узкие губы его стянулись в ниточку. Он наи-

гранно помолчал и не к месту ответил официальным тоном:

– Провожу разъяснительную работу среди населения.

– Ну, и как?

– Жду ответа от этой девушки, товарищ капитан.

– Думаю, напрасно, – бросил командир и улыбнулся пожилой казачке. – Каждый должен заниматься своим делом. Верно?

– Мы делаем общее дело, – возразил политрук и с суровым видом ретировался обратно, в тени.

– Рта не дал открыть... – проворчала тетка Василиса, метнув взгляд в спину уходящего. – Мы с доброй душой, а он шипит, как змей...

Капитан был подтянут, чернобров и очень привлекателен, с короткой щетиной на лице, с уставшими и как будто опаленными темными глазами. Узнав в чем дело, он позвал кашевара, и когда тот принял кур и удалился, благодарно пожал женщинам руки:

– Я из станицы Старопавловской. Терский казак. Ивенский Александр Матвеевич.

– А меня Герасимовной зови. А это – Фрося. Вот хорошо, что ты нашенский. Вчера по хутору немцы пылили, а ноне вы зашли. Просвети нас, дорогой человек, что к чему. Чего ждать?

– Сам не знаю. А врать не хочу. Фронт не устоялся. Враг насаждает. Приказ дан держать возле вашего хутора оборону. На южном берегу, где мастерские.

– Небось, возле переправы?

– Так точно.

– В Гражданскую войну там тоже не раз цокались. А почему, сынок, другие части отступают? Али числом немцы берут?

– И людей, и техники у фрицев больше. Вот в чем суть! Бьемся мы честно, по кустам не прячемся. Нас, мать, упрекать не в чем ... Укомплектованность роты всего на семьдесят процентов. Пополнение неопытное. Но всё равно бьем врага!

– Маловато вас, сынок, – со знанием дела заявила казачка. – В двадцатом году возле брода две сотни казаков отбивались от матросов. И то не хватило. А как же вы?

– Загадывать не будем, – уклонился Ивенский от ответа. – Скажите, лесной остров на том берегу проходим?

– Дюже заросший, но дорожки набиты. Одно время там схимник в хатенке бревенчатой жил. Монах с Расеи... Неужто немцы захватят?

– Полки занимают позиции по Тереку. Сломим фашистам хребет и погоним восвояси.

– А Пятигорск еще наш? – тая надежду, спросила Ефросинья.

– Неделю назад или больше – оставили...

Сердце Ефросиньи неприятно заныло. И ни о чем больше не думалось, – всеми мыслями была сейчас там, с родными. В который раз упрекала себя, что зря отпустила Пашеньку со свекром. Фронт отрезал их друг от друга...

Неожиданно откуда-то сверху долетел звонкий юношеский голос.

– Товарищ капитан! Рама!

Ефросинья вздрогнула и, подняв голову, заметила на верхней ветке дуба наблюдателя с биноклем.

– Рота! Слушай мою команду! Всем в укрытия! – зычно крикнул Ивенский и, прощально кивнув хуторянкам, бросился к минометным расчетам.

Бойцы вскочили, разобрав оружие, разметались по ложбинам и кустарникам, по огородам. Берег быстро опустел. Задержались только кряжистый старшина и трое артиллеристов, толкавших пушку в заросли лозняка. Ефросинья догадалась, что появление самолета-разведчика означает скорую опасность – налет бомбардировщиков...

В своем саду она обнаружила десятка два солдат. Служивые без стеснения рвали с зимней яблони зеленоватые плоды и, впиваясь зубами в сочную плоть, рвали зубами, жевали так, что трещало за ушами. Ефросинья понимающе посмотрела, – пусть лакомятся, нисколько не жалко. Но, как подобает рачительной хозяйке, предупредила:

– Дерево старое – ветки не ломайте!

– Ни за что на свете! – отозвался кривоногий хлопец в побелевшей от солнца пилотке и смело зашагал рядом. – Поступайте в нашу роту, барышня. Приглашаю вас лично как гармонист. Сразу боеспособность личного состава, особенно моя, повысится. Будем любоваться на вашу красоту и сокрушать врага!

– Отставить, Щеглов! – приструнил острослова сержант с длинными запорожскими усами. – Вин у нас скаженный, гражданочка. Язык – помело. А яблочки дуже гарни. Як у нас, на Кубани...

И бойцы, провожая восхищенными глазами эту молодую красивую женщину, перестали жевать, забыли в эту минуту, наверно, не только о яблоках, но и о войне. А Ефросинья шла, еле сдерживая слезы, подавленная и опустошенная известием о том, что родной город топчут фашисты...

9

Присутствие рядом красноармейской роты придало бригадиру смелости. Он объявил по дворам, что колхозные работы возобновляются. Ефросинья с Натальей получили наряд на уборку винограда, и с утра направились к дальней колхозной клети.

Ни облачка на подернутом пыльной наволокой небе. Виноградные листья от жары поникли, где поржавели и скрутились, где продырявились. Ближние ряды уже были пусты, сборщицы работали посередине участка. Выяснилось, что бригадир в отъезде – его на подводе забрал Сашка по вызову военного, и потому никто не торопился. Казачки частенько отдыхали, собираясь в кружок под тенью кустов.

Ефросинья, пряча голову в туго повязанной косынке под разлапистыми листьями, срезала кисти острым садовым ножом, загодя наточенным свежром. Сильванер был еще кисловат, не до конца вызрели ркацителы и «дамский пальчик», но гроздь саперавы и муската источали нежный аромат и оставляли во рту чудеснейшую сладость.

– Ты никак волосы укоротила? – спросила Наталья, переставляя ведро с янтарными кистями алиготе. – Не идет тебе.

– Постриглась. И что?

– Какая-то ты не такая... Смешная.

– Режь давай. За собой следи...

И подруга, посмотрев на нее с недоумением, умолкла и перешла на другую сторону ряда.

Малюгин приехал на армейской полуторке, в кузове вместе с ним сидело еще трое детей. По ветровому стеклу грузовика – паутина трещин, в углу

борта торчал щербатый осколок. Из кабины остановившегося «газика» вылез, поправив висевшую через плечо полевую сумку, немолодой бритоголовый офицер в гимнастерке с синими петлицами. Бригадир слез на землю, пройдя несколько метров вдоль ряда, в полный голос позвал:

– Груднева! Ты где? Бегом сюда!

Недоброе предчувствие встревожило Ефросинью. Она не спеша двинулась к машине, возле которой стояли Малюгин и военный. Подходя, сомкнулась взглядом с печальными глазенками худенькой девочки-подростка. Офицер заговорил напористо, чеканя слова:

– Ты Груднева? В оккупации была? Родственники осужденные есть?

– Нет.

– Комсомолка?

– По возрасту вышла.

– А дети?

– Сын. Второклассник.

– Значит, обращаться умеешь. Я – лейтенант спецчасти НКВД. Бригадир рекомендует тебя как сознательную активистку, имеющую медаль за труд. Садись в кабину и показывай дорогу домой.

– Ко мне? – растерялась Ефросинья.

– А у тебя что, два дома? – искоса глянул военный и, повернувшись, схватился руками за край борта.

– Минуту. Я хоть винограда захвачу...

В раскаленной кабине, куда залезла она и поставила в ногах ведро, едко разило бензином и солидом. Видимо, круглолицему солдату, сидевшему за баранкой, часто приходилось ремонтировать своего «коня». Он запустил мотор, работающий с перебоями, тронул по дороге.

– Езжай до начала улицы, потом направо, к Тереку.

– Почему деревня чудно так называется: Пьяный курган?

– Не деревня, а хутор. А тебе зачем?

– Да так... Хочется с бабой побалакать.

– Ты о немцах думай, а не о бабах! – оборвала Ефросинья. – До Кавказа уже добрались!

– Мое дело – колеса. На то есть командование. Зря ты ругаешься. Замужняя?

Не дождавшись ответа, шофер поправил пилотку и вздохнул:

– Может, последний раз в жизни с молодой еду, а она хоть бы словцо душевное...

– Тот, кому оно предназначено, на фронте.

– Повезло ему. Дождешься ты... А моя с подростком закрутила. Вернусь – убью! – вспыхнул и безвольно обмяк солдат. – А, может, наговаривают со зла...

– Сначала сам разберись. Не знаешь, зачем я понадобилась?

– Детей «врагов народа» некуда девать. Везем их из Ростова. Кого в Минводах и в Георгиевске определили, а этих строго приказано – в Орджоникидзе доставить. А теперь хоть бы самим ноги унести... Должно, у тебя бросим.

– У меня? Почему? С какого рожна?

– Это, милая, не по желанию. Командир решает. Супротив Лазарева не попрешь... Третьи сутки в дороге не спавши. От танков не раз удирали...

У своего двора Ефросинья пожелала невезучему солдату победы и выбралась из кабины. Опередив ее, военный прыгнул на уличный жухлый спорыш, спешно приказал:

– Выгружаемся!

Сначала прыгнули мальчишки, а за ними осторожно слезла девочка. Она и белобрысый отрок, с прямым взглядом, доверчиво подошли к Ефросинье. А черноголовый, как грачонок, мальчуган отчужденно замер в сторонке. За узкими детскими плечами горбились пронумерованные вещмешки. Ефросинья быстро окинула их взглядом. Вид они имели настолько измученный и жалкий, что у нее сжалось сердце. И, наверно, очень голодны, судя по тому, что все трое смотрели на ведро с виноградом. Лейтенант, у которого от жары подернулись впалые щеки румянцем, выдернул из нагрудного кармана гимнастерки пачку папирос. Хотел закурить, но сдержался и кинул ее на подкрылок машины. Повернулся к Ефросинье, давя тяжелым взглядом.

– Как представитель органов госбезопасности я, лейтенант Лазарев, возлагаю на тебя, Груднева, особое поручение. Дальнейшая перевозка воспитанников спецприемника невозможна. По закону военного времени приказываю! Принять их на временное иждивение и под полную ответственность! За каждого отвечаешь головой. Руководство колхоза обязано до восстановления мирной жизни обеспечить их продуктами и всем необходимым. Акт передачи вы с бригадиром подпишите. Один экземпляр будешь хранить у себя. Строго предупреждаю. Их родители – шпионы и враги народа. Вникла? Задача ясна?

– Понятней не бывает... – в замешательстве, не сразу ответила Ефросинья.

Лейтенант только взглянул на детей – и они поняли без слов, стали в рядок. Затем достал из сумки сколотые листы бумаги и стал монотонно читать:

– Ващенко Дина Мануэлевна, тринадцать лет, отец – испанец, мать родом из кубанских казаков. Осуждены как английские шпионы. Вахонин Иван Иванович, тринадцать лет. Родители готовили покушение на товарища Сталина. Джафаров Али Мамедович, двенадцать лет, отец – азербайджанец, мать – осетинка. Создали подпольную троцкистскую организацию, – лейтенант обернулся к Ефросинье. – Передаются в полном здравии. Все трое обеспечены одеждой летнего образца и сменой белья. Сухой паек в дороге полностью израсходован.

Усевшись на подножке машины, офицер под копирку составил документ. Затем провел с детьми инструктаж: отныне будут они размещены в доме хозяйки и во всем обязаны подчиняться ей; запрещается менять место проживания, а если случится оное, то следует сообщить в «органы». Нельзя разглашать сведения, что они из спецприемника.

– На вопросы отвечать, что потерялись на вокзале. Родители уехали, а вы не сели на поезд, – в заключение наставил он.

Тем временем Савелий Кузьмич, по виску которого струйкой стекал из-под картуза пот, сбивчиво объяснял:

– Не на кого положиться. Предлагал отдать Матрене или Вальке Акименко, да обе на рюмку припадают. Это ж под контролем НКВД! У тебя, Фрося, и дом подходящий, и сын с Фомичом в отъезде. Ну, проживут трошки, а после передашь. Они немаленькие, будут помогать. Как находка...

Ефросинья вскинула укоризненный взгляд, и бригадир, вильнув глазами, стал зачем-то подтягивать голенище. Воспитанники, прислушиваясь к разговору взрослых, стояли присмиревшие. Энкэ-

вздэшник торопливо выхватил из сумки бланк и приготовил карандаш.

– Принеси фотокарточку для личного дела.

– Есть только большая, настенная. Мы с мужем.

– Тогда вырежи. Лишь бы лицо было.

– Этого не сделаю. Она у меня одна, – непримиримо отрезала Ефросинья.

Лейтенант встал, готовый проявить волю и власть, но ощутив в груди острый укол боли, вдруг растерянно замер и побледнел. Постоял, покачиваясь.

– Ну, и черт с тобой. Никуда не денешься, – выговаривал он с болезненным придыханием. – Из-под земли, если надо, достанем... А почему ты в такую жару, как монашка? Освободи голову.

– Зачем это?

– Чтобы составить твой словесный портрет! – сорвался энкэвдэшник, трясся листом.

Ефросинья, будто не слыша, повернулась к детям. Похоже, ей надоел и был неприятен разговор с занудливым военным.

– Ты что коники выкидываешь?! – всполошился бригадир. – Хочешь норов показать?

Нервы у офицера сдали. Часто дыша и щуря остекленевшие глаза, он лапнул на поясе кобуру. Видавший виды хуторянин не растерялся, быстро шагнул к плетню, заслонил собой Ефросинью, и та, поняв, что медлить опасно, перебрала пальцами по сдвоенному узлу, с досадой сорвала косынку.

У Савелия Кузьмича от удивленья шевельнулись брови. Смуглая девочка насторожилась, видимо, подумав, что ее могут так же обкатать. Зато пацанов вид тетеньки позабавил, они заулыбались. Помолчав, лейтенант с недоумением произнес:

– Почему без волос? Вши?

Казачка, не тая обиды от перенесенного унижения, задиристо выкрикнула:

– Мода такая, страхолюдная! От мужиков обороняюсь! Защищать некому...

Затем, отчужденно хмурясь, поставила закорюки на листах, один из них забрала, спрятала в лифчик. Крепкой рукой подняла ведро с виноградом, коленом вытолкнула калитку и кивком позвала детей. Новоселы дружно двинулись за ней. Ефросинья сразу направила их в летницу. Оттуда донеслись громохання рукомойника и голос хозяйки:

– Не стесняйтесь. Кушайте, сколько влезет. Эх вы, приемыши мои чумазые... Сейчас поведу на Терек, хоть пыль смоете. А потом постираемся...

Лейтенант снял с подкрылка пачку «Беломора». В рассеянности предложил курево бригадиру, тот охотно взял. Жгли табачок на пару, жадно вдыхая дым и прислушиваясь. В открытую дверь машины было видно, как водитель, положив голову на руль, спал.

Неожиданно офицер, то ли удивляясь, то ли осуждая, с ухмылкой пробормотал:

– И на что она рассердилась? Видно, слишком избалованная. Красивые, они все с кандибобером...

– Баба она строгая, без глупостей, – поправил Савелий Кузьмич, затапывая окурки.

– Главное, поставил ей задачу, определил малолеток. Ты, бригадир, эту психическую поддерживай. И про свою подпись не забывай. В первую очередь, как член ВКП (б), полностью в ответе за режимных лиц.

– Я сделал, как вы требовали. И предупреждал, что приказано с отарой эвакуироваться. Сегодня привезу ей мешок муки, что держал на складе. А за остальное как мне отвечать...

– Это не имеет значения. На момент передачи – ты должностное лицо.

– Как не имеет? Меня же не будет здесь.

– Дай поручение, кому следует. Ты со мной не шути, бригадир... Я этого не терплю!

– От слов я не отказываюсь, и за Ефросинью поручаюсь. Она педучилище закончила. Образованная... А вам, товарищ лейтенант, не стоит в хуторе задерживаться. На том берегу, неподалеку рота вчера окопалась, к бою готовится. Утром старшина с солдатами чувал гороха самовольно забрал. Тоже, мол, по закону военного времени. А если вы, к примеру, с меня спросите. Тогда что? Под суд?

– Само собой, – не без иронии подтвердил офицер и, поднявшись, всё же успокоил. – За помощь армии никто тебя не тронет.

– Так может, возьмете до Орджоникидзе супружницу и дочь с внуком? – скороговоркой обратился Савелий Кузьмич. – Уважьте, товарищ лейтенант! Если донесут немцам, что семья коммуниста, бесперечь расстреляют.

– Поэтому и отказался взять к себе воспитанников?

– Да. Боюсь за семью.

– А Ефросинью бросаешь одну с детьми?

Старый казак расстегнул верхнюю пуговицу косоворотки. Не стал оправдываться перед чужим и случайным человеком. Офицер громким окриком разбудил ошалевшего от сна своего шофера и глянул через плечо.

– Места не жалко. Показывай, где живешь. Только гремит уже за Тереком. Гаубицы. Веселенькая музыка!.. Возьмем твоих. А вот довезем ли – вопрос...

10

Операция «Эдельвейс» отнюдь не ограничивалась захватом нефтепромыслов Грозного и Баку. Это было лишь этапом в трансазиатском плане Гитлера. Предполагалось дальнейшее продвижение немецкой армии на юго-запад, чтобы по иранской территории выйти к Персидскому заливу, овладеть нефтяными скважинами Ирака и уже оттуда готовить поход на Индию. (В том случае, если турецкое руководство нарушит договор и начнет заигрывать с англичанами, фюрер был намерен захватить проливы Босфор и Дарданеллы.) От Басры танковая группировка должна была сделать разворот на север Африки, где воевал итало-немецкий корпус Роммеля, и «сомкнуть клещи» вокруг земель Третьего рейха в тысячи километров – от Воронежа до Багдада, от Стамбула до Парижа.

В разгар кавказской кампании, когда 1-я танковая армия ценой тяжелейших потерь взяла Моздок и двинулась к Грозному, 49-й горнострелковый корпус достиг предгорий Главного Кавказского хребта, а дивизии Руоффа пробивались к Туапсе, руководство вермахта решило подтянуть к фронту «Особый штаб Ф». Свое название он получил от фамилии командующего – Фельми. Из малочисленного сначала отряда этот энергичный генерал авиации, вояка еще «Вильгельмовской закваски», служивший в Турции и тропической Африке, за год создал мобильное формирование. 20 августа поступил приказ о развертывании «Штаба» в корпус особого назначения, и уже через неделю его основные силы были в районе Сталино (Донецка).

Шеститысячное это соединение могло вести боевые действия автономно, располагая частями, служ-

бами и подразделениями всех родов войск. Из трех усиленных моторизованных батальонов два были полностью укомплектованы немцами, а третий – иностранный – состоял из палестинцев, иракцев, сирийцев, иорданцев и жителей иных стран. По вооруженной оснащенности эти батальоны превосходили даже армейские полки. Отдельный танковый батальон, авиационный отряд в 25 самолетов, саперная рота, мощная минометно-артиллерийская группа, не считая разведывательного отряда на бронемашинах и кавалерии, делали корпус незаменимым в тактических маневрах и позволяли решать любые оперативные задачи. Зачисленное в резерв штаба группы армий «А» формирование Фельми ожидало, когда немецкие войска победоносно вступят в Тбилиси, чтобы отправиться туда железной дорогой и приступить к завоеванию Аравии.

Еще три дня хутор жил мирно. А по нагорной дороге проносились то немецкие мотоциклисты, то грузовики со звездами на кабинах, и пылили отряды наших кавалеристов. Пользуясь отпущенным временем, рота Ивенского успела проложить по лесистому берегу ходы сообщения, вырыть в полный профиль окопы, за каменным ангаром машинно-тракторной станции оборудовать командный пункт.

Фронт подступал вплотную. Наутро стал слышен бой у высоты, километрах в пяти. Смыкаясь в надсадный грохот, частили пулеметные очереди, раздавался треск винтовок, резкое уханье минометов. Западней не унималась артиллерийская пальба. Несмотря на опасность, дальновидные хуторянки запасались виноградом и арбузами, везли на тачках

с огородов капусту, свеклу и тыквы, ломали на брошенном поле квелые шляпки подсолнухов.

Никому уже не верилось, что «наши» устоят на этом берегу. Еще горше было свыкнуться с мыслью, что наступает жизнь, сулящая бесконечные тяготы и утраты. Два десятилетия хуторяне твердо стояли на земле, оберегаемые советской властью, а теперь – иноземное нашествие, и где-то совсем рядом разгуливает бабка с косой в серо-мышастой шинели...

Воспитанники оказались не только смышленными, но и приученными к труду. В первые дни они точно ошалели от наступившей свободы: не надо строем ходить в столовую, после учебы клеить конверты и вышивать фабричные кисеты, дежурить на кухне и в помещении, часами маршировать с песнями по плацу. Конечно, сельский быт показался неприятным, – вместо крана с водой – умывальник, туалет на огороде, теснота в доме, противные запахи на базу. Однако сама по себе жизнь здесь, в глухом терском хуторе, была в новинку. Они забрасывали Ефросинью вопросами, на которые не всегда находились быстрые ответы. И уже через неделю отпрыски «врагов народа» стали походить на исконных казачат, с которыми познакомились и вместе играли, – покрылись медным загаром, окрепли и обрели некую непривычную для себя умиротворенность.

Дина охотно помогала по дому: чистила картошку, стряпала, мыла посуду, старательно убиралась во всех трех комнатах. Мальчишки тоже не сидели сложа руки: набирали из колодца воду, пасли на берегу Буську, рвали яблоки, сливы, кизил и груши для компота и для сушки. Однако выполняли «наряды», как шутила Ефросинья, с ленцой, ничем не

отличаясь от сверстников. И приструнивая их, Ефросинья всё чаще вспоминала о сынишке...

Ребята, ушедшие с утра ловить раков, к обеду не вернулись. То, что они не сдержали слова, Ефросинью задело. Она попросила разузнать Дину. Спустя полчаса с улицы донесся отчитывающий голос девочки, и во двор вслед за ней с пустыми руками вошли сорванцы. Рукав синей казенной рубашки Ивана был порван, колени брюк вызелены травой. Алик стыдливо смотрел в землю.

– Полюбуйтесь на них! – не унималась Дина. – Мы их ждем, а они дразнят теленка. Корриду устроили. И других детей учат плохому.

– Никого мы не учим, – огрызнулся Иван, переминаясь с ноги на ногу. – Митька сам предложил...

– Какого теленка? Что за коррида? – растерялась Ефросинья. – Объясните толком.

Иван вздохнул, потер рукой плечо, где зияла на рукаве дырка.

– Да шли мы домой. Воды много на реке, раков нет. А Митька на переулке встретился и говорит: ты рассказывал про тореадоров, давай с нашим телком попробуем. Красный фартук он у бабки стянул. Мы и пошли на выгон. Их бычок выше всех, с рожками...

– У тебя самого рожки! – вставила Дина.

– А у тебя – две пары. Отвязали его и начали. Сначала он не бросался, а потом стал бегать с поднятым хвостом...

– Здорово было! – воскликнул Алик. – Ванька еле увертывался.

– Митька еще палкой его дразнил. Тут и налетел на нас его дед с кнутом. Мне рубашку рассек. Удрали мы в кушири¹². А Динка позвала – вышли...

¹² Кушири (южн. каз.) – заросли бурьяна, мелкого кустарника.

Ефросинья осуждающе покачала головой:

– Тоже мне, тореро... За позорное бегство с арены, уважаемый дон Хуан, – так, по-моему, твое имя по-испански – штаны будешь стирать сам. А кнут – наука на будущее. Таково казачье воспитание. Оно проверено, хотя и не всем нравится. Надеюсь, новый бой не запланирован?

Мальчишки переглянулись.

– Может быть, пора извиниться? – поддела Дина.

Алик, взглянув на хозяйку, повинно улыбнулся:

– Простите. Больше не будем.

Иван точно воды в рот набрал. Упорствовал. Ефросинья не стала ждать извинений. Добиваться их от человека – значит, показать собственную слабость. Тотчас распорядилась взять лопаты и идти вместе с ней на огород копать картошку.

Перед закатом бой на высоте затих. «Эмка» и смычка подвод с красноармейцами, подняв пыль, напоследок промчались по шляху. Вскоре по их следу скользнул по меркнувшему небу вражеский штурмовик. В отдалении раздались взрывы и затяжные очереди бортовой пушки.

По хутору пронеслась весть, что немцы подтягивают силы к ближним станицам.

Среди ночи Ефросинью разбудила дробь в оконную раму. Она с забившимся сердцем вскинулась в полутьме, надела халатик и, пересекая горницу, заметила, что мальчишки тоже подскочили на своей деревянной кровати. Не отпирая двери, Ефросинья окликнула:

– Кто здесь?

– Свои, хозяйка! Не бойся.

Поколебавшись, Ефросинья с непокрытой, коротко остриженной головой вышла на крыльцо.

В хуторе цепенела тишь. Фигуры солдат вразброс темнели по двору. Вызвавший ее боец, довольно рослый парень, держал в руке посох.

– Мы из окружения выходим, – пояснил он, горошиной катая во рту русское «о». – Скажи, где водички напиться. Немцы у вас есть?

– Вечером никого не было... А колодец у плетня.

Натужно заскрипел несмазанный ворот. Сквозь оживленные голоса послышалось постукивание фляжек о край ведра. Начинало уже светать. К крыльцу подошел молодой поджарый мужчина в командирской фуражке. На пояском ремне висели подсумок и кобура.

– Нам нужно переправиться. Глубоко напротив вас?

– За ночь вода могла прибыть. Вам лучше через брод. Это ниже, за хутором. Как раз там и рота наша оборону держит.

– Где? За Тереком? – уточнил офицер. – Ух, ты, черт возьми! Приятная неожиданность. Думал, что мы одни... Неловко обращаться, но... От голода и кислятины у солдат «обезьянья болезнь». Питаемся с деревьев, как мартышки. Не выручишь, уважаемая, продуктами?

– Зерном могу поделиться.

Ефросинья скрылась за дверью и заглянула в горницу:

– Ваня, Алик!

В одних трусах мальчишки выбежали на веранду, помогли ей пересыпать рожь из мешка. Ефросинья вынесла полный таз и поставила его на рундук возле надворной печи. Солдаты, развязав вещмешки, начали зачерпывать зерно котелками и наполнять их. Офицер, наблюдая, то и дело прикладывал

фляжку ко рту, глотками пил ледяную воду. Затем дал команду бойцам выходить на улицу, прощально обернулся.

– Извини, что в растрату ввели.

– Не за что. Рожь нам раздали. Не успели вывезти, – ответила Ефросинья и с тревогой прибавила. – Неужели у вас патронов нет? Палками воюете?

Командир, не сразу поняв, о чем она, с усмешкой объяснил:

– Да это Пичугин от собак. Постоянно его цапают... А с боеприпасами, да, туговато.

Отряд разреженным строем зашагал к окраине. Ветерок слабо шелестел жесткой листвой высокого надворного кизила. На светлеющем поднебесье, точно на проявляемом фото, проступали клочковатые сизые тучки.

– Ушли, – с горечью сказала Ефросинья и, прикрывая калитку, увидела на крыльце мальчишек. – Почему не спите?

– Уже развиднелось. Знаете, что... Давайте дрова поколю. Мне приходилось у бабушки, – напористо предложил Иван. – Где топор, я знаю.

– И я могу! – поддержал Алик. – В интернате я до подъема просыпался.

Вибрирующий, будто исходящий из-под земли гул, долетев с восточной стороны, нарастал, саднил в ушах. Ведро с водой, поставленное солдатами на край сруба, издало протяжный трубный звук. Почему-то непривычно рано замечались над хутором ласточки.

– Ваня, полезай на скирду. Глянь, – настороженно попросила Ефросинья.

К стогу сена, оберегая его от ветра, была привалена лестница. Ребята друг за другом забрались на-

верх. И оба испуганно уставились в стену. Ефросинья забеспокоилась, с нетерпением спросила:

– Почему молчите? Что там?

– Немцы... – дрогнувшим голосом откликнулся Иван и посмотрел на нее сверху. – Целое полчище!

Ефросинья быстро поднялась к мальчишкам. И обмерла, глянув на терскую долину. По всему шляху, растянувшись на много километров, черно-зеленой гадюкой ползли немецкие танки, грузовики, самоходки, легковые автомобили, броневики, крытые брезентом кубельвагены¹³, тягачи. От невиданного зрелища тоскливо зашло сердце, обожгло отчаяние, что не скрыться, не спастись уже от смертоносной армады, заполнявшей степь. И в который раз за эти дни захлестнули лихие сумбурные мысли: как выживать теперь с тремя подростками. Им не от кого было ждать помощи...

А мальчишки, стоявшие чуть впереди, невольно жались к ее плечам, – от вихрастых выгоревших волос и кожи пахло солнцем, речкой и укропом, который заготавливали вчера, а на шеех трогательно белел пушок. Разом вбирал взгляд Ефросиньи и нескладные детские тела с узкими плечами, и несметные войска иноземных завоевателей, явившихся поработить живущих здесь. И от этого жалостливо затомилась ее материнская душа, – больней, чем собственное одиночество, ощутила Ефросинья беззащитность этих несчастных сирот, за которых отвечала она вовсе не перед «органами», а перед богом...

– Вы что, орлы мои, оробели? Нечего пугаться! Вы – мужчины. А предкам разве легче было? Без конца воевали за Русь. Татар били, ляхов били,

¹³ Кубельваген (нем.) – открытый армейский автомобиль.

Наполеона без штанов оставили. Казаки, идя в бой, смотрели врагу в лицо, не ведали страха! – обняв ребячьи плечи, запальчиво говорила Ефросинья. – Помните слова князя Невского? Кто с мечом к нам придет, тот от него и погибнет. Он тевтонцев разбил, так и наша армия их потомков проклятых уничтожит на этой земле и до Берлина погонит! Мы победим, мальчики, победим обязательно. Родная земелька-любushка, как бабука говорила, тоже с врагом воюет, пока казак на коне...

Мальчишки заметили на глазах Ефросиньи слезы, но, стараясь не показывать этого, воинственно смотрели вдаль, исподволь ловя спасительное тепло ее рук...

Долго не раздумывая, Ефросинья открыла настежь широкие воротца омшаника, на сажень вырытого в земле и накрытого двухскатной крышей. Вынесла оттуда с помощью ребят разошедшие улья.

– Пойдут на топку, – распорядилась она и принялась мести земляной пол, снимать веником с углов паутину. Иван и Алик ведрами носили мусор. Наконец Ефросинья присыпала новое жилище для буренки глиной и выбралась во двор. Но Буська переселение восприняла неохотно. Упиралась, пятилась, мотая головой, от испуга мычала, и только совместными усилиями – хозяйка тащила за налыгач, привязанный к рогам, а мальчишки, терпя оплеухи хвостом, толкали в бока, – удалось-таки с горем пополам загнать упрямицу в омшаник.

– Никому не говорите, что она здесь, – предупредила Ефросинья.

Наблюдавшая за всем со стороны Дина наивно спросила:

– А как же корова будет на прогулки выходить?

Ефросинья снисходительно посмотрела на горожанку. Найдя обрезок широкой доски, она меловым раствором написала на ней немецкое слово и прибила к воротам. Вслух прочла и перевела мальчишкам, что означает «Flecktyphus»¹⁴!

11

После обеда заволокла Пьяный курган пылевая завеса. С разгона по верхней улице пронеслись, чадя удушливым газом, бронемашины, за ними – дюжина танков. Следом на центральную площадь въехали крытые тентом грузовики с пехотинцами. В касках, в полевой мышастой форме и кепи фрицы выглядели неприглядно и зловеще. Высыпав на землю, оживленно галдя, они разбрелись и стали справлять нужду, где попало. Дружно раздевшись до пояса, гогоча и веселясь, принялись в ближних дворах обливаться колодезной водой. Танкисты, в пилотках и комбинезонах черного цвета, сначала с важным видом курили сигары. Затем, не выдержав испепеляющей жары, присоединились к буйным мотопехотинцам. Наконец, протяжно сигналя, подкатили и остановились у зданий сельсовета и школы две черные легковушки, санитарная машина-вагончик и тягач с кухней. Вышли офицеры в полевых мундирах. Адъютанты, приехавшие заранее, вытянулись по стойке «смирно», проводили их в классы, где были подготовлены места для отдыха и накрыт стол.

По всему, походная группа задерживаться в хуторе не намеривалась. Квартирьеры бездействовали.

¹⁴ Сыпной тиф (нем.)

Но интенданты на мотоциклах объехали подворья. Вразной прогремели выстрелы по собакам, встретившим чужаков лаем. Один раз прозвучала автоматная очередь. Ефросинье стало страшно, когда возле ее калитки притормозил тяжелый мотоцикл. Недолго посоветовавшись, мародеры поехали дальше. Видимо, отпугнуло слово на щитке, как предупреждение побывавших здесь квартирьеров.

Гул нагрянувших в сумерки грузовиков с прицепами, немецкая гортанная речь, крики и плач хозяек, куриный переполох, бляенные овец, треск разъезжающих мотоциклов – этот невообразимый шум и громохание взбудоражили Пьяный курган, явив жестокие и непреложные приметы оккупации.

Ефросинья, закутанная в черный платок, стояла у окна, сложив на груди руки. Было больно смотреть на улицу, ставшую как будто чужой. Почти физически ощущала она присутствие немцев, ненавистных, мерзких. Дом, казалось, лишился стен, и в любую минуту в него могли войти фрицы и выгнать их...

Ее оторопь и тревога, очевидно, передались детям, находившимся вместе с ней в зале. Помолчав, Иван начал спорить с Диной о том, чем питаются в Африке крокодилы. Задумчивый Алик настраивал балалайку, время от времени пробуя пальцем струны. Играть он научился в спецприемнике и очень обрадовался, увидев в доме этот русский инструмент.

– А сыграй «Катюшу», – попросила Дина, отворачиваясь от непримиримого своего оппонента. – Ну, пожалуйста.

Алик серьезно глянул и сосредоточился. И, ударяя пальцем по струнам, стал подбирать мотив. Вначале сбивался, но с каждой попыткой мелодия

становилась чище. За ним наблюдала Дина, и он, ощущая ее взгляд, очень старался.

– Молодец! Наверно, будешь музыкантом, – похвалила Ефросинья, стараясь отвлечься, – А еще что-нибудь...

Алик смущенно зарделся, его глаза осветились грустью. И он заиграл восточную мелодию, замысловатую и жалобную. И вдруг остановившись, исподлобья глянул на хозяйку:

– Это я сам сочинил. Называется «Мама».

– За душу берет, – со вздохом произнесла Ефросинья. – Скучаешь по ней?

Алик опустил свои миндалевидные темные глаза.

– И я по мамочке скучаю, – призналась Дина.

Не успела она и рта закрыть, как Иван с обидчивой ревностью заявил:

– Такое и я могу придумать. Тра-ла-ла. Тра-та-та... Тянет дед за хвост кота!

– Ты в музыке ни бельмеса! А еще рассуждаешь, – возмутилась Дина. – Невежа...

– Ты много понимаешь!

– Да, понимаю. И ноты знаю. И могу на пианино этюды исполнить. Что? Проглотил, Вахонин?

В эту минуту брякнула щеколда входной двери, и в дом заскочила в разорванной кофточке и съехавшей на бок синей юбке Валентина Акименко. На подруге не было лица. Жесткие рыжеватые волосы разлохматились и сбились на сторону. В расширенных глазах, полных слез, застыл страх. Верхняя губа, разбитая посередине, раздулась. Ободранные до локтей руки дрожали.

– Еле живой осталась... – заполошно вымолвила подруга. – Два фрица в кухню затолкали... Ремни расстегивают... Каталкой вдарила крайнего, вто-

рому в рожу – простоквашей... Стали, , лупить... А я вырвалась – и по терновнику. А фриц вдгон из автомата! Слыхала?!

– Так это по тебе?!

– По... по мне... – всхлипнула Валентина. – Девчонки мои испугались, кричат... Я лежу, тоже реву... А немчуры на коляску валушка и сало погрузили и уехали... К тебе огородом Герасимовны прокралась. Чтоб не выдать...

– Вот звери, – гневно прошептала Ефросинья.

– Правда, я тут сама трошки маханула, – сокрушалась Валентина. – Сорвали они груши. Нет бы мне промолчать. А я возьми да скажи: «Ешьте, гостечки дорогие! Чтоб вы, б..., подавились!» А немец понял, да меня матом... Видно, нашенский, из предателей...

За околицей, в меркнувшем вечернем воздухе блеснули белые зарницы, гроыхнуло. И стало понятно, что неподалеку рвутся мины. Следом раздались пулеметные и автоматные очереди, заглушаемые, точно ударами тяжелого барабана, залпами пушки.

– «Наши»! – вскрикнула Ефросинья. – Начали бой...

– Помоги им Господь! – перекрестилась Валентина и потрогала пальцем губу. – Онемела.

Бой, быстро разгоревшись, так же внезапно угас. Слышались только отдельные выстрелы. Ефросинья захлопотала:

– Пора ужинать. Я картошки наварила.

– Что ты! В рот не полезет. Буду ночевать с дочками у матери. Еще не была у ней сегодня, – отговорила Валентина и поправила кофточку. – Проводишь?

На крыльце приостановились. По сумеречной улице и двору стлался зловонный дымок. С замиранием прислушивались к перестрелке у терского брода.

– Как твои нахлебники? Сильно балованные?

– Ладим. Хорошие.

– Этих хороших кормить надо... Слух пустили, что ты на калитке немцам хвалу написала. Чи правда? – обронила с потаенным осуждением подруга. – Потому, дескать, объезжают.

– Слово это – «Сыпной тиф». Помнишь, Наталья про жиличку рассказывала?

– И всего-то? Напиши и мне.

Ефросинья обнажила голову.

– А на такое доказательство ты согласна?

– Ну, ты, девка, отчебучила. Не знала... Эх, если б это помогло на самом деле, – засомневалась гостья и, торопливо сошла со ступеней. Прихрамывая, засеменила к перелазу. За околицей вновь загрохотало, завыло. Валентина пригнулась и заторопилась к проему в плетне. И Ефросинья ужаснулась, что этот день мог стать для подруги последним...

12

Капитан Ивенский, получив приказ занять позиции на терском берегу, в полосе обороны батальона, недоучел того, что задание было отдано, когда отступающая дивизия находилась на марше. Командир полка Рябушко на совещании подчеркнул, что батальоны будут рассредоточены широко, в шахматном порядке. Одни в километровой отдаленности на танкоопасном направлении, другие у самого берега, где предположительно могли бы переправляться немцы. Между хуторами Пьяный

курган и Дымков была отмель, образованная скальными выступами.

Он привел роту к этому месту, вблизи мастерских машинно-тракторной станции, оборудовал огневые точки, окопался в полный профиль. В каменном подвале, где прежде хранили запчасти, оборудовал КП. Но связь со штабом полка наладить не удавалось. Разведчики доложили, что ни слева, ни справа на расстоянии трех-пяти километров нет никаких красноармейских подразделений. Ивенский встревожился, – вероятно, немцам удалось сделать танковый прорыв. И приказ Рябушко полетел к чертям, обстановка кардинально изменилась – их полк отступил столь стремительно, что штабники даже не успели предупредить его, командира роты.

Появление отряда пехотного училища, выходящего из окружения, подтвердило худшие предположения. Молодой лейтенант, уводя курсантов к Грозному, обещал при первой возможности доложить командованию о ситуации, в которой оказалась рота.

Политрук Калатушин, назначенный всего неделю назад, отделился незримым барьером от командира и офицеров. Бывший парторг ткацкой фабрики, не бывавший на передовой, держался с гонором, на полуслове обрывая подчиненных. Выше среднего роста, сутулый, Егор Степанович походил на неандертальца скуластым лицом и широким носом с крупными ноздрями, но при этом имел прямые белесовато-рыжие волосы, зализанные назад. Придирчивость к мелочам рьяного службиста и женолюб (письма от подружек он получал каждый день и, хвастая, вслух объявлял об этом) раздражали

Ивенского. Политрук ораторствовал автоматически. А цель политбесед сводилась к прославлению партии и товарища Сталина.

– Мы, защитники социалистической Родины, должны сознавать, что всем обязаны отцу народа, дорогому Иосифу Виссарионовичу Сталину! – упорно вбивал он заготовленные фразы в головы бойцов. – Мы живем в эпоху вождя мирового коммунистического движения и гения, поднявшего из руин лапотную Русь! Он привел нас, товарищи красноармейцы, к социализму, а теперь направляет прямым курсом к победе над фашистским зверем! А что же мы с вами? Подумаем: кто мы такие? Да никто, простые смертные. А вождь не спит ночами, не гасит путеводный свет в Кремле, работает и заботится только о народе. Спрашивается, разве можем мы не оправдать возложенную на нас ответственность и высокое доверие? Нет, не можем! Жизнь ничего не стоит, товарищи, если не отдана она служению большевистской партии и любимому товарищу Сталину! В бой нас бросает его имя! К победам ведет его имя! Что самое ценное для сердца советского человека? Его сравнимое с солнцем священное имя!

Ивенский вынужденно присутствовал на слоблудиях. Двоевластие в частях – командирское и комиссарское – приносило пользу, если между этими двумя людьми было понимание и согласие, но в противном случае вредило армейской дисциплине и просто мешало воевать. Калатушин сразу решил взять быка за рога. Перед выдвижением к Тереку, особист полка, с которым Ивенский служил второй год войны, предупредил, что от нового политрука получил заявление, в котором обвиняет комроты

в двусмысленных высказываниях в адрес командования фронта и в грубом отношении к личному составу. Война многому научила Ивенского. И разговор «по душам» он решил отложить до подходящего момента.

Враг обходил их участок, пытаясь преодолеть Терек по уцелевшим мостам. Лишь в середине дня наблюдатели обнаружили немецкую смешанную колонну. Танки и бронемашины с мотопехотой направлялись к хутору, чтобы оттуда, очевидно, приступить к переправе. Посланные за реку разведчики добыли ценнейшие сведения.

Ивенский теперь знал, что на прицепах привезены во множестве понтоны, и наводка моста может начаться в ближайшие часы, если пунктуальные немцы не отложат ее до утра, следуя общему правилу соотечественников: воевать днем, отдыхать – ночью. В хуторе накапливались силы. Стало быть, этот мобильный отряд численностью до роты прибыл обеспечить охрану переправы. Неужели их разведгруппа до сих пор не обнаружила на берегу опавшегося противника? Или готовят удар с воздуха, чтобы максимально избежать наземных потерь? Гадать Ивенский не привык, зная с первого боя, что война распорядится по-своему, и случится то, чего никак не ожидаешь...

При появлении колонны он без промедления привел стрелков в боеготовность. Расчеты и взводы заняли позиции. Вызывал опасение только взвод, выдвинутый к самому берегу. Наполовину в нем были новобранцы из степных районов Ставрополья и Дагестана. Да и командир взвода младший лейтенант Белозуб не был по-настоящему обстрелян, а приказы отдавал таким ломким и

взволнованным голосом, что хотелось заткнуть уши. Справа от него находился усиленный пулеметным расчетом взвод Шаталова, офицера опытного и жесткого. На этого боевого товарища и его солдат, проверенных в боях, особенно надеялся Ивенский. Вторую полосу обороны держал взвод лейтенанта Тищенко, кубанского казака, бесстрашного до безрассудства офицера. Ему были подчинены два расчета противотанковых ружей, один – артиллерийский и минометное отделение. Это была главная сила роты.

С ниши стены Ивенский следил в стереоскоп за берегом и дорогой из хутора. Сверху хорошо были видны окопы и ходы сообщения, пулеметные гнезда. На этой «шахматной доске» всё было неподвижно и готово к схватке. В хуторе не унимались немецкие команды, передвижение бронетехники и живой силы.

Предельное напряжение последних дней выхлостило его душу и мысли, не связанные с текущей службой. Не получалось переключиться на что-то обыденно простое. Даже о семье, оставшейся в блокадном Ленинграде, он вспоминал отрывочно. Уже полгода не приходило от Лизы писем. Много раз пробовал разузнать о семье через соседей, – и также не дождался весточки. Затянувшаяся неопределенность тяготила, лишала покоя. А начиная с боев под Харьковом, когда дивизия пробилась из окружения с огромными потерями, и вплоть до сегодняшнего дня властно держала его в своих когтистых лапах война. Бой за боем. Переходы и затяжные марши. Вновь арьергардные бои... Он забывал себя, не помнил дней недели. А после Ростова началось хаотичное отступление армии, прикрываемое разрознен-

ными малочисленными частями. В Предкавказье, когда появилась некоторая оперативная стабильность, не позволяли наладить управление частями разящие выпады немецких танковых полков. Это и привело к катастрофическому положению, в котором оказалась его рота. Он хорошо помнил приказ наркома обороны №227 и бросить позиции без приказа вышестоящего командира не имел права.

На командный пункт поднялся Калатушин, без фуражки, с мокрой от пота головой. Тщательно отерев ее носовым платком, не без раздражения завел разговор:

– Александр Матвеевич, я дважды предлагал вам покинуть этот никому не нужный участок берега, чтобы присоединиться к своему полку. Не забывайте, что у нас есть командиры! Я ведь несу ответственность на равных с вами. От курсантов мы знаем, что наша армия не удержала Моздок. Гибнуть здесь бессмысленно! Или попадем в плен.

– Я такой вариант не рассматриваю. И не собираюсь драпать, Егор Степанович. У роты конкретная задача. Это я уже объяснял. Мы должны задержать переправу немцев, наведение понтонного моста. Ваша работа, как комиссара, – поднимать боевой дух бойцов, а не вносить раздрай в командование ротой.

– Тогда почему мы медлим? Давайте принимать решительный бой. Первыми атаковать фашистов, – назидательно твердил Калатушин. – Надо и о людях не забывать, уважаемый командир! Чем кормить? Провианта осталось дня на два...

– А больше и не понадобится, – отрезал Ивенский. – Я вас прошу поговорить в первом взводе с новобранцами. А при необходимости и остаться там.

Калатушин пожал плечами, не скрывая недовольства. Но спорить больше не стал, с обиженным и мрачным видом гулко загремел сапогами по железным ступенькам лестницы.

Вскоре группа лопочущих двигателями мотоциклов отделилась от темнеющей окраины хутора и свернула к Тереку. Она не спеша петляла с пригорка на пригорок. Предостерегающе загорелись фары. Немцы ехали, громко переговариваясь. Кто-то из них переливчато заиграл на губной гармошке, и ему подпел пьяный голос. Наверняка испробовали винца в казачьем погребе! Сыны Рейна не то патрулировали, не то искали место для купания. У Ивенского мелькнула мысль, – будет неплохо, если эти разведчики донесут об отсутствии на берегу противника. Но неожиданно тишину расколол пистолетный выстрел!

– Какого черта! Кто это?! – громко выкрикнул Ивенский и завернул ругательство. – Где? В первом взводе?

– Так точно, товарищ гвардии капитан, – подтвердил ординарец Чалов.

Немцы застрочили из пулеметов и, развернувшись, помчались обратно. Ивенский сбежал на землю, опередив ординарца. Здесь духота была меньше. Пахло мокрой глиной и неистребимым запахом табака, кирзы и пота, просолившего гимнастерки. Он стремительно пробирался по ходам сообщения, иногда сталкиваясь с бойцами, хотя те прижимались к стенкам, освобождая дорогу.

Младший лейтенант, увидев Ивенского, отдал команду и вместе с подчиненными замер по стойке «смирно». Калатушин восседал на раскладном стульчике в специально расширенном для него окопе. В сыром воздухе еще ощущался запах пороха.

– Младший лейтенант Белозуб, кто стрелял?! – грозно повысил голос Ивенский.

– Я! Это я остановил врага, – смело отозвался политрук. – Или ждать, чтобы нас окружили?

– Выстрелом ты, комиссар, предупредил немцев.

– Что-о?

– Нарушил мой приказ. Ты арестован! – в гневе Ивенский сам не заметил, как перешел на «ты». – Сдать оружие! Сержант Чалов забрать у политрука пистолет и документы. Передать под охрану старшине Айвазяну. Выполняйте приказ!

– Вы сошли с ума?! – негодуя крикнул Калатушин. – Кто давал вам право...

– Увести!

Проходя мимо, обезоруженный и лишенный власти, Калатушин злорадно пообещал:

– Пожалеешь, капитан. Перед боем ты не просто меня арестовал. Ты лишил роту политического руководства! Эт-то тянет на трибунал. Я напишу лично Кагановичу...

Ивенского трясло точно в лихорадке. Но внешне он выглядел невозмутимым. И чтобы внушить новобранцам, что нарушать устав никому не позволено, обрушился на Белозуба за расхлябанный вид подчиненных, у которых, как у пузатых баб, распущены ремни и не застегнуты гимнастерки!

Как и следовало ожидать, немцы провели разведку боем. Издали ударили по заречной зоне шестиствольные минометы, их поддерживали пушки. Чуть погодя, уже с побережья, гранадеры наугад палили из автоматов по предполагаемым укрытиям красноармейцев. Не дождавшись ответного огня, вскоре они ретировались.

Ивенский хладнокровно молчал. Вступать в слепой ночной бой было бы непростительной глупостью. Только раскроешь себя. Он, без сомнения, знал, что утром фрицы предпримут атаку, массированную и подготовленную. Ждать оставалось совсем недолго...

13

Ефросинья, боясь оставаться в доме, решила ночевать с детьми в сеннике. Из дерюжек и старья она соорудила постель поверх прошлогоднего скирда. После ужина, за которым умяли чугунок вареной картошки и полупудовый арбуз, столь сладкий, что слипались губы, она заперла большим замком хату, винтами скрепила оконные ставни.

Немецкая картавая речь разносилась по площади. Время от времени подъезжали, тяжело урча перегретыми моторами, грузовики. Метались туда-сюда мотоциклы, вздымая над хутором пыль. И казалось, нет в нем никаких жителей, одни фрицы. Он небывало изменился, стал неприятным. Даже звездочки померкли в задымленном, отравленном газами небе.

Духота, как всегда на исходе августа, не спадала даже ночью. Ощущалась она и на сеновале. Затаившись под покрывалами, ночлежники ворочались, вздыхали. Мятная прянь сохлого разнотравья, смешанная с запахами накаленного за день камыша и осинового меда, настоялась в воздухе. Рой этих сердитых летуний неумолчно гудел где-то под застрехой.

– Осы больно кусаются? – спросила Дина, лежавшая рядом с хозяйкой. – Не дают спокойно есть ни виноград, ни арбузы.

– Ерунда, донна Дина! – откликнулся Иван. – Меня жалили.

– У тебя, Вахонин, не спрашивают.

– Ничего страшного. Не укусят, если не тронешь, – успокоила Ефросинья. – Давайте спать.

– Не хочется, тетя Фрося. Пусть каждый что-нибудь расскажет о себе.

Что-то возле стенки зашуршало. Дина припала к Ефросинье и с ужасом выдохнула:

– Мышь?!

– Уж! – с издевкой отозвался Иван.

– Ты сам – уж!

Ефросинья ощутила припавшее к ней девичье тельце, чистый травяной запах ее волос.

Обвыкшиеся к темноте глаза различали меж камышовыми матами узкие полосы звездного неба. Чуть саднило в горле от вековой пыли, обметавшей стропила.

– Ну, начинай, – тихонько толкнула Ефросинья «донну». – О родителях расскажи. Откуда родом...

– Она с луны, – хихикнул Иван.

На этот раз Дина сдержалась. Аккуратно отбросив дерюжку, села, оправила на плечах халатик.

– Мы жили в Москве. На четвертом этаже, – начала она доверительно, с грустной мечтательностью. – Папа из города Севильи. Он меня учил испанскому языку. Я даже сейчас немного помню... Работал в Коминтерне. Там были коммунисты из всех стран мира.

– Туфта. Откуда ты знаешь? – уколол Иван.

– Он мне рассказывал. И вообще, не перебивай, – отрубила Дина. – Папа воевал с Франко! А мы с мамой его ждали и сочиняли письма, а я еще картинки рисовала. А когда вернулся из Испании, его аресто-

вали, – голос девочки горестно сломался. – А мама пошла в «органы», чтобы выяснить. Ей сказали, что папа – шпион. Она пожаловалась в Коминтерн. На другой день к нам приехали милиционеры. Мамочку забрали, а меня отвезли в интернат. Прошлым летом нас эвакуировали в Ростов.

– А как же родственники? – удивились Ефросинья. – Не взяли тебя?

– Мамину родню выслали из станицы в Сибирь, когда я была маленькой.

– А у меня родных – с три короба! – энергично подхватил Иван. – Бабушка и две тетки в деревне. Около Липецка, где мы жили. Папка главным инженером на заводе заправлял. За ним была даже машина закреплена! Я с ним часто катался... А мама – учительница и спортсменка. Третье место брала в республике по стрельбе из винтовки! Красивей, чем Любовь Орлова. Один дядька из этой... из прокура...

– Прокуратуры? – подсказал Алик.

– Оттуда. Приставал к ней. Она ему по морде врезала. За это арестовали... – в горле Ивана, видно, запершило, он ненадолго смолк. – А потом менты делали в нашем доме обыск. Подбросили, суки, портрет Сталина с дыркой на лбу. Наручники на папку надели... Да что трепаться... Убежал я от «легалых». На вокзалах кимарил, блатными песнями на бублики цыганил. Зимой у бабушки скрывался. Потом в Новочеркасск с вором дядей Сашей приехали. На гоп-стопе накрыли. Засунули в спецприемник... А еще, честно, у нас были овчарка Пальма и кот Кумыс. Так дружили, что спали в обнимку. Мама про них стишок сочинила. В моей комнате стоял шкаф с книгами. Я каждый день по одной прочитывал.

– А вот и не верю, – фыркнула Дина, только чтоб подразнить.

– А я верю, – вздохнула Ефросинья. – Я тоже люблю читать. И по специальности учитель русского и немецкого языков. Правда, работать не пришлось. Хуторянкой стала, колхозницей... Теперь твоя очередь, Алик.

Не дождавшись ответа, Иван потормошил его и с упреком сказал:

– Дрыхнет. Аж пузыри отскакивают!

– Значит, отбой, – заключила хозяйка.

Она задремала последней. Но вдруг открыла глаза и прислушалась. В хуторе неустойчивая зыбилась тишина. Сон прошел, и косяком вновь надвинулись невеселые думки. Запасы продуктов истощались быстрее, чем рассчитывала. А если немцы заберут то, что приготовлено на зиму? Она насторожилась, и – привсталла на локтях. Показалось, что по двору кто-то ходит. Ефросинья выскользнула из-под одеяльца и, спорхнув по лестнице, приникла к щелистой двери. Ночной гость бесцеремонно топтался на крыльце, громко постучал в ставню. Она поняла, что злоумышленник пытается проникнуть в дом.

Взяв в руки вилы с коротким черенком, она стала ждать. Если не сунется в сенник, – пронесет. А коли полезет сюда, то придется держать оборону. Силуэт пришельца, мелькнув мимо, растворился в темноте.

– Ага, здесь корова. Иде ж хозяйку черти носят?! – расслышала она голос свекра и – едва не закричала от радости. Отбросила крючок, вытолкнула дверь.

– Батя! Дождалась, слава богу...

Свекор засеменял навстречу, взволнованно бормоча:

– Воистину Господу слава! Думал, уехала или арестовали. Дом на запорах. Когда гляжу – буренка... Ну, здравствуй, Фрося! Были у нас нехристи?

– А где Пашенька? – вместо ответа тревожно спросила Ефросинья.

– У свахи. Не отпустила в такую катавасию.

– Как же вы добрались? Война кругом!

– Не поверишь. С немцами приехали. Попросились на попутку. Взяли до Стодеревской. Я не один. Я, дочка, «радиву» нам привез.

– Какое радио?

– Да профессора с Ленинграда. По дороге познакомились. Зараз в саду залег, где лилии и другие твои цветы. Пока не нанюхаюсь, говорит, не встану.

– Батя, к нам НКВД троих детей поселил. Добавилось хлопот... А сынок сильно скучает?

– Жалкует по мамке, ясное дело. Собой справный, сваха пирожки печет... А иде ж эти гаврики?

– Не надо так. Они послушнык дети. На сеновале спят. Вы письмо мое получили?

– Заказал чтице заупокойную по Боре... – проговорил старик и, всхлипнув, беззвучно затряс плечами.

– Батя, живой Боря! Я по письмам вычислила! – с неколебимой уверенностью вымолвила Ефросинья. – Он из госпиталя прислал последнее письмо в июле. А в похоронке указано, что пал смертью храбрых в мае. Значит, путаница!

– Моget, и так... Один бог ведает! – вытирая лицо рукавом суконного пиджака, оживился свекор. – Будем ждать! Хотя война, должно, не скоро кончится. Ну, собери нам что-нибудь, Фросюшка. Чихирь немцы не забрали? Зараз «радиву» приведу...

Ефросинья зажгла в летнице¹⁵ свечу, высыпала из чугунок в миску оставшуюся картошку «в мундирах». Приготовила пышку, помидоры и малосольные огурцы. Она испытывала радостное успокоение от того, что свекор снова дома и что с сынишкой всё ладно.

Откинув занавеску, в дверях показался представительный старец в шерстяных мятых брюках, в чесучовой толстовке на выпуск и с погасшей трубкой в зубах. Его пытливый взгляд остановился на хозяйке. Вскинув седую лохматую голову в грязной туристической панаме, гость галантно поклонился и вынул изо рта трубку.

– Позвольте представиться! Профессор Калитаев. Олег Анисимович. Естествоиспытатель в широком смысле этого слова. Ваш свекор оказал любезность, предложив приют. Я был эвакуирован из северной столицы и обитал в Кисловодске. А теперь пытаюсь добраться до Тбилиси, где у меня друзья. Как величать вас?

– Ефросиньей. Лучше – Фросей. Рукойник полный. Полотенце глаженое.

– Должен сделать комплимент, милая дамочка, – заняв внушительной фигурой половину кухни, рокотал ученый. – У вас чудесные *Lilium speciosum*, цветы лилии прекрасной. Ее узнаешь с закрытыми глазами по карамельному аромату! Сие благородное растение родом из Китая и Японии. В Стране восходящего солнца еще до князя Владимира существовала традиция любоваться цветами – ханами. Часами японцы созерцали цветение умэ, дикой сливы, и сакуры, вроде нашей вишни, и предавались раздумьям. Воины брали с собой веточки сакуры,

¹⁵ Летница (южн. каз.) – летняя кухня.

веря, что души погибших возрождаются в них. А у казаков, как сказал ваш свекор, любимые цветы – лазорики. Меж тем они имеют научное название – тюльпаны Шренка. Этот замечательный путешественник впервые описал его...

Лука Фомич, постояв с кувшином в руке, нетерпеливо перебил дорожного приятеля:

– Да проходи ты, мил-человек! Ешь, пока рот свеж. Зараз отведаем чихиря. Хотя и мудрый ты человек, а про терское винцо не знаешь. Как это по-научному... Опыт? Во! Зараз по кувшину сдюжим – вот и постигнешь казачью науку...

14

Скоротечный ночной обстрел принес жертвы. Погибло два солдата из взвода Белозуба, ранило подносчика боеприпасов из пулеметного расчета и еще троих стрелков.

Ивенский собрал на КП командиров и, расстелив под горящей «летучей мышью» на артиллерийском ящике миллиметровку, подробно объяснил план обороны. Смысл его сводился к тому, что немцы, наверняка, нанесут главный удар по правому флангу, где удобный подход и есть укрытия, – ложбины, деревья, старинный крепостной вал. Задача Шаталова подпустить врага и открыть по нему огонь с ближней дистанции, чтобы артиллеристы и пулеметчики смогли отсеять первые шеренги автоматчиков. Расчетам ПТР при появлении танков бить наверняка, зря не тратить боеприпасы. И наконец, Тищенко должен по ходу боя корректировать огонь пушки и приданных пулеметных расчетов, закрывать своими силами возникающие в обороне бреши.

– С батальоном связи нет, – жестко напомнил Ивенский. – Поэтому решение принимаю самостоятельно. Сутки мы должны продержаться. Пока нет понтонного моста, немцы за Терекком. А возведут – покатаются с ветерком на Грозный и Орджоникидзе. Стоять насмерть! Первого, кто бросит оружие и побежит, расстреляю лично!

Проводив командиров, он выслушал донесение разведчиков. Оставшись один, отстегнул кобуру с пистолетом, снял сумку и положил на карту, которую помнил наизусть. Он не стал тушить лампу. Как был в сапогах, опрокинулся спиной на лежанку, попытался уснуть. Но слух сам без всякого усилия ловил малейшие звуки. Он рывком снова сел, стал в который раз прокручивать в голове варианты предстоящего боя.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться! – от входа прокричал ординарец. – Арестованный к вам просится. На старшину кричит и даже... матерится.

– Что Калатушину надо?

– Не говорит. Требует и – всё.

– Веди.

Ивенский тупо посмотрел на карту, на неработающую рацию. Стрелки наручных часов показывали половину пятого. И заново с ироничной усмешкой прикрепил кобуру к поясу и перебросил через голову ремешок полевой сумки. Прикурил сигарету. Раздались сбивчивые шаги. Калатушин, тяжело отсчитав ступени, остановился напротив висячей лампы. Его лицо приняло выражение преданности и дружелюбия.

– Я признаю вину, Александр Матвеевич. И прошу, как коммунист коммуниста поверить, что виной тому – эмоции. Кардинально исправлюсь.

– Это вы скажете на собрании коммунистов роты. Пусть они примут решение.

– Если настаиваете... Я и товарищам объясню. Не ошибается тот, кто бездействует. А на войне каждый час – испытание... Товарищ капитан, у меня есть важное предложение.

– А именно?

– Ввиду сложившейся обстановки, я готов, рискуя жизнью, отправиться в сторону Моздока, чтобы установить связь с командованием. Мы действуем самовольно! Это, так сказать, смахивает на «махновщину».

– Хочешь сбежать?

– Что вы! Как можно не верить мне, политруку сталинской армии? Вы заведомо настроены против...

– Я знал, что ты – шкура. Но чтобы до такой степени был... – Ивенский добавил крепких ядерных слов, презрительно глядя в потное лицо Калатушина. – Ты мараешь память комиссаров, кто в бою доказал свою правду! Тех настоящих коммунистов, кто живет судьбами солдат... Был у меня замполитом Фролов, героически погибший друг. Он научил ценить и жалеть каждого солдата. Бойцы берегли его пуще себя. Потому что заботился о них, как о братьях, по-человечески любил... Слышишь?! По-человечески. А у тебя душа – кирзовая, протухшая... Арест я снимаю. И приказываю поступить в распоряжение командира санитарного отделения младшего сержанта Зинченко. Будешь помогать, заниматься делом. Покажешь личный пример.

– Это противоречит моим должностным обязанностям. Вы выставляют меня на посмешище...

– Выполняйте приказ! – прикрикнул Ивенский.

– Есть, – козырнул Калатушин и, повернувшись через левое плечо, торопливо пошел к выходу.

Такая тишина стояла вокруг, что не верилось в скорый бой. Доцветала августовская заря. Мелкие округлые тучки, окрашенные по краям багрянцем, напоминали бутоны маков. Из степи нес ветер горечь целинных палов и полыни, сладковатый запах чертополоха. Над Тереком курился туман. В омутах взбрасывались крупные сазаны. Обманчивый уютился покой в долине – входило в силу степное утро...

Ночью немцы подтянули силы и заняли удобные позиции. Минометный обстрел начался внезапно. Визгливый вой осколков разорвал тишь по всему побережью. С бульканьем вспарывала водное зеркало шрапнель. Три легких танка, дымя выхлопными трубами, медленно ползли к Тереку. Их пушки несколькими залпами раскололи стену ремонтной мастерской. Цепь мотопехотинцев, длинными очередями стреляя из шмайссеров, уверенно шагала за ними. Свинцовый рой густо носился в воздухе.

Ивенский, находившийся в смотровом окопе, дал команду открыть ответный огонь. Миномет и пушка громыкнули разом, на четыре голоса застрочили пулеметы. По «Панцерам» стали бить противотанковые ружья. Зачастили винтовки. Немецкие солдаты стали падать. Уцелевшие быстро залегли. И следом опять загромыхали танковые пушки и минометы, неся разрушения и смерть...

За первый час боя из строя выбыла треть роты. Ивенский в момент затишья пробрался в первый взвод, оставшийся без командира. В дальнем окопе, где хранились боеприпасы, увидел трупы. У входа лежал Белозуб. Сердце у Ивенского сдавило. Немцы молчали, вынуждая вести огонь. Эта уловка позволяла им выявить, какими силами располагает противник.

Ивенский приказал прекратить стрельбу. Собрал всех, кто уцелел во взводе.

– Красноармейцы! – начал Ивенский. – Самое страшное – начало боя. Командир Белозуб и рядовые пали смертью храбрых. Я представлю их к наградам... Мы сражаемся за свою землю, за любимых людей. В прошлом году мне пришлось освобождать Ростов. С рубежа хуторов Дарьевка и Болдыревка наша армия нанесла удар по бронегруппе Клейста. Того самого, чьи танки сейчас перед вами. Впервые в войне немцы потерпели там поражение! А почему нам не повторить такой успех? Мы должны отомстить врагу за товарищей! Будем драться смело и без паники. Я останусь с вами. Немцы, видно, за котелки сели. Вот и вы не теряйте времени.

Солдаты принялись за сухие пайки. Утолив голод, зашарили по карманам. Но не успели свернуть сигарки, как по вызову Ивенского, прибежала санинструктор Зинченко. Невысокая, худенькая, эта неулыбчивая Анна слыла в роте грозой. Требовала, ругалась, но добивалась своего. На вопрос командира доложила, что вдвоем с санитаром не успевают перевязывать раненых.

– А Калатушин? – осведомился Ивенский. – Помогает вам?

– Перед боем он получил санитарную сумку с полной укладкой. И больше я его не видела. Подумала – отозвали...

– Чалов! На одной ноге! – строго крикнул Ивенский. – Вместе с писарем Ивановым найти политрука. И ко мне!

После короткого затишья, проведя перегруппировку, немцы снова предприняли штурм по той же схеме. Надсадно заквакали «ванюши». Следом

открыли стрельбу «Панцеры». За ними двинулись мотоциклы и шеренги автоматчиков. Они маршировали слаженно и размеренно, как заведенные.

Рота Ивенского ответила всеми оставшимися огневыми средствами. Но поредевшие ряды и вышедшие из строя пулеметы значительно снизили ударную мощь. Уже невозможно было думать о контратаках, вражеский огонь стал ураганным. Первый взвод в присутствии комроты сражался стойко и нес наименьшие потери среди других. Мужества у стрелков заметно прибавилось.

Чалов явился в поцарапанной каске, – осколок прошел вскользь. Он ждал, когда капитан отстреляет весь боекомплект ППШ, и пока молоденький солдат менял на автомате диск, доложил:

– Товарищ капитан, в расположении роты товарища политрука не обнаружено. Рядовой из оцепления Байрамян сообщил, что Калатушин приказал отдать ему винтовку. И куда-то убежал вдоль берега.

Бой с каждым часом ожесточался. Гимнастерки пропитались потом. Вдоль позиций пластался дым, разило запахом серы и трупным смрадом. На терском берегу сошлись с двух сторон мужчины. Одни – ради спасения родной страны, а другие, чтобы овладеть ею. В других обстоятельствах эти люди были иными, во многом схожими, а здесь, держа в руках оружие, руководило ими одно безумное стремление: уничтожить противника. Никто немца не звал, он пришел сюда сам и поднял меч войны. И русские ратники могли остановить его только ценой собственной жизни. Иного выхода у них не было...

Ивенский командовал, испытывая слитность с подчиненными, которая появляется в самые тяжелые минуты. Ему было больно, когда видел ги-

бель бойцов; он зверел, если замечал, что солдаты действуют трусливо, позволяя врагу продвигаться вперед, и радовался попаданиям минометчиков и артиллеристов, сумевших подбить танк. Через каждые полчаса докладывали об убыли личного состава. Рота катастрофически таяла, и он выслушивал эти страшные цифры сдержанно, с хладнокровием, хотя тяжелей всех воспринимал каждую потерю. Он знал, что в роте нарекли его «Батей». С тем уважением, которое возникает у солдат, когда понятны требования командира и он сам как человек. Да, иногда Ивенский поступал жестко. Но это было не самодурством, а мерой удержания дисциплины. Таким он и представлял себе командира, учась в военном училище. Но всё оказалось на войне сложнее. Не покидала, копилась в душе странная вина перед теми, кто погиб. Хотя чаще он исполнял приказы вышестоящих командиров и на терский берег привел бойцов не по собственному желанию. Комбат, конечно, предвидел, что будет тяжело. Но именно ему, Ивенскому, пришлось стоять с бойцами насмерть...

В половине шестого вечера, когда санинструктор Зинченко доложила, что убыль роты составила пятьдесят три человека убитыми и двадцать девять ранеными, Ивенский понял, что силы исчерпаны и приказал готовиться к скорому отходу. Оставалось немного до наступления ночи, до темноты.

И вновь противник неожиданно утих.

На этот раз он пришел во второй взвод, чтобы поддержать стрелков, у которых ранило командира. Все они, обгоревшие на солнце, выглядели изможденными и подавленными. Появление «Бати» застало солдат за перекуром, и он сел вместе с ними, раздал пачку трофейных сигарет.

Между тем немцы отвели танки к хуторской окраине, следом попятились ряды гренадеров. Ивенский дал приказ проверить гужевой транспорт, приступить к изготовлению из подручных средств носилок. Его не покидала надежда, хотя и понимал ее наивность, что в этот час свои придут на выручку. Вдруг подтянется батальон или хотя бы рота, хорошо вооруженная и отмобилизованная, рядом займет позиции, и – наступит перелом в сражении. И тогда можно контратаковать! Порой он даже оглядывал заречную даль, но там лишь подпирали небо текучие столбы дыма, и млела от зноя августовская степь...

Два штурмовика зашли со стороны солнца. Бомбы довершили то, что за целый день не смогли сделать наземные силы врага. Валило столетние дубы, с корнями вырывало тополя и вязы, позиции роты покрылись воронками, фрагменты окровавленных тел разметало по берегу...

Ивенский очнулся на носилках. Качка вызывала у него приступообразную боль, от которой мутилось в голове, и мелко постукивали зубы. Окалоло холодом: неужели попал в плен? Он открыл и напряг глаза, стараясь понять, кто его несет. Но в ночном сумраке проступали только очертания деревьев, а лица разглядеть было невозможно. Он с трудом проговорил:

– Где мы? Сколько нас?

– Оторвались от преследования, товарищ гвардии капитан, – не скрывая радости в голосе, быстро отозвался Тищенко. – Перешли на остров и двигаемся в южном направлении. Всего нас одиннадцать. Слава богу, что вы очнулись...

– Почему так мало? По списку сто сорок восемь человек...

– Тут все, кто живы... Здание, где были раненые, обрушилось. Остались только мы, да и то все легко-раненые. Тут, на карте, отмечено строение посередине острова. Направляемся туда.

– А вас контузило, Александр Матвеевич, – мягко сказала санинструктор, наклонившись над носилками. – В окопе присыпало. Товарищ старший лейтенант догадался откопать... Лежите спокойно. Вам нельзя двигаться!

*Из донесения представителя ГКО на Закавказском
фронте и командующего войсками фронта
Верховному Главнокомандующему Сталину
9 сентября 1942 г.*

По всем данным противник на Фронте Северной группы войск сосредоточил для активных действий 370-ю, 111-ю полевые дивизии и 3-ю танковую дивизию (свыше 100 танков) и сделал попытку прорвать нашу оборону из Моздока на Орджоникидзе. Принятыми мерами нам удалось отбросить противника к реке Терек и в данный момент он удерживается непосредственно на берегу, занимая населенные пункты Терская, Нижний Бекович, Кизляр. За последние пять дней под Моздоком противник понес значительные потери: на поле боя им оставлено 1500 солдат и офицеров трупов, подбито и сожжено 94 танка, из них 47 танков остались в наших руках...

*Наши потери: подбито и сожжено 49 танков, из них 13 будет восстановлено, раздавлено танками врага 16 орудий... потеряно 59 самолетов... **убито 24 человека...***

Л. Берия Тюленев Бодин

(Продолжение следует)

**Из цикла
стихотворений
«ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА»**

Ни шагу назад!

Помнишь, тогда, под
Москвой, в сорок первом,
Снежную даль и багровый
закат?

Как электрическим током
по нервам:

«Выстоять, выжить,
ни шагу назад!»

Помнишь, как бились
в неравном сраженьи?
«Тиграм» под брюхо –
по связке гранат,
Выстрелом каждым
и каждым движеньем
Только вперед –
и ни шагу назад!

Помнишь, как руки свело
от мороза?

В небо скользнул
обессиленный взгляд.
Голосом мамы шепнула
береза:

«Здесь твои корни,
ни шагу назад!»

**ЕКАТЕРИНА
ПОЛУМИСКОВА**

Поэзия

От белорусских лесов до Урала
Каждое дерево, каждая пядь
Голосом матери нас заклинала:
«Некуда, некуда нам отступать!»

Помнишь, как путь до Берлина шагами
Мерили долгие годы войны,
Годы разрухи и битвы с врагами
Для приближенья победной весны?

Эхо войны всё слабее, всё тише.
Возле могил зеленеет трава.
Родина, где ты? И сердце услышит:
«Там, где Россия, и там, где Москва!

Там, где с востока пылают зарницы,
Там, где на западе звезды горят.
Пусть нерушимыми будут границы
Мирного счастья – ни шагу назад!»

«Я – ВЕРА»

*(посвящается группе разведчиц «Вера»,
работавшей в г. Пскове
с 8 августа по сентябрь 1942 года)*

Нас было четверо, и вот
Растаял в дымке самолет.
В пути – ни слова.
Идем тайком через леса.
Пароли, явки, адреса –
В районе Пскова.

Отряд карателей след в след,
И вот четвертой с нами нет.
Увы, нас – трое.
Но передатчик на одну,
Всегда победную волну,
Теперь настроен.

И над пылающей страной
Летит в эфир наш позывной:
«Я – Вера!»

В квадрате восемьдесят – склад,
И эшелон – на Ленинград,
И небо русское клеймят
Чужие крылья.
В Крестах теперь аэродром.
Но наши с воздуха огнем
Его накрыли.

Октябрь. Идет сорок второй,
Мы продолжаем с ними бой –
В тюрьме фашистской.
Нас расстреляют, пробил час.
Но кто-то отомстит за нас.
Победа близко!

И пусть наш передатчик смолк.
Мы честно выполнили долг.
«Я – Вера!»

Казанский Собор в Ставрополе

Православный собор на вершине горы
Был построен на век – простоял до поры,
До воронки взрывной и до «черной дыры»,
Что разбила сердца пополам.
Не случайный фугас и не вражеский ас,
А каких-то чиновников спешный приказ,
Чтоб чужих лишний раз не приковывал глаз
К златоглавым своим куполам.

Здесь за каждую улицу были бои,
И солдаты за Город Креста полегли,
Защищая священные пяди земли -
Ведь тогда не считали потерь.
Взорван храм православный...
Который уж год
До собора никак не доходит черед.
Без него «обезглавленный» город живет,
Хочешь – верь, а не хочешь – не верь!

Там, где ели шумели, и кроны дубов
Заменяли на время нам сень куполов,
И трава под ногами молитву без слов
Шелестела залетным ветрам,
Там, где в южное небо уперлась гора,
Между солнечным «завтра» и темным «вчера»,
Не былому назло, а во имя добра
Будет заново выстроен храм.

Кукушка

Не сули мне, кукушка,
Бесконечную, легкую жизнь.
О моей деревушке
Всё, что знаешь, сейчас расскажи.

Деревушка родная
В белорусских осталась лесах,
Где закат догорает,
И деревья стоят на часах.

Куковала кукушка,
И клубился туман над рекой.
Прядь волос непослушных
Поправляла мне мама рукой.

Лес молчаньем ответил,
Только взгляд мой в тревоге застыл...
Мы ушли на рассвете
К партизанам во вражеский тыл.

Где ты, вещая птица?
Нагадай мне безоблачных дней
И еще, сколько «фрицев»
Положу из винтовки своей.

Но поведай сначала
Ты про мирные мне времена.
Что же ты замолчала?
Значит, кончится скоро война...

Разговор с другом

Снова оттепель. Тают снега.
Развезло все дороги-пути.
Но свинцовая нас разлучила пурга.
Ты прости меня, друг.
Ты прости.

Мы на запад идем за «броней».
Ну а воздух весенний такой!
Ты прости, что своею пустой болтовней
Нарушаю твой вечный покой.

Командир наш теперь – капитан.
Мы не сдали своей высоты.
А из третьего взвода сосед наш, Иван,
Он погиб, в тот же день, как и ты.

Раза в два поредел батальон.
Пополнение будет опять.
Перебросили нас в приграничный район,
Ждем по фронту приказ: «Наступать!».

Нет теперь нам дороги назад.
Бьемся насмерть, который уж год.
Вот загоним врага в его логово, в ад,
И вернемся – сажать огород!

Хоть на день бы забыть о войне,
Только память завязла в снегу.
Как жене-то сказать, что тебя уже нет?
Ты прости меня друг... Не смогу.

Пальма

Щенок овчарки с безупречной родословной -
Большие уши и такой смысленный взгляд.
Ее забрали из питомника под Ровно
солдаты наши для детдомовских ребят.

Собаку тут же окрестили дружно Пальмой –
ну, хоть какая-то забава детворе.
Она смотрела вдаль серьезно и печально,
и птиц гоняла на детдомовском дворе.

А за веселыми застольями, бывало,
себя почувствовав хозяйкой среди гостей,
она гармонике солдатской подвывала
под одобрительные возгласы детей.

Но пленный немец как-то вымолвил украдкой:
«Еще не поздно, но когда ей будет год,
она утратит все природные повадки,
без дрессировки ваша Пальма пропадет».

Ее отдали генеральскому курьеру,
навзрыд слезами заливалась ребятня.
И Пальма нехотя направилась к вольеру,
и хвост поджала, низко голову склоня.

Летело время в бесконечных тренировках.
Другая кличка и усиленный паек.
По следу шла и по бревну спускалась ловко,
брала барьеры и врага сбивала с ног.

И вот однажды, после долгих уговоров,
ее спустил седой инструктор с поводка.
Она метнулась неуверенно к забору,
застыла в стойке, слыша зов издалека.

А там давно за ней с восторгом наблюдали:
«Вот наша Пальма! Пальма! Поиграть бы с ней!»
Но на ошейнике блестели две медали –
за поиск мин и за спасение людей.

Она почуяла – прощанье неизбежно,
Растает снег, и догорит войны огонь.
И потому лизнула чью-то щеку нежно
и ткнулась мордой в чью-то теплую ладонь.

Умней и преданнее нет на свете зверя.
В глазах – природная отвага и тоска.
Она жила, своим собачьим сердцем веря
в призванье, долг и регулярные войска.

Она служила где-то на границе с Польшей,
ее потомству просто не было цены.
Но детский дом она своим считала больше,
чем ей по крови было логово войны.

И с фотографии в детдомовском музее
на нас из прошлого опять бросает взгляд
овчарка черная с медалями на шее
в лесу под Ровно, в окружении ребят.

* * *

Отгремели последние залпы,
Значит – мир, и пора по домам.
Мирный Одер, и мирные Альпы,
Мирный Мюнхен, Берлин и Потсдам.

И затишье перед рассветом,
И летящая в небе звезда...
Разве мы позабыли об этом?
Нет. Мы помним об этом всегда –

И о том, что такое война,
И какая у мира цена!

Семьдесят пять

Ноет под сердцем осколок железный,
горькую память о прошлом храня.
Семьдесят пять – по канату над бездной
к призрачным далям грядущего дня!

Слышится в этом свободном паренье
эха войны нарастающий гул.
Верит ли нынешнее поколение
тем, кто когда-то канат протянул?

Нет под ногами надежнее тверди,
тысячи судеб связавшей в одну.
И миллионы, что преданы смерти,
спаяны душами, слиты в струну.

Криком ли, стоном, малиновым звоном
вымощен этот над пропастью путь.
Нам бы, разрозненным да разделенным,
не заблудиться и не соскользнуть!

Имя бессмертного подвига свято,
и безымянным забвения нет,
нет и прочнее на свете каната -
семьдесят пять несгораемых лет!

Крестный отец мальчишкой на фронт
ушел воевать,
Чтобы задвинуть за горизонт
всю черную рать.

В жерло вулкана пепел и лаву
возможно ль вернуть?
Памятью вечной, вечною славой
овеян был путь.

Туча, дождями горько не плачь,
Плыви, как ладья!
Время не врач и не палач,
а время – судья.

Что же вы творите, опомнитесь, люди,
плутая в пути!
Лишь победителей время не судит,
как ни крути...

День Победы

Наступит май.
И радостью Победы
Весь мир наполнит новая весна.
И наши героические деды
Наденут боевые ордена,
Исполнены надежды и волнений,
Что их однополчане снова ждут.
И правнуков с букетами сирени
На карусель кататься поведут.

И как всегда, они, конечно, правы,
Когда улыбки их коснутся лиц,
Когда у монумента Вечной Славы
Нечаянно смахнут слезу с ресниц.
И, словно на полвека молодея,
С друзьями разойдутся по домам,
За Родину, за мир и за идею
Пропустят «фронтовые» – сотню грамм.

И глядя за столом в телеэкраны,
Заспорят о сегодняшнем житье.
О том, что мало льгот для ветеранов,
И времена пошли уже не те.
Не та страна, не те теперь законы,
Не тот настрой, и молодежь не та.
Политбюро сменяли на иконы,
Хотя никто не верует в Христа.

И что в Афган не стоило соваться,
И что кому-то на руку «бардак»,
Коту под хвост пустили дружбу наций,
Профукали Союз, и всё не так...

А вечером – салют. И свежий ветер
Качнет в садах цветущую сирень
В честь праздника великого на свете,
Которым был и будет этот день!

* * *

Вечный Огонь, как на скифском кургане,
и рукояти мечей, как кресты.
Были сколѳты... А нынче цыгане
царствуют здесь от Карпат до Читы.

Пламя костров, а по кругу — кибитки.
Плачет гитара, и глаз не сомкнуть.
Древних созвездий небесные слитки
Млечный в ночи обозначили Путь.

Ржавые гильзы, истлевшие латы —
хватит железа коней подковать.
И на монистах из скифского злата —
звездная пыль да столетий печать.

Карты цыганские скажут, что было,
им доверяли во все времена.
Праху отцов, как и братским могилам,
будет еще поклоняться страна.

Краденый конь да чужая невеста,
пан иль пропал, или пуля в висок!
Ночь напролет от Байкала до Бреста
катятся звезды в горячий песок.

Сквозь лабиринт черно-белых
причудливых линий
на мониторе смотрю оцифрованный фотоальбом.
Ведь посчастливилось деду дойти до Берлина,
словно до Марса, пешком!

Сколько их было, ранений, смертей и контузий?
Год Одна Тысяча Девятьсот Сорок Пять,
лентой Георгия прочно завязанный в узел —
не разорвать!

Всё еще держат над нами их души,
бесплотные птицы,
шитый зениткой, салютом залатанный
тот небосвод
за обещание помнить, молиться, гордиться —
потери не в счет.

Вот и гордимся, и молимся —
чтоб не пешком, но до Марса,
чтоб «Мономах» с «Долгоруким» вертели
свои «булавы»,
чтобы история наша писалась без лишнего фарса,
с новой главы!

Сталинградский рубеж

Прорастают курганы травой.
А герои Второй Мировой
С непокрытой стоят головой
Много весен спустя.

Им вовек не забыть этот бой,
Сталинградский рубеж роковой.
Только годы шрапнелью шальной
Над землею летят.

Бродит призраком эхо войны,
Навсегда заточенное в сны.
В сердце боль от весны до весны
Бьет холодным свинцом.
Всё не зря. Лишь бы только война
Не покинула те времена,
Где у Волги огнем сметена
И зажата в кольцо.

Там дымились в руинах дома,
И сходила планета с ума.
И российская наша зима
Преграждала пути.
Не забыть нам военных дорог.
Сколько б ни было новых эпох –
Никогда, не дай бог, не дай бог,
Нам их снова пройти.

ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКОГО ОФИЦЕРА

**Начиная с 22-го июня
1941-го года...**

В этот день я встал довольно поздно и пошел к своим знакомым Кодакиным. Петра Кузьмича не оказалось дома, а его жена... На ней лица не было. Оказывается, только что выступил по радио Молотов. Он объявил, что на нашу страну вероломно напали фашистские войска. Началась Великая Отечественная война советского народа против мирового фашизма.

...Год назад я был призван по скрытой, частичной мобилизации для отправки по всей вероятности на войну против Финляндии. Но получилось так, что меня оставили в автодепо при 25-м стрелковом корпусе в городе Сталино, в котором я жил. Такая служба меня вполне устраивала. Мы разрабатывали мобилизационный план на случай войны. Всё это было похоже на составление курсового проекта

**ПАВЕЛ
МАРТЫНЕНКО**

Мемуары

по развертыванию транспортных средств, с той разницей, что мобилизационные запасы закладывались не только на бумаге, но и в натуре. А мы – работники авто-депо всё это проверяли, фиксировали, записывали.

И вдруг война! Всё полетело «к черту». Меня направили в Харьковский Военный округ. Выхал поездом в тот же день, да так спешно, что даже шинель свою забыл.

Прибыв на место, встретился со знакомыми офицерами, с которыми проходил учебные сборы. Мы получили оружие, патроны. Внесли нас в списки 2-го эшелона воинской части «1125» и отправили на станцию Харьков. По дороге узнали, что будем служить во 2-м эшелоне (управлении тыла) 18-й Армии.

Утром высадились на станции Каменец-Подольской и сейчас же направились в небольшой поселок, расположенный в лесочке, где находился не то техникум, не то школа. Разбили большие 40-ка местные палатки и в них разместились. Это было примерно 26-27 июня 1941-го года.

За время пути нас ни разу не бомбили. Но воздушные тревоги были несколько раз. Однако в воздухе мы видели разведчиков – «рамы» – медленнодвигающиеся на очень большой высоте, похожие на ос, самолеты. Они обстреливались нашими зенитками. Даже не верилось, что эти белые облачка разрывов предназначены вражеским самолетам, так далеко были разрывы от свободно парящих в воздухе фашистов!

Теперь мы, правда, издалека имели возможность наблюдать «работу» немецких Хенкелей-III. На Каменец-Подольск уже до нашего приезда был налет,

а утром следующего дня началась регулярная обработка города с воздуха. Мы же до поздней ночи откапывали для себя «щели».

Всего один день пожили мы в палатке и начали получать боевые задания. Мое первое боевое задание было назначение председателем комиссии по приему машин из народного хозяйства для формирования автомобильных частей (батальонов, рот). Машины направлялись из военкоматов в лес, где происходило окончательное опробование, приемка их и зачисление в войска прибывших с машинами шоферов.

Здесь же солдаты получали обмундирование, оружие, противогазы, зачислялись на все виды довольствия. Машины лишались номерных знаков, а на бортах номера просто закрашивались любой имеющейся под руками краской.

Ругаться пришлось до хрипоты. Военкоматские офицеры норовили сдать нам разбитые машины, на негодной резине, без военнообязанных водителей (часто машины пригоняли женщины), причем, как я заметил, одна девушка пригоняла одну за другой несколько машин.

Нам требовались ЗИСы, а гнали полуторки. Дел было много. Машины нужно было рассредоточивать, маскировать, комплектовать, выявлять неисправные, отправлять назад или устранять мелкие неисправности. Словом, весь день приходилось кипеть как в котле, а тут начались налеты с воздуха. Пришлось срочно организовать откопку щелей, усилить маскировку, добиться доставки машин поодиночке через специально прорубленную вдалеке от пункта сбора просеку.

Вспоминается такой эпизод. Как-то в один из очень напряженных этих самых первых дней ко

мне обратился сержант с просьбой подойти к посту, охраняющему дневной запас боеприпасов, подлежащих выдаче прибывающим водителям. Я подошел к этому месту. Оказалось, что к посту солдаты привели двух подозрительных мужчин мобилизационного возраста. Выяснилось, что эти двое не умели говорить ни по-русски, ни по-украински (забегая вперед, скажу, что, видимо, это были гуцулы). Подозрительного, на мой взгляд, у них ничего не было. Но поскольку они были задержаны и доставлены на пост, я, как старший, должен был принять решение. А какое? Отпустить? А вдруг они диверсанты? Структура приемного пункта была таковой, что лишних людей, чтобы отправить задержанных в разведотдел или особый отдел, у меня не было.

На счастье подъехала машина, и из нее соскочил майор Иоденис – начальник штаба тыла. Я обратился к нему, как к старшему, с вопросом: «Куда деть задержанных?». Иоденис задал им 2-3 вопроса и, убедившись, что от них невозможно получить внятный ответ, приказал мне: «Отведите за кустарник и там, в балке, расстреляйте». У меня «зашевелились волосы». Я никогда никого не расстреливал, но идет война. Я получил приказ. Как быть?!

Несмотря на всю занятость, я бросил все дела и возился с этими людьми часа три! Они поняли слова майора, плачут, просят меня отпустить их, а я не знаю, что делать. К счастью, уже к обеду, я наткнулся на группу, которая сопровождала 4-х задержанных для проверки в особый отдел. Теперь уже я, пользуясь тем, что сопровождающий был по званию ниже меня, приказал ему забрать и этих двух, на что он охотно согласился.

Автомобили ЗИС совсем перестали поступать на мой приемный пункт. Нужно было выяснить, что мне делать дальше. Я отправился на машине.

Это было сравнительно недалеко – километров 10-12. Однако проехать в расположение 2-го эшелона в/ч 1125 было не так просто. Со стороны Каменец-Подольска сплошной лавиной во всю ширину дороги и примыкавших к ней с обеих сторон обочин двигались беженцы. А по сторонам был лес. По лесу также двигались люди, преимущественно пешие. Но даже и там попадались верховые или с запряженными в маленькие возики коровами. Военных на дороге было значительно меньше, чем гражданских.

В этот момент неожиданно началась бомбежка дороги. Я выскочил из машины, отбежал в лесные заросли и лег на землю.

Что тут было! Взрывы, дым, взлетающие тела людей, деревья, взмывающие вверх и комья грязи. Всё это с ужасным грохотом носилось в воздухе и шлепалось рядом со мной. Бомбежка продолжалась 2-3 минуты, но мне показалось, что она тянется целую вечность. И хотя разрывы уже кончились, дым и туман стояли еще долго. А всего страшнее непрекращающиеся страшные стоны, рев раненых животных, детский и женский плач. Моя машина горела, шофера я не нашел.

Первый раз в жизни я увидел такой ужас. Убитые и раненые люди, среди них много окровавленных детей, обезображенные трупы, умирающие... Их так много, что в какую сторону ни посмотришь, всё кругом кишит этим кошмаром, а нужно ехать дальше... Когда я вскочил на крыло еле двигающейся чьей-то машины, шофер от меня шархнулся и

хотел меня сбросить с крыла. Оказалось, что я весь в грязи и крови. Не пойму, что за кровь? Потом оказалось, что кровь не моя. У меня только лицо и руки подраны то ли о кустарник, то ли еще о какой-то царапающийся предмет. В АДО, как мы называли свой отдел, я попал только часам к 2-м дня.

Насколько это было возможно, привел себя в порядок, но разговаривать, как следует в этот день я так и не смог. Заикался, как ребенок после истерики, и всхлипывал во время доклада майору Липскому.

Товарищи принесли мне остывший обед, я чувствовал голод, но как только поднес ложку ко рту – чуть не вырвал. К горлу из пищевода подкатился тошнотворный комок, я не смог есть. Не смог я и поужинать, а на другой день позавтракать и пообедать. У меня кружилась голова от истощения, ведь я продолжал напряженно работать. Нужно было свернуть приемный пункт и разогнать по частям принятый автотранспорт.

Только к вечеру на второй день я поел. Иван Михайлович Новиков налил мне стакан водки и почти насильно заставил выпить всю до дна. Я сразу же опьянел, но зато плотно, до боли в животе, поел.

Вот так тяжело пережил я эту страшную, первую в моей жизни, воздушную атаку противника, которая прилась в основном по мирным людям – беженцам, спасавшимся от ужасов войны...

Меня всегда спрашивают: «Страшно?». Отвечаю: «Да, страшно!». Но что страшнее, самому умереть или увидеть такое? До сих пор не могу ответить на этот вопрос. Думаю, что в этой суматохе, если ее можно назвать таким жестоко безразличным словом, смерть отдельного человека, даже этим самым человеком воспринялась бы как само собой разуме-

яющееся, как закономерность. Хотя самой-то смерти я тогда не испытал!

Позже я научился в такой примерно обстановке владеть собой, оказывать помощь товарищам, защищаться, нападать. Но удалось мне это не сразу. Появилась уверенность в том, что если каждый будет выполнять свое дело в этой войне, то все сообща одолеем врага при любых обстоятельствах.

Проследить, как формировался опыт воина (не только, конечно, у меня, а у большинства людей, впервые вступивших в условия военной обстановки), можно еще на одном эпизоде, происшедшем в первые дни.

Именно в эти первые дни упорных сражений в непосредственной близости от старой Северо-Буковинской границы у Каменец-Подольского мы часто наблюдали воздушные бои, происходившие непосредственно над нами. С замиранием сердца следили мы за ходом боев. И почти всегда наши »чайки» и «ишачки», тупоносые маневренные «ястребки» терпели поражение...

Как правило, на нашего одного истребителя нападали сразу 2-3 «Мессера». Я. не умею передать тех чувств, тех порывов, смещения ярости, жалости, злобы и бессилия, которые бушевали каждого из нас, когда от сбитого немцами нашего самолета отделялась сначала точка, а через несколько секунд над этой живой падающей каплей вспыхивал, как восклицательный знак, парашют. Еще через мгновение обозначался зонтик парашюта со спускающим на нем летчиком.

И тут начиналось самое ужасное. «Мессершмидты» опускались и, кружась над незащищенным летчиком, расстреливали его в воздухе!!! Нашему

возмущению не было предела! Люди по-разному реагировали на это зрелище. Редко ругались, больше плакали, а чаще всего молчали...

Но случалось (очень редко), что сбивали и фашиста. В большинстве случаев самолет противника задымит и уходит под восторженные крики следящих с земли советских людей!

Не помню, почему мне не пришлось в тот раз самому увидеть, как был сбит большой фашистский самолет, но я из рассказов товарищей знал, что он упал недалеко от нас за селом и дубовой рощей, на отроге которой расположился наш автопарк. Говорили, что три летчика выбросились и медленно спускались прямо на большое хлебное поле за пригорком. Парашютистов никто не обстреливал, но командир роты направил отделение, чтобы захватить сбитых летчиков.

Забегая вперед, скажу, что солдаты вернулись ни с чем, а привели двух летчиков обыкновенные крестьяне из соседнего колхоза. Доставили их связанными и порядком ободранными прямо на приемную для автотранспорта площадку.

Маленький герой

В памятную зиму 1941-42 года даже на Южном фронте стояли лютые морозы. Шли упорные жестокие бои. Фашисты еще верили крикливым речам своего фюрера, еще надеялись отчаянными усилиями сломить непонятное сопротивление более слабого, как им казалось, противника. И то, что «туземная Россия» не развалилась под ударами Вермахта, а жила, сопротивлялась и наносила ответные уда-

ры, бесило привыкших к легким победам немцев. Враг лютовал, а в ответ ему крепло яростное сопротивление хозяев священной русской земли.

На фронте было тяжело. Не хватало танков, самолетов, автоматов. Война пришла в Донбасс, враг наседал. Перелом в ходе войны еще не наступил. Еще не было разгрома под Сталинградом. Пленные немцы смотрели наглыми глазами в упор, отвечали на вопросы с нескрываемой иронией победителей, которым пришлось временно попасть в неприятность.

Тяжело приходилось советским воинам. Командование предпринимало бесконечные контратаки. «Бои местного значения», как они назывались в сводках, шли по всему фронту. Нужно было постоянно «теребить» противника. Не давать ему покоя, изматывать его, сбивать «блиц-криковскую» спесь, производить разведку боем. В условиях временного преимущества гитлеровцев в военной технике и вооружении бойцам приходилось проявлять исключительное мужество и находчивость, использовать знание местности, ее природные особенности, климат.

И вот неожиданным нашим союзником в эту зиму выступил добрый русский мороз. Сказались просчеты немцев: планируя молниеносную войну, они не подготовились к ведению боевых действий в зимних условиях. Щегольское военное обмундирование оказалось явно не по сезону. И если среди наших бойцов появились обмороженные, то среди войск противника их было во много раз больше. Жалкую и смешную картину представляли на жгучем холоде эти «вояки». Почерневшие носы с предательскими каплями на кончиках, ссутулив-

шиеся фигуры, укутанные поверх военной формы в грязное тряпье, мало походили на кичливых «властелинов мира». Теперь немцы предпочитали отсиживаться в утепленных блиндажах и домах населенных пунктов, отобранных у жителей.

Наши бойцы, напротив, охотно ходили в ночные поиски и контратаки во время лютых морозов и жгучих ветров. Вот уж поистине совпадали с мыслями бойцов слова Александра Твардовского:

И лихой нещадной стужи
Не бранили, как ни зла.
Лишь бы немцу было хуже.
О себе ли речь там шла...

Небольшой населенный пункт при разъезде «Генеральский» на одной из веток Северо-Донецкой железной дороги уже неоднократно переходил из рук в руки. В этот раз мы заняли его после короткой перестрелки, особенно резко прозвучавшей в сорокаградусном обжигающем воздухе.

Было около 22 часов. Луна еще не взошла, и темнота стояла сплошной непроглядной стеной как занавесь. До полуночи в населенном пункте, то разгораясь, то затухая, шел бой. Над поселком, как лампы, повисли осветительные ракеты. Слышались взрывы, автоматные очереди и одиночные выстрелы, далекие, неясные и совсем где-то рядом крики, русская и немецкая брань, топот ног. Это бойцы мелкими группами перебежали из одного дома в другой, «выковыривали» из домов застигнутых врасплох полураздетых немцев, которые беспорядочно отстреливались, гоняли их по поселку, брали в плен. Почти полная темень и богатырский

мороз были надежными нашими союзниками. Наконец, всё начало утихать. Наши части сходу заняли вторую линию обороны немцев в трехстах метрах от центра поселка и поспешно укреплялись во вражеских траншеях. В поселке размещались огневые точки, штаб, обоз со снарядами и продовольствием.

Было уже далеко за полночь, когда бойцы маленькой группы техобеспечения под моей командой наладили телефонную связь. В сугробе между уцелевшим домом и погребом замаскировали машину и получили разрешение отжаться короткому отдыху, чтобы на рассвете быть готовыми к неминуемым контратакам немцев.

Двери одного из уцелевших домов оказались незапертыми. Хозяйка, женщина и двое ребят, девочка-семилетка и мальчик лет тринадцати, находились в погребе. Осмотрев дом и расспросив женщину, мы установили, что дом имеет две комнаты. В уцелевшей большой комнате окна были завешены немецкими плащ-палатками, в углу стояла деревянная кровать, пол до половины выстлан толстым слоем соломы. По словам хозяйки здесь ночевали немцы.

Раздумывать было некогда. Моя команда, состоящая из четырех человек, решила разместиться здесь. Старшим был я, воентехник 1-го ранга. Кроме того в команде был рядовой, шофер Михаил Оганисян, связист-электрик сержант Никонов и слесарь (мастер на все руки) младший сержант Байда. Первым часовым-связным для охраны машины и наблюдением за дверьми дома я назначил Оганисяна по тем соображениям, что ему меньше всех пришлось мерзнуть и утомляться в эту ночь, он должен был разбудить меня через 3 часа, т.е. задолго перед рассветом.

Не раздеваясь, мы втроем легли на двуспальную кровать, плотно прижавшись друг к другу и укрывшись двумя трофейными камуфлированными плащ-палатками. Уснули сразу, как засыпают на фронте во время коротких передышек между боями.

Чутко спали бойцы на фронте. Нервы настолько напряжены грозными событиями, что сон мгновенно сменяется полной боевой готовностью при малейшем шорохе.

Не так было в этот раз. Мороз и усталость необычно разморили нас, и мы крепко уснули. Я лег с краю, чтобы не беспокоить ребят, когда меня разбудит Оганисян, согрелся и спал так же крепко, как и они. Вдруг я почувствовал, что мой тяжелый глубокий сон нарушается как-то необычно, сознание приходит ко мне медленно, тревожно.

Кто-то маленькими холодными руками касается моего лица и настороженно тихо шепчет:

«Дядя, проснись! Только тише!»

В комнату через щели в светомаскировке проникают слабые лучи света, соображаю, что это взошла луна. Едва различаю бледное лицо мальчика-подростка. Умоляющим убедительным жестом он вынуждает меня молчать, я лежу в каком-то смятении, сознание вернулось ко мне, но никак не могу понять, что нужно от меня этому мальчику с оккупированного немцами поселка.

«Дядя, – слышу горячий тихий шепот у самого уха – вот это на полу спят немцы, их шесть человек, они зашли сюда, когда вы крепко спали и, не раздеваясь, легли на пол. Я так испугался! Думал, что они будут вас убивать, но они замерзли и, наверное, приняли вас за своих. Они тоже спят. Вы не бойтесь,

я у них забрал оружие – 4 автомата и 2 винтовки, вот они рядом с вами».

Всё это было сказано торопливым шепотом, как говорят, одним залпом.

Трудно описать чувства, охватившие меня, когда я понял значение слов маленького патриота. Воспаленный мозг лихорадочно заработал, каждый шорох мог разбудить немецких солдат. Привыкшие к полумраку глаза теперь различали шестерых здоровенных немецких солдат, лежащих в непринужденных позах прямо на полу, с их стороны доносилось сопение и густой храп. Я всё понял: мы спали в одной комнате с шестью оккупантами.

На секунду я представил себе весь ужас нашего положения. Большая комната теперь казалась тесной от множества людей, находящихся в ней. Ноги одного из гитлеровцев почти касались ног мальчика и сложенного им у кровати оружия. Казалось невероятным, что немцы нас не уничтожили, и только лютый мороз, нестерпимое желание обогреться и наш вид могли быть объяснением такой неправдоподобной ошибки немцев.

Я понимал, что будить своих товарищей небезопасно, так как, просыпаясь, они могли поднять шум, а у кого-нибудь из немцев может оказаться личное оружие, и тогда не избежать гибели. А может быть, кто-то из немцев уже проснулся и прислушивается к шепоту мальчика?... Эти мысли промелькнули в моей голове в одно мгновение, как бывает в минуту смертельной опасности. Я осторожно привстал и решил немедленно действовать, но спокойный тихий шепот мальчика властно остановил первый порыв.

«Дядя, вот тут на полу ляда в подвал, я спущусь туда, а вы подавайте мне оружие, я его упрячу» – сказал он.

Понимая, как нелепо и опасно в моем положении медлить с решительными действиями, я всё же подчиняясь воле и мужеству маленького героя, осторожно начал подавать ему по очереди две винтовки и три автомата. Один автомат я надел себе на шею, снял его с предохранителя, но потом подумал и снял со стены наш трофейный автомат, который, я был в этом уверен, заряжен полным магазином патронов. С минуту я стоял на краю кровати с автоматом на груди и всматривался в слабоосвещенную пробивающимися сквозь занавеску лучами лунного света комнату.

Под самыми моими ногами из открытой дверцы подвала выглядывало худенькое личико мальчика.

На полу, друг возле друга, крепким сном, шумно дыша, спали немцы. От них исходил неприятный запах потных тел, табачного перегара и гнилой отрыжки. Рядом со мной на кровати спали мои товарищи. Теперь я уже не боялся немцев, находящихся в комнате. Одной очереди из автомата было достаточно, чтобы прикончить врагов, не дав им проснуться... Вот они, пришельцы из далекой Германии, явились сюда с оружием в руках устанавливать свои порядки, переучивать нас, наших отцов и матерей на свой лад, пришли, чтобы сделать нас своими рабами, забрать у нас все права кроме права работать на них, подчиняться им. Но по какому праву?! По праву хищника, убивающего свою жертву, чтобы напиться крови... И как?! Из-за угла! Из засады!

Но стрелять по спящим людям, даже по фашистам, я не могу... А мальчишка, находящийся в од-

ной комнате с нами? В комнате, где сейчас должна разыгаться схватка, и хоть, благодаря нашему юному союзнику, я к началу операции нахожусь на более выгодной позиции, однако рано еще гадать, чем кончится вся эта история.

Так в полном молчании прошла долгая минута, в течение которой все мои мысли и чувства пришли в обычное в то время боевое напряженное состояние.

«А где наш часовой?», спросил я у мальчика.

«Он сидит на сидении в машине и спит, а немцы у ворот поставили своего часового».

Это известие меня озадачило и заставило немедленно действовать.

Я приказал мальчику спрятаться в подвале и закрыть ляду, затем осторожным движением ноги, не сводя глаз с немцев, я начал расталкивать младшего сержанта Василия Байду, чтобы разбудить его и привлечь к совместным действиям. Но совсем нехотая в ответ на мои осторожные усилия Василий спросонья начал что-то бессвязно и довольно громко бормотать. Нервы мои не выдержали. Я разом вскинул автомат стволом в завешенное окно и дал короткую очередь, а затем направил ствол на лежащих немцев и застыл в напряженном ожидании.

В одно мгновение всё в комнате пришло в движение. Один немец резко сел, остальные почти все привстали на локте или приподняли головы. Одновременно, сзади меня, на кровати вскочили мои боевые товарищи, чуть не столкнув меня с шаткой кровати прямо на лежащих немцев, что могло бы кончиться для всех нас весьма плачевно.

В наступившей зловещей тишине один из немцев четко произнес вопросительным тоном:

«Рус?!»

«Рус! Я, рус!» – громко ответил я. «Ханд де хох!»
(«Русский! Да, русский! Руки вверх!»)

Внушительный вид направленного на них автомата быстро подействовал на немцев, они торопливо встали с поднятыми вверх руками.

«Херум!» – громко скомандовал я.

Немцы повернулись кругом с поднятыми вверх руками. Нужно сказать, что к тому времени все русские воины, которые находились на передовой, хорошо знали такие возгласы, как руки вверх!, кругом!, сдавайся!, бросай оружие! и т.д. на немецком языке.

Как только немцы обернулись к нам спиной, мы все втроем, как по команде, облегченно вздохнули. В комнате всё кончилось благополучно как для нас, так и для плененных немцев, но вот во дворе шла борьба. Я это услышал сразу, как только улегся шум в доме.

«Никонов, срочно на помощь Оганисяну!» – скомандовал я.

Но помощь уже не потребовалась. Чуть не сорвав с петель дверь, в комнату ввалился итальянец, подталкиваемый сзади Мишо Оганисяном. Удивлению его не было границ, когда увидел он перед собой в комнате шестерых немцев с поднятыми вверх руками. Сметнув, что это результат его недобросовестности, Мишо сразу притих и остановился с автоматом наготове. Через несколько минут все семеро плененных были выведены во двор, обысканы и взяты под стражу.

Не буду вспоминать о неприятностях, которые пришлось пережить всем нам и, в первую очередь, Мишо Оганисяну перед лицом своих товарищей за сон на посту, который чуть не привел не только к

гибели всех четверых, но и к более тяжким последствиям. Скажу только, что под суд я его не отдал, но встряска, которую он получил, послужила ему большим уроком.

Позже он сам признавался, что становясь на пост, каждый раз невольно вспоминает этот случай и с ужасом спрашивает себя, как он мог заснуть при исполнении такой ответственной обязанности, да еще в самой непосредственной боевой обстановке.

Время уже близилось к 5 часам утра, и хоть до позднего зимнего рассвета было еще далеко, но спать уже никто из нас не мог. Всё внимание было сосредоточено на обсуждении столь необычного, даже в многообразной военной обстановке, происшествия.

Особенно поразительным для нас, бывалых уже воинов, казалось поведение мальчика-подростка. Как только немцы под конвоем удалились на сборный пункт военнопленных, мальчишка немедленно оказался в окружении нашей небольшой команды. Начались расспросы, знакомство, угощения.

Юному герою, оказывается, было уже 14 лет. Звали его, мне помнится, Васей. Со временем прихода немцев, его матери с двумя ребятами пришлось очень круто. Чтобы не умереть с голоду, пришлось под страхом смерти от руки немецких карателей или полицаев уходить в степь на картофельные или кукурузные поля для поисков жалких остатков клубней и кочанов. В любое время их могли остановить и обвинить в связи с партизанами. Ведь на всех столбах был развешан приказ о запрещении выхода за пределы поселка! Дети стали свидетелями зверств и арестов жителей поселка, потянулись мрачные дни немецкой оккупации.

Но поселок долгое время находился вблизи передовой линии фронта, и несколько раз прямо на улицах разгорались жаркие бои. Дети казались испуганными зверьками, которые потеряли всякую способность наблюдать страшную окружающую их действительность. Но это только казалось. Дети не только наблюдали, но и принимали в меру своих сил самое деятельное участие в смертельной схватке, бушевавшей над их родным поселком.

Это мы сразу поняли, как только услышали нехитрый отрывочный рассказ паренька. Оказывается, как только немцы зашли к нам в комнату, Вася в страхе за нашу судьбу прижался к дверям и с бьющимся, готовым выскочить из груди сердцем, долго слушал, что там происходит. Против ожидания в комнате было тихо. Немцы, шурша соломой, тихо бряцая оружием и разговаривая шепотом, видимо, располагались спать на полу. Около часа просидел мальчик у дверей пока не решился осторожно начать открывать дверь. Большое мужество и выдержку имел этот мальчик, если решился не только войти в комнату, в которой каждую секунду мог произойти взрыв. Сознал ли паренек, какой опасности подвергается он, когда один, ползая среди спящих немцев, с невероятной осторожностью извлекал и относил в сторону оружие, когда будил незнакомого советского офицера, когда шепотом призывал его к спокойствию и немедленному действию?

Это я узнал позднее, оставшись наедине с мальчишкой, теперь скромным и пугливым, совсем не похожим на нашего ночного соратника. Всё – желтое исхудавшее лицо с недетскими морщинками на щеках, тонкая с прожилками шея, глубоко ввалив-

шиеся, почти девичьи глаза, выдавало в нем человека хорошо знакомого с голодом. И хоть человеку этому было всего 14 лет, он был вполне взрослым.

С нескрываемым интересом рассматривал я не по росту большие, с узловатыми пальцами руки рабочего подростка, немного оттопыренные уши, и, несмотря на худобу, слегка розовые нежные губы. Он окончил 6 классов, этот паренек из пристанционного шахтерского поселка, помнил наизусть одно русское стихотворение Некрасова «Саша» и много украинских больших и малых стихов. Голос его, тонкий, еще не поменявшийся на петушиный, был и певучий и какой-то резкий. Одет он был в суконный, явно женский жакет с закатанными у кистей рукавами, хлопчатобумажные темные брюки и старые солдатские сапоги, подпоясан поверх жакета узким брючным ремнем.

А вообще, сколько я не всматривался в этого паренька, так и не мог найти в нем что-нибудь необыкновенное. Вид у него был такой, словно этот мальчишка совсем не из рабочего поселка, а из хутора, впрочем, в то время все дети были не по годам повзрослевшими и не бросались в глаза своей внешностью. Чем больше я глядел на своего собеседника, тем большей симпатией я к нему проникался. У меня не оставалось сомнения в том, что передо мной сформировавшийся сильный борец, с твердым мужественным характером, что он продуманно и сознательно, не далее как прошлой ночью, совершил настоящий подвиг, и не каждый взрослый способен на такой рискованный поступок. Его неумелый, но правдивый рассказ я буквально вытягивал по отдельным вопросам, чуть ни по одному слову.

Например, на мой вопрос:

«О чем ты думал, когда вошел в комнату, где спали мы и немцы?», мальчик ответил:

«А ни о чем, прислухАлся, чи крепко ли сплять».

«Ну и потом, что ты делал?»

«Лег на солому возле немцев, вроде погреться, а сам затаился».

Действовал мальчик один, и тем убедительнее была та последовательная продуманность и решительность в его поступках, следовавших один за другим. Оказалось, что выждав, пока немцы захрапели, мальчик, подталкиваемый желанием спасти советских воинов, начал медленно открывать дверь, но потом ему пришла в голову мысль, что, если фашисты застигнут его за этим занятием, то отвертеться, конечно, не удастся, он погубит и себя и нас. И тут он решил спокойно открыть дверь и смело войти, а если кто-нибудь из немцев проснется, сделать вид, что пришел погреться и не знал, что в комнате немцы. Рискованно? Да, очень рискованно, но риск продуманный, спланированный! Немного постоял в комнате, прислушался, решил: надо лечь, «вроде погреться» – опять вполне резонно, хоть и опасно.

Первая мысль – «взять в руки автомат, и тогда не страшно», сменилась другой – «не знаю, как стрелять из автомата, а вдруг он не заряжен?» Всё это последовательно, логично, как у опытного разведчика. Нет, он не собирался оставаться побежденным, этот паренек, он твердо и спокойно решил, во что бы то ни стало победить!

Несколько раз паренек нечаянно бряцал оружием, два раза коснулся спящих врагов, сонные немцы ворушились, бормотали, кашляли, пришлось замирать много раз, пока не обезоружил всех.

На вопрос:

«Боялся?»

Он ответил просто:

«А то?! Известно, боязно было!»

Мне не удалось ни сфотографировать, ни определить в свою часть воспитанником этого юного героя, ни представить его к заслуженной награде. Как только началась контратака немцев, мальчик исчез в неизвестном направлении, и больше я его никогда не видел.

Где ты, неизвестный герой? Удалось ли тебе сохранить свою отчаянную голову в этой страшной и беспощадной войне, которая так рано оборвала твоё детство?

И сейчас, когда прошло более 25 лет с той памятной ночи, а твой возраст давно уже нельзя назвать юным, я думаю о том, какие чудесные люди населяют мою необъятную Родину. Взрослые и дети, герои известные и видные, герои неизвестные и скромные, но с горячими сердцами, всегда готовые на подлинно героический поступок по убеждению.

Ведь единственным побуждением к совершенному мальчишкой подвигу, по его словам, было желание спасти советских воинов. Кто они ему? Чужие? Нет, наверное, не чужие, а свои, советские.

«Я так испугался, думал, что вас будут убивать...»

Эти слова простого советского мальчика-подростка, решительного и страстного, умного и выдержанного, отважного и дерзкого, совершившего героический подвиг ради спасения советских воинов, освободителей Родины от коричневой фашистской чумы, эти нехитрые слова вот уже четверть века в подлиннике, если можно так выразиться,

записаны в моей памяти. И записываю я их в этом рассказе, чтобы передать навечно своим потомкам.

Где ты, неизвестный скромный герой, донецкий «Орленок» времен Великой Отечественной Войны?!

10/XI-68 г.

Незаслуженное счастье

Людам, которым не приходилось принимать участия в боях непосредственно на переднем крае обороны, кажется, что воину, вышедшему из госпиталя после ранения, безразлично, в какую часть идти воевать дальше. Кажется естественным, что после ранения бойцы идут в тыловую часть.

Ну, был на фронте, был на передовой, получил ранение, а теперь нужно бы во второй эшелон – так, казалось бы, следует рассуждать. Но для бойца или командира попасть в СВОЮ часть, в которой он принял боевое крещение, с которой связаны общие боевые пути, интересы и воспоминания, в которой остались его боевые товарищи и друзья, сродненные пролитой кровью и скупой солдатской слезой по погибшим – попасть в СВОЮ часть – есть большое счастье!

Собственно, что такое «своя часть»? Почему солдата привлекает она, как привлекает к себе Родина, родной город, родное село, родной завод, родная школа? Ведь, скажем, в родном селе кроме близких и родных людей есть твой дом, твоя речка, тополек, посаженный твоими руками, твоя тропинка, твой лес, твой запах, твой климат. А здесь этого ничего нет. Местность всё время другая, оружие и оснаще-

ние пополняется или полностью сменяется. Даже люди, составляющие основу части, всё время постепенно меняются.

«Отец»-командир части и тот может смениться! Что же остается постоянным? Знамя? Да, пожалуй, но его видят бойцы редко. Один раз при принятии присяги, да изредка в торжественные дни. Как его любить? Как его узнать, эту шелковую святыню?

Традиции? Да! Традиции и люди. И хотя устав Советской армии один для всех воинских частей, всё же в каждой части живут особые свои порядки, неуловимые для глаза и чувств чужого человека, признаки, по которым боец узнает свою часть через многие годы. И каковы бы ни были потери воинской части, но всегда находятся старожилы, через которых передаются традиции части новому пополнению и новому поколению.

Вот так и меня после ранения неудержимо потянуло в свою часть. Сколько было радости, когда после первого ранения я встретился снова с боевыми друзьями! Как поредели их ряды во время моего отсутствия! И тем дороже были для меня оставшиеся в строю друзья-однополчане, с которыми пришлось разделить и горечь поражений, и радость пока немногих, небольших побед начального периода Отечественной войны. С какой радостью и сердечной теплотой приняли меня в свои объятия мои боевые товарищи! Я, конечно, не ожидал такой встречи, оказалось, что и я дорог им, этим суровым бойцам, с которыми, правду сказать, у нас не было никогда нежных отношений. Наоборот, суровая служба обязывает командира быть требовательным, строгим, и во многих случаях не приходится считаться с желаниями и просьбами бойцов. Другой раз прихо-

дится грубо оборвать пререкания и пригрозить, а иногда и строго наказать подчиненного. Чего греха таить, обстановка не всегда позволяла внимательно разобраться во взаимоотношениях.

И на досуге в госпитале, обдумывая события недавней боевой обстановки, я с каждым днем находил всё новые ошибки в своем поведении, всё отчетливей начинал понимать, что люди не могут не видеть и не осуждать их.

Тем трогательнее для меня было открытие, что мои подчиненные всё это понимают, зла не помнят, а наоборот, рады моему возвращению в часть. Теперь они приняли меня не как молодого желторотого офицера, а как бывшего обстрелянного воина, и за это я тем больше был благодарен. Стоит ли говорить о том, что, если боец после первого ранения мог раздумывать, не уйти ли ему в тыловую часть, то после второго и последующих об этом не могло быть и речи. С каждым разом взаимная связь и доверие всё больше укрепляется.

Теперь же я возвращался в часть после второго ранения, возвращался пока не совсем окрепшим. Левая моя рука пока так и осталась ограниченной в движениях, а при ходьбе и при резких движениях чувствовалось легкое головокружение.

Наше соединение уже несколько дней стояло в тылу и готовилось к десантным операциям по высадке на той части побережья Черного моря, которая была захвачена немцами. Настроение у всех было приподнятое, потому что, наконец, начался период всеобщего наступления. Немцы, огрызаясь, отступали уже по всему фронту.

В частях шло пополнение личным составом и оснащение новой боевой техникой, проводились

учебные занятия, формировались новые подразделения, именуемые «Осназами», что означало отряды особого назначения.

Был февраль, но на Кавказском побережье Черного моря стояла чудесная, почти весенняя погода. Солнечные теплые дни и ясные, с небольшими морозами, ночи располагали к радостному веселому настроению.

В Архипо-Осиповке, населенном пункте на самом берегу Черного моря, чуть ли не каждый дом был превращен в штабное учреждение. Здесь же располагался резерв офицерского состава, куда я был временно определен до получения назначения.

В столовой военторга одного за другим я встречал знакомых. Самым первым, помню, попался мне на глаза ст. лейтенант Коля Сорокин, небольшого роста, с веснушчатым, по-детски улыбчивым лицом. Потом встретились сразу два капитана – Саша Мухурадзе, высокий, строгого вида брюнет, и Иван Тараканов, плотный, медлительный, с большими мужицкими руками и широкой, немного сутулой спиной. Старшина Волков появился в чине мл. лейтенанта, а лейтенант Болховитников – в чине капитана!

С Сашей Болховитниковым мы дружили. Конечно, обрадовались друг другу. Он после контузии стал заметно заикаться, особенно, если волновался или, по старой привычке, пытался быстро заговорить. Обедать сели за один столик. В ожидании подавальщицы разговорились, и тут же я получил приглашение на вечер, который должен состояться на квартире майора Новикова по поводу чествования 4-х товарищей, получивших правительственные награды.

В жарко натопленной избе за столом 12-15 человек. Все, кроме пожилых хозяина и хозяйки – военнослужащие.

На столе русская водка, трофейный ром, отварная картошка, хрустящие огурчики, квашеная капуста и... о, волшебство! Целиком запеченный в русской печи поросенок!

Да, нечасто теперь приходилось садиться советским воинам за такой богатый стол, солдатская кухня однообразная, каша-«шрапнель» да макароны. Если и дадут капусту квашеную, то цвет она имеет не бело-кремовый, а сероватый, а огурцы не хрустят, а плющатся под зубами. Ничего не поделаешь, приходится мириться с такими харчами, не о том главные каждодневные мысли: гнать скорей немца, не давать ему покоя – вот о чем пекутся миллионы советских людей и на фронте и в тылу.

Ну, а если появилась такая возможность – отведать наготовленной по-домашнему всякой всячины, то кто же откажется?!

Присматриваемся – оказывается, поросенок-то дикий! Пошли расспросы. Откуда кабан? Сам ли убил? При каких обстоятельствах? Хозяин скромничает, ухмыляется в бороду, отвечает неохотно... А на столе стоит закуска, пахнет..., поблескивают пустые стаканы... Одним словом, не до расспросов. Нужно приступить к «делу».

Кто не «обмывал» во время войны боевых награда, тот может не знать, что существует обычай: положить орден или медаль на дно стакана, залить его русской водкой и достать оттуда только после того, как в стакане будет «сухо».

И всё же прежде выпили за погибших товарищей, потом за хозяйских двух сыновей, что воюют

на других фронтах, и только потом «обмыли» награды.

Капитан Болховитников, лейтенант Ляховец, мл. сержант Гахария и рядовой Степанцев со звоном опустили награды в свои стаканы.

Уже отдали дань русской водке, закусили хрустящими огурчиками, попробовали и трофейный ром – хоть и не водка(!), а всё же добрый напиток!

Засуетились хозяин с хозяйкой около поросенка. Пока они колдовали над ним, разрезая на части, возобновились расспросы насчет появления дикого кабана на столе у нашего хозяина, деда Кирилла.

После добрых трех чарок русской старик подобрел, но всё же прежде, чем ответить, отдал предпочтение своей хозяйке:

«Убить поросенка легче, чем приготовить. Попробуй, «утоми» его в печи так, чтобы за губами тянулось, и при этом не пересуши!»

Бабка охотно приняла похвалу, пригубила чарку, обстоятельно рассказала, как нужно готовить «важное» блюдо и засуетилась, подкладывая гостям жирные куски.

«Скорей прогоняйте фашистов и приезжайте в гости, я вам пятипудового в печи запекую!» – искренне, по-матерински пообещала она.

Из рассказа старика следовало, что в горах кабанов развелось очень много, что он уже не раз водил в горы солдат на охоту, знает хорошо места, но сам теперь не стреляет – ружья нет. Этого кабанчика ему подарили ребята, которых он позавчера сопровождал в горы. Тогда убили трех поросят, один из них и попал деду.

Нехитрый рассказ старика оказался началом целой серии охотничьих воспоминаний, а может и

выдумок, ведь недаром охотники славятся своими занятыми рассказами!

Среди нас объявились большие любители до охоты. Казалось, что вся наша компания, как нарочно состоит из самых опытных и бывалых охотников. Здесь были мастера по пернатой дичи, по зайцам, лисам, кабанам, и даже... медведям! Страсти до того накалились, что нашлись охочие до немедленного похода на охоту в горы.

Неизвестно, чем бы окончилась наша беседа, если бы не хозяин, который разумным советом сумел охладить пыл. Его рассуждения сводились к тому, что для охоты нужно подготовиться. Ехать нужно на машине к ущелью, расположенному от Архипо-Осиповки на расстоянии около 25 километров. А там, в горы еще и пешком идти 6-8 километров. Потом нужны карабины, санки, веревки.

Словом, решено было завтра же ночью отправиться с дедом в горы на охоту. Мне так же, как и другим, майор Новиков предложил принять участие в завтрашнем походе.

Вначале я категорически отказался. Во-первых, я чувствовал себя не совсем здоровым, к тому же я никогда не охотился. И всё же меня уговорили. Соблазнительно было после долгих дней непрерывных боев и госпитальных палат побывать один денек на кабаньей охоте. Тем более что свободного времени у меня предполагалось несколько дней.

Честно говоря, я не очень верил в то, что поход состоится. И когда поздно ночью меня разбудили, то у меня снова появилось желание отказаться, и только данное мною накануне слово удержало меня от этого поступка.

На месте сбора, возле избы деда Кирилла стояла полуторка и человек шесть охотников. В чистом, прохладном воздухе слышался веселый смех и шутки.

Раздали карабины, патроны, прошли инструктаж деда Кирилла, который в основном заключался в том, чтобы на охоте не шуметь, зря не палить, и во всем его слушаться.

Ехали десять человек: Новиков, шофер, дед, я, Ляховец, Степанцов, Майборода, Ермоленко, Поляков и Калашников. Шофер, собственно, в охоте не участвовал. Его задача была подвезти нас к тропе, замаскировать машину и ждать нашего возвращения.

Забегая вперед, скажу, что настоящими охотниками оказались Калашников, Майборода, Ермоленко, Поляков и, конечно, дед. Остальные все новички, в том числе Новиков, я и Ляховец впервые попали на охоту.

В гору шли в приподнятом настроении, чему способствовала удивительно ясная лунная ночь. Необычный для этих мест легкий морозец сковал тоненьким ледком частые лужицы, и они, как осколки стекла, потрескивали под нашими сапогами. С моря тянул соленый ветерок, а впереди возвышались темные горы. Было приятно шагать, сознавая, что это идешь не на задание, а так просто, на охоту.

Подъем в гору оказался для меня трудным, я начал заметно отставать от товарищей и уже хотел было вернуться к машине, т.к. до места охоты нужно было пройти по крутым тропам не менее 6 километров. Но дед-проводник пообещал километра через два оставить меня на тропе, по которой можно перехватить кабанов в случае, если охотники их спугнут на одном из многочисленных перевалов.

Однако для меня пройти в гору даже два километра оказалось настолько трудным, что прибыл я к месту своей засады чуть «тепленьким».

У большого пня мы сделали короткую остановку. При этом дед Кирилл сказал мне:

«Ну вот, кажется, твое будет место, если спугнем стадо на четвертом или третьем водоразделе. Все кабаны будут идти вот по этой тропе».

Мне кажется, что никто из нас не поверил словам проводника, а я рад был случаю отдохнуть. Через несколько минут все восемь охотников медленно удалились. Они еще несколько раз появлялись на изгибах тропы и, наконец, исчезли.

Отдышавшись, я начал медленно прохаживаться, чтобы постепенно остыть и одновременно изучить местность, где мне предстояло находиться, по крайней мере, до утра в ожидании дичи.

Пень, у которого я остановился, находился на самой вершине небольшого перевальчика, через который скользила тропинка. Пройдя 100-150 метров, тропа плавно спускаясь, раздваивалась, а затем начинался новый подъем. Слева, в 10-15 метрах параллельно тропе тянулось глубокое, но не очень широкое ущелье, покрытое мелкоколесьем и кустарником. Противоположная его сторона хорошо освещалась лунным светом. Впереди по ходу тропы расстилались заросли сухого бурьяна, из которого местами возвышались островки кустарника.

Мне пришло в голову, что находиться одному в горах небезопасно. Ведь идет война, разведчики противника могут проникать далеко в горы. По спине прошел зябкий холодок при мысли, что можно попасться в лапы разведчиков в качестве языка.

Прошло более часа со времени ухода охотников, я постепенно обсох и передохнул, залюбовался звездным небом, красивыми очертаниями гор на фоне лунного света. Самой луны не было видно за вершиной горы.

Внимательно прислушиваясь к шорохам и шелесту кустарника, я прислонился к большому стволу дерева, чтобы моя одинокая фигура не выделялась на вершине водораздела, и продолжал наблюдать. Видимость была довольно хорошая, но особенно хорошо было слышно. Далеко на дороге остановилась машина, о чем-то вели разговор люди, хлопнула дверца кабины. Все эти звуки отчетливо доносились до меня.

Вдруг слева, на обратной стороне ущелья я ясно увидел очертание головы оленя. От волнения у меня перехватило дыхание. Олень был от меня на расстоянии не более 100 метров! Присматриваясь, я различал силуэт гордой головы животного с откинутыми на спину ветвистыми рогами. Голова не стояла на месте, она покачивалась, поворачивалась в одну и другую стороны, опускалась, скрываясь, и вновь появлялась. Похоже на то, что олень пасется и временами прислушивается, т.е. несет охрану своего стада.

Мне казалось, что я различаю двух или трех животных кроме вожака. Я долго наблюдал за оленем и окончательно решил попытаться убить его. Стрелок я был неплохой, так что, если бы это было днем, то наверняка с первого выстрела поразил бы цель. Но сейчас ночь, даже, если я и попаду в цель, тушка упадет в кустарники, или того хуже, скатится по склону на дно ущелья. Как добраться тогда к месту, где она будет находиться?

Маскируясь, я по-пластунски подполз к самому обрыву и заглянул вниз. По обеим сторонам обрыва, цепляясь за его скалистые, не очень крутые стенки, росли мелкие деревья и кустарники, а в глубине было темно.

«Нет, стрелять бессмысленно, нужно наблюдать за животным и ждать рассвета».

Приняв окончательно такое решение, я осторожно возвратился к своему дереву и снова прислонился к его стволу. Ни на каких кабанов я, конечно, не надеялся, поэтому с нетерпением ждал рассвета. Олень не уходил.

«Наверное, его самка лежит где-то рядом, а он ее охраняет», подумал я, «буду ждать».

Неподвижное положение располагало к дремоте, и я несколько раз встряхивал головой, чтобы не заснуть.

Вдруг я услышал винтовочный выстрел со стороны гор, куда ушли мои коллеги, потом еще один и еще. В общей сложности прозвучало пять или шесть выстрелов, потом небольшой перерыв и снова два выстрела. Сон мой как рукой сняло.

«Значит, ребята охотятся».

Конечно, могла быть это и перестрелка, но я к тому времени уже хорошо изучил музыку ночного боя.

«Нет, это не перестрелка».

Прислушиваясь, я на некоторое время забыл про своего оленя, но вот всё утихло, и я вспомнил про него. Олень, как и следовало ожидать, исчез.

«Значит, выстрелы испугали животное», подумал я.

Тут мне показалось, что я улавливаю какие-то неясные звуки, похожие на отдаленный треск сухой травы. Звуки доносились со стороны гор, куда ухо-

дила тропинка, они то исчезали, то снова раздавались ближе, потом опять как будто дальше.

Наконец, я стал отчетливо различать шорох и треск. Такой шум может создавать только приближающееся по бурьяну животное. Я прилег за пенек, подобрал для карабина хороший упор, снял его с предохранителя и застыл в ожидании.

Луна ниже ушла за горы, и видимость стала хуже. Зато звуки доносились более отчетливо, чем прежде. Я знал по рассказам охотников, что раненый кабан очень опасен. Естественно, что лежать, ожидая приближения кабана, а теперь я был почти уверен, что приближается именно кабан, так вот, ждать его приближения было не по себе. Хотя к этому времени мы уже успели привыкнуть к стойкой встрече опасностей, да не таких, как кабан, а пострашнее, всё же несколько минут, когда я уже хорошо слышал, что животное близко, но пока не видел его, были напряженными.

Наконец, я увидел на тропе какое-то движение. Сначала мелькнуло что-то серое, потом скрылось в бурьяне, и вот появилось уже в непосредственной близости. Первое, что я понял или, скорее, почувствовал, – кабан был не один. Всё произошло очень быстро. Мелькая в траве и временами показываясь из нее полностью, прямо на меня неслась темно-серая, почти черная туша. С обоих боков от нее тоже шевелилась сухая трава, но животных не было видно.

Конечно, я раньше прикинул, что тропа проходит мимо меня, примерно в 12-15 метрах я лежу от нее в стороне. Заранее я выбрал оголенный участок тропы с хорошей видимостью со стороны моего пня и подготовился встретить зверя именно здесь, но

предательская мысль о том, что кабан может свернуть с тропы и бежать прямо на меня по сухой траве, подмывала вскочить и... ну, хотя бы взобраться на дерево.

В самом деле, в бою не убило, так на тебе – свиная разорвет! Всю жизнь мечтал о такой «геройской» смерти!..

Но вот на тропе показался кабан. Он, кажется маленький, но приближается с невероятной быстротой, скрывается в бурьяне, снова появляется на тропе уже совсем рядом.

Я беру на прицел голый отрезок тропы впереди животного.

«Эх, будь, что будет!»

В 25-30 метрах от моего пня кабан вбежал на участок, находящийся под моим прицелом, я тщательно прицеливаюсь и плавно нажимаю спуск. Прозвучал выстрел.

Всё, что случилось потом, произошло так быстро, что я не успел даже передернуть затвор.

Кабан хрюкнул, резко развернулся и понесся по тропе в обратном направлении. Одновременно также быстро в бурьяне мелькнуло еще три животных поменьше, они взвизгнули и бросились врассыпную, с треском ломая мертвую сухую траву. Удаляющийся треск травы долго слышался, но даже по звуку я не мог определить, в каком направлении бегут животные.

Мне казалось, что направление, откуда доносятся удаляющиеся звуки, непрерывно меняется. Ошеломленный, я долго неподвижно лежал за пнем, пока далекие шорохи окончательно не растаяли.

Сначала я никак не мог понять, как это я умудрился промазать, стреляя из карабина почти в

упор. Ведь в момент выстрела животное двигалось по изгибу тропы прямо на меня! Теперь я понял, что это была свинья с выводком поросят. К чувству досады за свой промах и растерянность присоединилось сознание того, что моему рассказу никто не поверит! Надо мной просто будут смеяться. Наконец, я пришел в себя, передернул затвор, встал, осмотрелся, прислушался.

Луна не зашла, но стало светлей – это наступал рассвет.

Стоя, я прикинул, где находилась свинья во время выстрела. Да, направление тропы в этом месте точно совпадало с направлением ствола карабина. Как я мог промазать?! Но ведь промазал, это же факт!

Я пошел по тропе к месту, где свинья так мгновенно развернулась, чтобы хотя бы увидеть следы животного, следов не заметил, прошел по тропе метров 15. И вдруг пятно... что это? Присматриваюсь – на тропинке кровь! Дальше – еще кровь...

«Значит, я ранил животное, нужно быть осторожным!»

Тревога снова вернулась ко мне, кровь ударила в голову. Я снял с плеча карабин, изготовился и так продолжал осторожно двигаться дальше. Следы крови свернули с тропы, я их с трудом разыскивал в сухой траве. Так я прошел метров 100 и увидел в траве свинью. Видимо, она несколько раз падала и вставала, т.к. трава кругом была примята.

Сейчас она лежала в луже крови огромной мордой ко мне и тяжело дышала. При моем приближении свинья слегка вздрогнула и хрюкнула, из раны над правым глазом куском вывалился сгусток крови. Я чуть не выстрелил в нее от неожиданности, но

в следующий момент понял, что животное уже не может подняться. Подойдя ближе, я всё же второй раз выстрелил зверю в голову, чтобы прекратить его мучения.

Раза два я обошел вокруг убитого зверя. Туловище и ноги хоть и были большими, но не казались необыкновенными. Необыкновенной была голова. Небольшие уши как-то непривычно прижаты, острый лоб, поросший длинной щетиной, которая тянется гривой по всей спине и длинная, почти неестественно длинная, морда.

За этим занятием я услышал приближение моих коллег. Быстро направившись к тропинке, я на всякий случай спрятался в кустарнике. Ведь была война, и осторожность никогда не мешает.

Наконец, на тропе показался Степанцов Миша. За плечами у него висел большой моток каната. За ним следовали Ермоленко Федя и Игнат Майборода. У них на плечи была положена длинная жердь, но которой висел порядочный поросенок. Затем следовали один за другим все остальные охотники. Только один кто-то тащил пустые санки.

«Не густо!», с гордостью подумал я.

Теперь во мне проснулось чувство ликования, но у меня всё же нашлось достаточно такта и выдержки, чтобы не обнаружить своего восторга.

Было уже совсем светло, но солнце пока не показывалось. В ущельях дымкой лежал синеватый туман. Я вышел из засады и двинулся навстречу отряду.

«Ну как охота?», спросил меня Степанцов. «Зачем стрелял?»

«По кабану стрелял», ответил я.

«А второй раз, вот сейчас, недавно, ты стрелял?»

«Да, я.»

«А теперь опять по кабану?»

«Да, по кабану».

Все остановились, приблизились ко мне, раздались смех и шутки.

«Сколько же ты настрелял кабанов, небось, двух?», с явной издевкой допытывался Микола Ляховец.

«Нет, одну свинью», спокойно ответил я, но в интонации моего голоса было что-то такое, что все сразу поверили. Это я увидел по реакции, которую произвел на всю компанию мой ответ. Да и впоследствии большинство из ребят сами признались мне в этом. Но всё же мои слова были встречены возгласами недоверия и эдаким ехидным смешком. Я повел весь отряд к месту, где лежала туша убитого зверя.

Несколько раз, со всеми подробностями, мне пришлось пересказать всё то, что я сегодня, уже через много лет, решил изложить на бумаге. Мой рассказ непрерывно сопровождался возгласами и поздравлениями.

В эти минуты во мне проснулась настоящая охотничья страсть. Я дал себе слово, что если останусь жив, то обязательно займусь охотой. Кстати сказать, этого данного себе в то время слова мне так и не пришлось сдержать.

Проходя мимо пня, дед Кирилл напомнил мне:

«А ну покажи, где ты видел оленя? Ведь такой дичи у нас в горах нет».

Я остановился у пня, посмотрел на противоположный берег и оторопел. Мой «олень» стоял на месте, помахивая «головой с ветвистыми рогами», только это был не олень, а причудливо изогнутая

ветка с отростками, удивительно напоминавшая по своим очертаниям голову благородного оленя с ветвистыми, откинутыми назад, рогами. Все присутствующие согласились, что в сумерках эту ветку, действительно, можно принять за голову живого оленя.

Когда мы с огромным трудом, удлинив жердями предусмотрительно захваченные дедом салазки, водворили на них свиную тушу и тронулись в путь, Николай Ляховец, славившийся в нашем обществе отменным юмором, полушутя, с сожалением сказал:

«Прошу прощения, товарищу инженер-капитан, що це вас касается, ну як тут не скажиш, що дурням завжди буває щастя!»

Я не обиделся, слишком счастлив я был своей удачей!

Старый знакомый

Эту историю при очень странных обстоятельствах поведал мне Николай Пчелинцев, мой однокашник по заочному отделению Воронежского лесотехнического института.

В ту пору Николай работал токарем на одном из Воронежских великанов-заводов. Токарь он был виртуозный, да к тому же славился завидной сообразительностью и находчивостью, что нередко встречается среди молодых, демобилизованных солдат, прошедших горнило Великой Отечественной войны.

Роста Николай был среднего, но казался высоким. В его ладной атлетической фигуре с крупными кистями рук и порывистыми движениями с перво-

го взгляда угадывался человек, привычный к физическому труду.

Николай был холост, жил в общежитии завода, друзей у него среди заводской молодежи было много. Не так уж редки были случаи, когда заводские ребята собирались за бутылкой столичной, а после первой бывала и вторая. Иногда такие вечера оканчивались тем, что некоторых ребят приходилось успокаивать всей компанией. Так вот, Колю Пчелинцева уговорить в таких случаях было совсем не просто. Словом, парень был, как говорят, бедовый. Но при всех своих недостатках в нем, несомненно, была здоровая, рабочая «косточка».

Вот этот парень настойчиво учился на заочном отделении мехфака Воронежского лесотехнического института, совмещая в себе неудержимую, веселую выдумку с изучением сопромата и теории машин и механизмов (ТММ), которую студенты в шутку называли «Тут Моя Могила».

Мало кто знал, что Николай прожил трудное детство или, вернее, очень рано начисто был лишен детства. В семилетнем возрасте Коля остался без отца. Тяжело пришлось матери, трудно было и мальчику, старшему в семье. В это время он стал драчуном. Не мог терпеть, когда кто-нибудь из детей скажет:

«Вас бросил отец».

Летом, в 1941 году началась война, в город Карачев пришли немцы. Николаю тогда уже было 14 лет, в комсомоле он не состоял, школу бросил еще до войны, и успел прославиться на своей улице, как первый «шибенник».

Перед уходом советских войск люди начали растаскивать магазины и склады. Горели элева-

тор и нефтебаза. Крепко рванула электростанция. Николай метался по всему городу. Чего только не натащил он домой! Два «оклунка» муки, ящик халвы, полведра подсолнечного масла, несколько кусков мыла, бутылку спирта, большой моток ниток и много другой мелочи.

С приходом немцев мать на завод не пошла, не выходил из дому и Николай. Так и сидели несколько дней с закрытыми дверьми и ставнями мать, Николай и десятилетняя сестренка Надя. Могло ли так продолжаться бесконечно? Конечно, нет. Коля начал делать «вылазки». Вначале короткие, робкие, но вскоре он осмелел. Жадно прислушиваясь к ходившим из уст в уста рассказам о новых порядках, парнишка вскоре освоился в городе, стал встречаться с ребятами и вместе с ними обсуждать, как бы начать бороться с немцами. Конечно, ни о каком опыте, ни о какой организованности не могло быть и речи. Было страстное желание помочь Советской армии, но никто из мальчишек не знал, как это сделать.

А тут подступил голод. Запасов продуктов хватило ненадолго. Всё, что можно было променять на продукты, было извлечено и выменено на «баночки» кукурузы и ячменя, на стаканы соли. Теперь единственным источником существования семьи Пчелинцевых был пожилой немец-квартирант, который служил фельдшером в немецком лазарете.

Каждый день, крадучись, Надя приходила в лазарет к квартиранту Курту с двумя солдатскими котелками, часами мерзла и мокла она на дожде у забора. Не всегда ей удавалось приносить домой котелок-два похлебки-помоев, которые украдкой выносил ей Курт.

Однажды вблизи лазарета расположился обоз. Лошадей нужно было напоить, и тут на глаза немцев попались вертевшиеся рядом мальчишки. Ездовые-немцы заставили подростков таскать из колодцев воду. Был здесь и Николай. Без труда обнаружив, что на подводах находятся продукты, ребята решили попробовать утащить у немцев сухарей, которые было легче всего добыть. Для Николая первая попытка оказалась довольно удачной. Он прихватил две буханки ржаного хлеба, запечатанного в пергаментную бумагу. Во второй раз он забрался в подводу с трофейным оружием. Здесь были русские винтовки, штыки, пулеметы. Николай прихватил пистолет ТТ.

Неожиданно поднялась тревога. Началась стрельба и облава. К Пчелинцевым пришли полицаи, сделали обыск, ничего не нашли, но Николая забрали. Два дня отсидел в подвале, короткий допрос, никаких улик нет, но за нарушение режима – появление на улицах после наступления сумерек – двух несовершеннолетних, Николая Пчелинцева и Михаила Сухова, подвергнуть наказанию – 25 ударов плетью каждого.

Таков был короткий приговор, страшный своей безжалостностью, строгой количественной четкостью и ужасной неопределенностью исполнения.

В самом деле, тяжесть наказания зависит от того, кто, как и чем будет приводить в исполнение этот, казалось бы, не очень тяжелый приговор. Но эти заплечные подробности стали известны позже, а пока некоторые жители ближайших улиц узнали, что расправа была тяжелой. Двух мальчишек, чуть «тепленьких» забрали по домам и долго отхаживали после порки.

-----“-----

Я спешил к трамваю, чтобы добраться до поселка СХИ (сельскохозяйственного института), рядом с которым располагается и наш Воронежский лесотехнический институт (ВЛТИ). Вечером назначена консультация по «Тяговым машинам», последняя консультация перед экзаменом. Мне, как старосте группы, нужно было обеспечить явку студентов. Погруженный в свои мысли, я не сразу понял, что меня окликают. Это был Николай. Одет он был не совсем обычно: модные серые брюки, новенькие желтые туфли, нежно-розовая шелковая сорочка. Всё это подчеркивало стройность его телосложения и было ему к лицу. А веселое настроение дополняло его внешний облик.

Я шел рядом и любовался Николаем.

«Сегодня решается моя судьба», сказал он, «после консультации иду на свидание, думаю сделать предложение».

Лицо его стало серьезнее.

«Хорошая у меня девушка, боюсь, что откажет, – продолжал он, прикуривая сигарету, – если меня узнает, обязательно откажет, ведь я ее не стою! А жалко будет, не переживу! Для храбрости пропустил 100 грамм. Может, напрасно?»

Я прикинул, ему было примерно 25-27 лет.

«Пора жениться», – подумал я.

Уже перед самой трамвайной остановкой нам повстречался пожилой человек. Мне показалось, что Николай собрался с ним поздороваться, но потом раздумал, прошел несколько шагов и оглянулся. Оглянулся и незнакомец. Тогда Пчелинцев извинился передо мной, быстро вернулся назад,

догнал мужчину, перебросился с ним двумя-тремя фразами, внимательно вглядываясь и, приближаясь, протянул ему руку. О чем они говорили, я не слышал. Собеседник Николая как-то стушевался и, удивленно сдвигая плечи, отрицательно покачал головой.

И тут произошло то, чего я никак не ожидал. Николай сделал левой рукой обманное движение, как бы собираясь ударить, а в это время профессиональным боксерским приемом нанес сильный прямой удар в лицо правой рукой, затем ударил левой и снова правой.

Такого я давно не видел. Вдумайтесь, как бы вы отнеслись к тому, если бы на ваших глазах молодой парень среди белого дня стал избивать сидящего пожилого человека?! Пострадавший, хоть и не был молодым, но не упал, покачнулся, оперся на столб, безуспешно попытался удержать слетевшие с лица очки, а потом закрыл обеими руками лицо. Даже с дальнего расстояния я увидел, как по кисти его руки поползла струйка крови.

Я задохнулся от волнения.

«Вот хулиган! Да это же бандитизм! И кто?! Пчелинцев! Нет, надо смыться», – подумал я. «И зачем я связался с этим Николаем. Я же знал, что с ним легко попасть в историю», – мелькнуло у меня в голове.

И всё же я не ушел. Слишком необыкновенным был поступок Пчелинцева, что-то неясное просматривалось в этом эпизоде. Я не только остался, но продолжал следовать за образовавшейся толпой в отделение милиции. Почему я не ушел? Не знаю, как точнее объяснить это. Видимо, где-то в глубине души затаилась надежда оправдать поступок Николай. Верилось, что при всей своей неуравновешен-

ности он хороший парень, что есть какая-то скрытая причина его внезапно проявившейся ярости.

Между тем дело принимало серьезный оборот. Раздался милицейский свисток, толпа угрожающе шумела. Перекрывая гвалт, раздавались возгласы:

«Убивать их надо на месте!»

«Загнать туда, где Макар телят не пас!»

Кое-кто незаметно тычет Николая в бок, другой дает пинок. Нарастает угроза самосуда. Два милиционера с трудом удерживают возмущенную публику.

Нужно сказать, что происходило это в 1954 году, после амнистии, и борьба с хулиганством в это время приобрела повсеместно актуальное значение.

В отделение милиции всех желающих не пускают.

Пострадавший Василий Иванович Шубин просит рассмотреть дело без него. Дело яснее ясного. Все видели, как на него напал пьяный хулиган, парня этого он не трогал, никогда раньше его не знал, свидетелей достаточно. А он, Шубин, хоть и заинтересован в наказании обидчика, свои показания пришлет по почте. Задерживаться он не может – опаздывает на самолет. Лететь далеко, в Кемерово, пересадка в Москве.

Николай что-то хочет сказать, но ему не дают и рта раскрыть.

Свидетели не соглашаются отпустить Шубина.

«Тоже благодетель нашелся! Если ему своих собственных зубов не жалко, то нужно взять во внимание, что хулиган остается в Воронеже. Сегодня Шубина избил, а завтра расходится так, что никакой управы не будет! Судить гада показательным судом, чтобы другим наука была!»

Шубин предъявляет авиабилет, еще раз просит, как можно раньше отпустить его. Дежурный сове-

туется с кем-то по телефону. Всё склоняется к тому, что можно быстро отправить Шубина к врачу зафиксировать повреждения от побоев, взять первоначальные показания с его слов и отпустить.

Неожиданно раздается громкий, срывающийся на крик, голос Пчелинцева, находящегося здесь же, в комнате дежурного.

«Не верьте этому человеку! Это никакой не Шубин. Это немецкий полицейай, предатель Жилин!»

Шубин снисходительно улыбается.

«Что ты мелешь, парень, проспишься, сам удивляться будешь!»

Но Николай не унимается. Тогда дежурный потребовал паспорт у Шубина, внимательно его осмотрел и, возвращая владельцу, дал указание постовому милиционеру отправить пострадавшего на медосмотр.

«Его на медосмотр?! Тогда и меня на медосмотр!», заревел Пчелинцев.

Он с силой рванул через голову новенькую шелковую сорочку так, что она разлезлась на спине, обнажая юношеский торс и широкую мускулистую спину.

«Посмотрите на меня, это его работа!»

В разных направлениях, от лопаток до пояса и ниже, уходя под брюки, виднелись неглубокие белые шрамы, похожие на расчесы.

«Мало?! Могу показать и ниже!»

И он начал расстегивать брючный пояс. Свидетели-женщины заторопились к выходу. Пострадавший явно забеспокоился.

«Парень определенно меня с кем-то путает».

На его лице выступила испарина.

Николай с лицом, выражающим одновременно и злость и отчаяние, обратился к Шубину-Жилину:

«Это я путаю? А ну, покажи, гад, руку! Левую покажи! Не может быть, чтобы у тебя там шрама не осталось от моих зубов!»

Их обоих пригласили в кабинет начальника отделения милиции. Потом вышел дежурный, записал фамилии и адреса свидетелей и всех отпустили.

Притихшие расходились люди, на глазах у которых произошло это всё, перешептывались, высказывали различные предположения.

На консультацию Пчелинцев не попал. Не пошел он и на свидание. Только через два дня пришел на экзамен и сдал «Тяговые машины» на «тройку».

-----“-----

«Жилин!» – мгновенно мелькнуло в сознании Николая. И сразу всё то, чем он жил сегодня, заслонилось кошмаром воспоминаний о чем-то ужасном. И это «что-то» оказалось здесь, рядом!

Почти без сознания он сделал несколько шагов и оглянулся. Их глаза встретились.

Сколько раз спасало Жилина правило, ставшее привычкой – никогда не оглядываться при встречах. Что заставило его оглянуться? Сделал он это невольно и сразу понял свою оплошность.

Стоя перед опознавшим его человеком, уже не тем мальчишкой, которому до смерти не хватало, может быть, всего одного «прикосновения» тяжелой руки карателя, Жилин опытным глазом оценивал порывистую физическую силу и самоуверенность взрослого Николая. Видимо за 10 лет произошло чудо: тот «доходяга» стал мужчиной. Это никак не устраивало Жилина.

Но не таков он был, чтобы сдаться. Жилина тоже ведь не стало. Вместо него появился Шубин! Овладев собой, Жилин-Шубин «не узнал» Николая и собрался было неторопливо, без нарушения внешнего спокойствия отправиться в дальнейший путь и «раствориться» в непрерывном потоке людей, что ему не раз удавалось. Как вдруг произошло неожиданное. Николай нанес ему три сильных удара в лицо, закружилась голова, упасть помешал столб. Он медленно приходил в себя, стараясь выиграть время, молчал, прислушиваясь к выкрикам, исходящим из окружившей их толпы. Лихорадочно работала мысль.

«Только не в милицию», пронеслось в воспаленном мозгу.

Но миновать милицию не удалось, случилось то, что должно было произойти рано или поздно. Шубин был опознан. Шубин стал снова Жилиным. Он «засыпался».

-----“-----

Сколько раз потом, вспоминая прошлое, Николай задавал себе вопрос:

«Что, если бы Жилин тогда не оглянулся?»

И всякий раз мороз пробежал по коже, когда он отвечал себе:

«Ушел бы, гад!»

Когда Коля после расправы полицаев начал приходить в себя, его постоянно мучили кошмары, с замиранием сердца он прислушивался к шорохам и шагам на улице, поминутно ему чудился хриплый голос Жилина, большой вздрагивал, задыхался и снова терял сознание.

Тогда, в далеком 1942 году, идя на расправу со своим товарищем, мальчишкой Мишей, Коля вначале не испытывал страха. Казалось, они легко отделались, т.к. задержание могло окончиться любым наказанием, и 25 ударов казались пустяком по сравнению с расстрелом. Два полица повели ребят на колхозный двор, шел мелкий дождик. Брели, не разбирая дороги, прямо по лужам. Рваная обувь пропускала воду. Николай с завистью смотрел на добротные сапоги полицейских и ежился.

В огромном колхозном сарае, где в мирное время хранился фураж, теперь было пусто. Пахло гнилой соломой и пылью.

Старший из полицейских по фамилии Кохта приказал Мишке раздеться и лечь на деревянную лавку. Рядом с массивной деревянной скамьей прямо в пыли валялись обрывки электрокабеля с резиновой изоляцией. Кохта поднял один такой кусок длиной побольше метра, сложил его вдвое и, похлопывая этим «инструментом» себя по кожаному голенищу, повторил приказание. Округлившимися глазами Мишка посмотрел в лицо карателя, сгорбился, закрыл лицо руками и заплакал, дергаясь плечами. Он был моложе Николая и выглядел совсем ребенком.

«Рано ты нюни распустил, пацан!», сказал Жилин, подходя к Мише.

Крупный, молодой мужчина, он грубо сорвал с мальчонки худой пиджачишко, задрал на голову рубаху, обнажив худую желтую спину с торчащими лопатками, швырнул его на лавку лицом вниз и без усилия придержал рукой за голову.

Засвистела резина, на мальчишечью спину посыпались удары. Кохта бил размеренно, не напряга-

ясь. Казалось, он играл с этим подобием плети, но спина юноши быстро стала покрываться пыльными полосами, которые постепенно розовели, вздувались. Мишка истошно закричал. Николай в это время стоял возле открытых ворот как загнипнотизированный. Казалось, он не понимал, что здесь делается. (Впоследствии он сожалел, что не выскочил в раскрытые ворота).

Постепенно до сознания дошло, что здесь, на этом самом месте происходит такое не в первый раз, и что эти два озверевших человека набили руку на таких «процедурах». В его воспаленном мозгу сначала мелькнула какая-то неясная мысль, а затем, когда палачи, швырнув прямо в пыль, на пол, избитого, стонущего Мишу, и повернулись к Николаю, он вздрогнул и тихо прошептал:

«Я не дамся!»

В ответ раздался грубый смех полицаев.

Как загнанный зверек, сверкая полными ужаса глазами, Николай пятился к стене в глубину сарая. К нему не спеша приближался Жилин. Шел уверенно, не торопясь, твердо зная, что мальчишка никуда не уйдет. Но вот Коля резко метнулся в сторону ворот, в два прыжка достиг проема и растянулся, сбитый подоспевшим Кохтой, мгновенно вскочил и попал в медвежьи лапы Жилина.

«Не дури, пацан, а то хуже будет!», спокойно прорычал каратель и поволок его к месту казни.

Новая жертва, попав в руки палача, забилась, словно пойманная птичка. Вся ненависть к предателям, копившаяся в сердце подростка почти два года, смешавшись с животным страхом, вылилась в одном безрассудном порыве ринуться в бой до конца! На смерть!

Силы были далеко не равны. Жилин нес его, как котенка, извивавшегося почти в воздухе. Донес до лавки, но Коля ногами оттолкнулся с такой силой, что полицейай чуть сам не упал и на секунду ослабил усилие. Этого оказалось достаточно, чтобы мальчишка впился зубами ему в кисть левой руки. Хватка была мертвой. Два раза Жилин пытался вырвать кисть из молодых зубов подростка, но безуспешно. Он взвыл от боли, чувствовал, как трещат кости. А Коля, судорожно сжимая челюсти, вкладывал в это усилие всю ярость, вскипевшую в порыве этой отчаянной схватки. От тупого удара по голове в глазах потемнело, к горлу подступила тошнота. Очнувшись привязанным к жесткой скамье.

-----“-----

Смертным боем казнил мальчишку озверевший Жилин. Медный кабель с резиновой оплеткой тяжело ложился на худую, еще детскую спину, оставляя на ней кровавые пиявки.

На пятом ударе Николай снова потерял сознание. А взбесившийся палач продолжал хлестать, вкладывая в каждый удар злую радость мщения за причиненную боль и за непонятную ему дерзость паренька, посмевавшего бесстрашно вступить с ним в единоборство.

И быть бы Николаю окончательно растерзанным, забитым насмерть, да спас его случай. Старший полицейай пригнал в манеж на кару очередную партию провинившихся. Он остановил разбушевавшегося Жилина:

«Стой, хватит тебе, разве не видишь, что он готовый?!»

И, обратившись к прибывшим с ним, приказал снять Николая с лавки и окатить водой. Но тут Жилин запротестовал:

«Ему назначено 25 горячих, а я отсчитал только 15, еще 10 нужно добавить».

«Это потом, если выживет, только, видать, он и от этого дойдет», – сказал старший полицей после того, как избитое тело подростка не шевельнулось от вылитого на него второго ведра воды.

В сарай, как тень, вошла Колина мать. Все раступились, и она припала к неподвижно лежащему сыну.

«Назад!, – взревел Жилин, – он пока не освобожден». И так как мать не двигалась, он перетянул ее через плечи тем же куском окровавленного кабеля, оставив на фуфайке мокрый след. Мать от боли дернулась всем телом, но не встала, а только теснее прижалась к распростертому пареньку, укрывая его от палачей своим телом.

«Ладно, пушай волокет его домой, – вмешался снова старшой, – если надо, мы и там его отыщем», и, обращаясь к матери, добавил: «Сама виновата, смотреть надо за хлопцем, чтоб не мотался в Neurочные часы».

Превозмогая боль, горе и страх, сжав зубы, мать вместе с дочерью молча выволокли Николая во двор, раздобыли салазки и увезли домой.

Коля остался жив. Этому помог постоялец, немецкий фельдшер, который не только оказал пострадавшему медицинскую помощь, но и взял под опеку, уберегая его от дальнейшей расправы полицейских.

Неожиданно в город с боем вошел партизанский отряд. До конца неокрепший Николай пошел к партизанам и оказывал им помощь в отыскании скла-

дов с боеприпасами, продовольствием, а потом, когда партизаны вынуждены были оставить город, ушел с ними в лес.

В 16 лет Коля стал солдатом Советской Армии, был ранен под Ужгородом и заканчивал срочную службу после Великой Победы на территории Чехословакии. Вернулся он домой окрепшим, закаленным, со страстным желанием учиться.

Дома, в полуразвалившейся избенке, без всяких средств существования, его ждали больная от истощения мать и несовершеннолетняя сестра. Нехитрого запаса продовольствия из солдатского вещевого мешка хватило с натяжкой на два дня. Пришлось отложить мечту об учебе. А специальности никакой не имел.

Райком комсомола направил в МТС разнорабочим. Заниматься пришлось и строительством дорог, и сбором металлолома, заготовкой камня, песка и глины, работать ездовым на лошадях, землекопом на строительстве, молотобойцем в кузне. Наконец, поставили учеником к токарю. И только через два года, когда мать поправилась и поступила на работу, а сестра кончила ФЗУ, Николай уехал в Воронеж с надеждой осуществить свою мечту – работать на заводе токарем и учиться в вечерней школе рабочей молодежи.

-----“-----

Экзамен по «Тяговым машинам» прошел для меня, как и все другие, хорошо.

Сдавал я первым, получил «5», узнал у коллег-студентов, где и как организуется застолье по случаю сдачи экзамена, и пошел искупаться в реке.

Во второй половине дня пришел, как договорились, в общежитие, прихватив с собой бутылки и закуски для складчины. В комнате шла подготовка к застолью. Девушки накрывали газетами сдвинутые столы, устанавливали на них посуду. Им помогали два парня из нашей группы.

Убедившись, что здесь мне делать пока нечего, я вышел в прилегавший к общежитию скверик. На аллейке, на скамье я увидел Николая в сопровождении двух женщин, пожилой, с глубоко посаженными глазами, как у Коли, и стройной девушки. В старшей я безошибочно определил Колину мать. Мы познакомились, разговорились. И здесь я узнал, что заставило Николая отложить всё, чем он жил сегодня и таким необычным способом вернуться к трагическим событиям своего прошлого.

Постепенно рассказчиков окружили прибывавшие студенты нашей группы, посыпались вопросы. Колина мать успела побывать в органах госбезопасности, куда ее телеграммой вызвали из Карачева вместе с другими четырьмя женщинами, знавшими полиция.

При очных ставках и опознании Жилин молчал и все время вытирал влажным платком пот с лица и шеи. Оказалось, что карательная акция, происшедшая в тот памятный день, это лишь малая капля в море злодеяний, которые совершил Жилин в бытность полицаем.

Мать и сын Пчелинцевы заслужили благодарность за помощь, оказанную советским органам государственной безопасности при задержании преступника Жилина, скрывавшегося в северо-восточных районах страны под фамилией погибшего советского воина Шубина.

Мартыненко Павел Матвеевич (1915–1987)

1940–1945 годы – офицер Советской Армии, участник Великой Отечественной Войны на Южном, Северо-Кавказском, 1-м и 2-м Украинских фронтах, в составе 18 и 37 Армий. Четырежды ранен. Награжден орденами и медалями.

ВОЙНА...

Обычная жизнь в необычных условиях

В одной из телепередач, посвященной Великой Отечественной войне, выступившая с воспоминаниями И. А. Антонова, в прошлом директор Пушкинского музея в Москве, рассказывая о своей работе санитаркой в госпитале, сказала: «Это не был фронт, но это было столкновение с войной». Наше поколение, которое сейчас называют детьми войны, тоже пережило столкновение с ней. Немало было юных героев, которых чтят наравне с фронтовиками, но и остальные, даже самые малые дети, мужественно переносили все тяготы лихолетья. Это была обычная жизнь в необычных условиях, и каждый хотел выжить. А выжить вряд ли смогли бы без наших матерей и всех тех, кто совершил свой негромкий подвиг, сохранив для страны поколение будущих строителей, хлеборобов, инженеров, учителей, врачей, ученых...

ИДИЛЛИЯ
ДЕДУСЕНКО

Мемуары

Первое столкновение с войной

Я хорошо помню, как начинался тот воскресный июньский день в нашем городе Ворошиловске (так назывался тогда Ставрополь). С раннего утра уже бегала ребятня – в каждой из одиннадцати семей в нашем дворе № 167 на улице Дзержинского были дети примерно моего возраста и младше. Только у Дмитриевых было два уже женатых сына. Совсем молодые, им едва исполнилось по девятнадцать, от нас они отличались лишь высоким ростом, а часто тоже бегали по двору с мячом.

Стояла великолепная погода. Всё вокруг сияло от солнечного блеска, отчего на душе становилось легко и радостно. Мне было радостнее вдвойне, потому что не надо присматривать за двумя младшими сестренками, они остались дома с папой, а я шла в кинотеатр «Гигант» (находился напротив главпочты). Там работала контролером моя мама, и я могла сидеть в зале хоть несколько сеансов подряд – для детей того времени кино было самым большим удовольствием.

Дойдя до СШ № 5 (она и сейчас на том же месте), увидела, что напротив нее собираются люди у столба с радиорупором, рядом с керосиновой лавкой, стоявшей примерно там, где сейчас высятся памятник Лермонтову (тогда кроме них и небольшого овражка на площади ничего не было). Из любопытства я перешла через улицу и присоединилась к собравшимся, которые, как оказалось, ждали важного сообщения. Оно обрушилось на наши головы, как неожиданная страшная буря. Трудно было поверить, что в такой яркий радостный день где-то рвутся бомбы и снаряды, гибнут

люди... А война шла уже восемь часов. С этой новостью я поспешила к маме и другим женщинам, которые работали в кинотеатре.

В первые же пять дней войны из нашего двора ушли все мужчины, в том числе наш отец и братья Дмитриевы. В том же 1941 году, одна за другой, к Дмитриевым пришли две похоронки. Среди нас появились сироты – совсем недавно родившиеся их дети. Больше ничего особенного вроде бы и не происходило. Тогда еще не было улицы Авиационной, и наш общедворовой сад начинался от порога флигеля на три семьи, в котором мы жили. Сад круто спускался вниз и соединялся с лесом, где мы и дети из соседних дворов часто играли. Мои сестры ходили в детский сад, располагавшийся через три двора, а меня каждое лето отправляли в пионерский лагерь. Так было и летом 1942 года. Лагерь располагался в СШ № 12, и жизнь в нем текла так же, как в мирное время: игры, спортивные соревнования и, конечно, фотография отряда в пионерских галстуках на память. Но однажды нас собрали, сказали, что враг уже за Ростовом, под Сальском, и распустили по домам.

Надо было срочно эвакуироваться. Госпиталь, в котором теперь работала мама санитаркой, уже вывез раненых, а наш отъезд был назначен на 4 августа. Утром 3-го мама и тетя Мура, наша родственница, у которой был огород на Осетинской поляне, пошли накопать в дорогу картошки. Мне было приказано купить хлеба. Только я собралась, как услышала тяжелый гул с завыванием. С веранды мне не было ничего видно, я вышла на лестничную площадку и прямо над головой увидела немецкие самолеты, летевшие огромным клином. Бомбардировщики медленно продвигались дальше, а я стала

их считать. Только дошла до последнего и произнесла «тринадцать», как посыпались бомбы. Они цепочкой летели вперед и рвались где-то в районе железнодорожного вокзала. Огромные черные столбы дыма взметнулись к небу – позже стало известно, что бомбы попали в цистерны с горючим. Мощной взрывной волной меня шарахнуло об дверь, а на веранде с полки из корзиночки разлетелись прищепки.

Когда налет кончился, я отправилась за хлебом в магазин на улицу Коминтерна (ныне Маршала Жукова), но он был закрыт. Наискосок через площадь я направилась в магазин на углу Пушкина и Кагановича (ныне Морозова). На середине площади меня догнали солдаты, шедшие строем в казармы, располагавшиеся в здании пединститута (бывшей семинарии). И вдруг новый налет. На этот раз истребители, которые строчили из пулеметов. Солдаты падали на землю, а я стояла в испуге, не зная, что делать. Мимо пробежал молодой мужчина, он крепко схватил меня за руку и потащил за собой. Мы добежали до угла на Пушкина и спрятались за воротами, где уже находилось несколько человек. Здесь мой спаситель отругал меня за то, что я расхаживаю по городу в такое беспокойное время.

Самолеты скрылись, и я вернулась домой без хлеба – магазин на Пушкина тоже был закрыт, стало ясно, что хлеба уже нигде не купить. Вскоре вернулась и мама без картошки – они с тетей Мурой даже не успели дойти до огорода, когда началась бомбежка, поэтому повернули обратно. Сестренки выдворили из детсада, они сами пришли домой. При очередном налете вместе со всем двором мы пошли в сад прятаться под деревьями; в дома за-

ходить боялись – туда могли попасть бомбы. Поначалу не чувствовали опасности, даже рассказывали сказки, сидя под большой алычой. Но вот из леса через наш сад стал подниматься небольшой отряд бойцов. После крутого подъема они расселись на наших высоких каменных ступенях передохнуть и стали отличной мишенью для немецких истребителей, а мы вместе с ними. Пули свистели мимо, вонзались в стволы деревьев, а казалось, что в наши спины. Просто чудом никого не задело, но у нашей мамы не выдержали нервы. Она схватила первую попавшуюся из нас (как оказалось, среднюю) и побежала с ней в низ сада. Но тут же одумалась и вернулась – ведь наверху остались еще двое.

Поняв, что в саду не спрячешься, все решили разойтись по сараям. Наш располагался под верандой и выходил прямо к саду. Я всё время вырывалась наружу – мне хотелось видеть, что происходит вокруг. При очередном налете я увидела, что где-то за лесом, за железной дорогой или дальше, идет воздушный бой (кстати, потом узнала, что за ним наблюдала и моя одноклассница Шура Ельников, жившая через несколько дворов выше по улице). Я стояла в самом начале сада, на его высоком краю, и отсюда самолеты казались большими птицами, которые яростно налетали друг на друга. Вдруг один из них задымился и пошел вниз. Я почти не сомневалась, что то был вражеский – так мне этого хотелось. Через много лет, в 60-е годы, когда я работала в газете «Ставропольская правда», при каких-то строительных работах нашли останки самолета и летчика. К сожалению, он оказался нашим. Позднее по орденам установили фамилию летчика, а затем и место призыва. Сообщили родным, и одним из без

вести пропавших стало меньше. Я же обо всём случившемся написала очерк.

Налеты продолжались с небольшими перерывами весь день. Позже подсчитали: их было 12. К вечеру всё стихло. Солнце стояло еще достаточно высоко, когда среди установившейся тишины слышался гул моторов. Теперь уже опасность шла не с неба, а от земли. Я решилась потихоньку выглянуть за ворота и увидела, как по нашей улице со стороны центральной площади продвигаются мотоциклы с люльками. Их было очень много, одни останавливались у ворот, и немецкие солдаты заходили во дворы, другие ехали дальше и останавливались почти у каждого дома. Я поняла, что они вот-вот нагрянут к нам, побежала и рассказала всем, кого встретила во дворе. Мама с сестренками сидела на наших ступенях, я села рядом. Вскоре появились двое немцев. Молодые, с нагловатой улыбочкой «победителей», они прошли мимо нас в квартиру, а выйдя оттуда, приклеили на входную дверь бумажку со словом «ACHTUNG». Тем летом я перешла в пятый класс, и у меня был учебник немецкого языка. Я сумела прочитать это слово, означавшее «Внимание», но дальше перевести ничего не смогла. Как потом оказалось, лучшую из двух наших комнат забрали для немецких офицеров. Первых постояльцев мы даже и не видели, так как из страха перед ними продолжали жить в сарае, ночуя на каких-то лохмотьях. Потом один из них потребовал воды, да чтобы убрали в комнате, и мы, смирившись с таким соседством, вернулись к себе. Сначала постояльцы сменялись часто – шли «на восток». Другие немцы, завидев бумажку на двери, тут же уходили, что нас спасало от внезапных набегов.

Полгода неволи

Началась новая страница наших испытаний, среди которых самое тяжелое – голод. Не знаю, чье это было распоряжение, но в первые дни оккупации в магазине на Коминтерна можно было получить буханку хлеба, выстояв в нескончаемой очереди. Несмотря на угрозу расстрела за появление на улице после семи часов вечера, именно ночью приходилось идти и занимать очередь пораньше, чтобы на тебе хлеб не кончился. Ходили в основном мы, дети, матери надеялись, что нас немцы не тронут. Пока всё шло без происшествий, но стоять с ночи в течение всего дня было очень тяжело, сильно отекали ноги. Редко кто решался выйти из этого строя – потом в него не вернешься, так тесно он смыкался. Иногда хлеб не привозили, и эти мучения оказывались напрасными. А скоро его и вовсе перестали привозить.

Деньги, которых у нас было немного перед оккупацией, истощились, и теперь приобрести продукты можно было только в обмен на вещи. Многие стали ходить в села. Однажды и мы с мамой, оставив девчонок на соседку, отправились в село за 25 километров, прихватив то немногое ценное, что удалось приобрести до войны. Шли целый день, я босиком – тапки порвались на ходу, но в конце сентября было еще тепло. Мне идти было тяжелее из-за того, что сбоку на пятке образовался большой волдырь. Обменяв вещи и переночевав на сеновале, утром с продуктами отправились домой. Нога моя ныла, я шла с трудом. Нас догнала телега, лошадью правил здоровенный мужик, рядом сидела породная баба. Мама показала на мою ногу и попросила хоть немного подвезти нас. Мужик выругался, стег-

нул лошадь и поехал еще быстрее. Таких озлобленных и равнодушных к чужой беде людей было немало. Чаще всего каждый старался чем-то помочь другому.

Из этого тяжелого похода мы принесли, кроме других продуктов, с килограмм зерен пшеницы и граммов двести каких-то мясных обрезков. Мы долго томили это в чугушке на печке, и по квартире расплывался такой зовущий аромат, что мы едва дождались, когда же наше кушанье будет готово. Наконец у нас начался настоящий пир! Мне и сейчас кажется, что никогда в жизни ничего вкуснее я не ела.

Потом уже мама ходила в села без меня, с соседками. Ушли из дома ее новое зимнее пальто с меховым воротником, отрез файдешина, не надетые ни разу ленинградские лодочки, мое зимнее пальто, обувь... В общем, на улицу выйти было не в чем да и незачем. Стало довольно прохладно, ходили слухи о расстрелах, по улицам разъезжали «душегубки», в которых люди десятками гибли от удушливых газов, немцы охотились за евреями. Пришли и в наш двор, чтобы забрать мать двоих детей Злату. Тетя Валя и Мария Дмитриевы (вдовы), наша мама Анна Федоровна, рискуя не только своей жизнью, но и жизнью своих детей, встали на защиту Златы – ссылаясь на ее фамилию по мужу, доказывали, что она татарка. Как ни странно, немцы уступили и больше не приходили. Но ведь кто-то донес, что эта еврейка не явилась на регистрацию! Такое тоже случилось, хотя и очень редко.

В конце октября у нас поселился высокий художный полковник, он начал мерзнуть, дров не хватало, и тогда нам привезли уголь. Полковник требовал, чтобы печь топили каждый день, а вечером

подавали в тазике теплую воду. Однажды я зашла к нему с тазиком и застыла на пороге, услышав такую знакомую «Камаринскую». Полковник сидел у радиоприемника, откуда и доносилась музыка. Вдруг она смолкла и прозвучали слова диктора: «Говорит Москва». Голос Родины! Наверное, на моем лице отразилась такая безудержная радость, что полковник, выключив приемник, погрозил мне пальцем.

Через несколько дней он обнаружил в книге на этажерке, оставшейся в его комнате, фотографию, где весь наш отряд стоял в пионерских галстуках, а я – в центре. Он выскочил из комнаты, долго тряс передо мной снимком и что-то злобно кричал, а потом бросил его в горящую печь. Я онемела больше от неожиданности, чем от страха, но снимка было жалко. На следующее утро полковник приказал мне идти за ним. Мы обошли дом и оказались у противоположной стены, куда выходили два окна его комнаты. Немец поставил меня в простенке между окнами и полез в карман. Что я должна была подумать в тот миг? Может, он хочет расстрелять меня за тот снимок? Но он достал фотоаппарат и, несколько раз щелкнув, отпустил меня, сказав, что хочет послать мои фото своей фразе. Потом он пытался объяснить моей маме, что мне у его фразы будет хорошо, а она возражала: какая же из девочки прислужница, ей нет еще и двенадцати.

Неизвестно, чем бы кончилась эта история, но через несколько дней полковника куда-то перевели, а на его место поселили врача-эсэсовца. Этот «доктор» был совершенно лишен чувства милосердия. Мама в очередной раз отправилась поменять на продукты те немногие вещи, которые у нас еще оставались. Сестренка забрала соседка, а ко мне

пришла моя подруга из соседнего двора Тая. Мы обе были голодные, и вдруг из соседней комнаты вышел врач с открытой банкой сгущенного какао. Он молча поставил банку на стол перед нами, и мы поняли, что можем это съесть. И съели. Через некоторое время появились явные симптомы отравления, которые перешли в жуткие мучения. Услышав, что с нами происходит, врач открыл дверь и, став на пороге, некоторое время молча смотрел, как мы корчимся. Видимо, он проверял на нас, можно ли есть эти консервы. Убедившись, что нельзя, он молча захлопнул дверь. Благо, прожил он у нас недолго.

Однако не все немцы были настолько бездушными. Они всё ещё «шли на восток», когда у нас поселился высокий красивый блондин с голубыми глазами и с необычным для немца именем Бруно. Он знал несколько русских слов и сумел объяснить, что до войны один раз был в Москве по делу, и она ему понравилась. Он архитектор, в военных действиях не участвует, не убил ни одного человека, а только строит. 19 ноября 1942 года (я хорошо запомнила дату, так как накануне был день моего рождения) Бруно, вернувшись вечером, со смехом доложил: «Сталинград! Наши скоро цурюк, домой. И я тоже». Вскоре он уехал. Но прошло ещё около двух месяцев до той поры, когда немцы в массовом порядке пошли с востока на запад. По дороге откровенно занимались грабежом. Наши постояльцы сменялись через пять – семь дней, а то и чаще. Ординарец одного из них со смехом рассказывал: «Яйки – сапрали, поехали. Гуска – сапрали, поехали». Так и забирали по дороге всё, что попадалось на глаза.

Сейчас наши испытания кажутся мне такими ничтожными по сравнению с тем, что пережили

голодающие дети Ленинграда, жители сожженной Хатыни, узники Освенцима или жертвы массового расстрела, стоявшие на краю Бабьего яра в Киеве... Да и неволя наша длилась не годами, как на Украине или в Белоруссии, а всего около шести месяцев, но память о ней, как зарубка на сердце, осталась на всю жизнь.

Мгновения великого праздника

И вот наступили дни, когда комната для постояльцев стояла пустой. Зато в городе то и дело слышались взрывы – уходя, немцы разрушали всё, что могли. Еще дня за два до 21 января 1943 года до нас порой доносился отдаленный гул, похожий на орудийные раскаты. Во время оккупации, как бы ни было тяжело, мы, дети, строили планы на будущее. Такие разговоры всегда начинались словами: «Вот когда наши придут...». Никто не сомневался, что наши придут, что враги на нашей земле – временные «гости». Мне, как всегда, хотелось видеть всё своими глазами и, может быть, одной из первых встретить наших бойцов. Вечером, когда стемнело, пришла Тая, но мама на улицу меня не пускала, тем более, что и выйти-то было не в чем. На дворе январский мороз, снег лежит, а у меня старенькое демисезонное пальтишко да невесть откуда взявшиеся короткие фетровые боты, всунутые в галоши. Но всё-таки вместе с Таей мы вымолили несколько минут прогулки по двору. Я надела под пальто старую вязаную кофточку и выпорхнула из дома. Походив по двору и даже по улице, мы поняли, что бои уже где-то недалеко, потому что время от времени мимо нас проносились светящиеся трассирующие

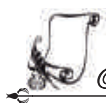
пули. Мы смеялись, не понимая, что нас опять спасало какое-то чудо: ни одна из пуль не задела. Однако стало ясно, что в городе боев еще не было и на улице нам делать нечего. Мы разошлись по домам, а на другой день узнали, что город полностью освобожден от врага, что одно из сражений проходило практически рядом, на улице, которая теперь носит имя Булкина. Эх, рано мы домой ушли, не дождались!

Жизнь постепенно входила в привычное русло. На площади за краеведческим музеем, которая теперь стала одним из красивейших мест города с ангелом-хранителем, образовался стихийный рынок. Теперь можно было не ходить в села, чтобы поменять вещи на продукты, сельчане сами везли сюда всё, что могли продать. Нам менять уже было нечего, но зато снова стали выплачивать деньги по аттестату, 150 рублей на троих детей за то, что отец в армии. Деньги небольшие, они зависели от звания, а отец был сержантом, но уже можно было купить хлеба, который выдавали по карточкам. В школе, где с февраля начались занятия, тоже давали маленький кусочек хлеба, присыпанный сахаром. Ну, это уже было лакомство! Только ходила я в школу не каждый день, потому что фетровые боты с галошами были у нас с мамой на двоих. Когда она уходила по делам, я оставалась дома. Узнав, в чем дело, в школе мне выдали талон на тапочки. Они были сшиты из невыделанной свиной кожи, желтые, жесткие, с остатками густой щетины. Но как же я была им рада! Теперь, вложив внутрь немного бумаги, в них можно было быстро добежать до школы, находившейся в пяти минутах ходьбы, и обратно. Да в марте уже стало и не так холодно.

Трудностей оставалось еще немало, но в стране царил энтузиазм восстановления и окрыляло ожидание близкой и окончательной победы над врагом, потому что бои шли уже на его территории. Все ждали этого дня, знали, что он совсем близко, и всё-таки весть о Победе вызвала такое ликование, словно она явилась неожиданно. Среди ночи я слышала громкий стук в окно и голос Таи: «Вставай скорее! Победа!». Я вскочила, включила радио, откуда раздавался торжественный голос Левитана. Победа! Я наскоро оделась и выскочила во двор, куда уже начали выходить обрадованные вестью о победе соседи. С подругой мы побежали на площадь, где выросли, где проходили самые значительные этапы нашей жизни. Здесь уже было полно народу, несмотря на то, что раннее майское утро еще только засветилось розоватыми облаками. Одна за другой стали подъезжать полуторки и, откинув борта, тут же превращались в сценические площадки. Выступали профессиональные артисты, участники художественной самодеятельности и все, кому хотелось петь и плясать. А люди всё шли и шли с охапками сирени, с букетами цветов.

Потолкавшись часа два на площади, мы побежали на проспект Ворошилова (теперь Октябрьской революции), который, насмотревшись трофейных фильмов, называли между собой Бродвеем. Здесь тоже было не протолкнуться среди радостных улыбок. Погуляв по проспекту, вышли к его пересечению с проспектом Сталина (ныне Карла Маркса), где на огромном полотне, растянутом между деревьями, демонстрировались документальные фильмы. Наверное, не только мы, но и остальные люди старались охватить разом все мгновения великого

праздника. И в этом всеобщем стремлении с наибольшей силой проявлялось то чувство единения, которое помогло народу выстоять в тяжелой войне.

Сейчас находятся охотники покопаться в истории и оценить по-своему совершенно бесспорные факты. Наверное, путь к Победе не был безупречно гладким, но нельзя за мелкими изъятиями не видеть главного – огромного значения нашей победы над фашизмом для всего мира. Эти воспоминания – лишь малая часть того, что могли бы рассказать миллионы моих сверстников. В них та правда, та история, которую невозможно изменить.

Моему отцу, ветерану
ВОВ гвардии – сержанту
Данилу Филипповичу.

1

Отец мой из потомства
плугарей.
Застряла страсть к земле
так крепко в генах...
В пятнадцать лет
на трактор смело сел он,
Чтобы в цветах и росах
на заре
Вставала Русь на нивах
довоенных.

Порой к отцу с вопросом
пристаю,
Мол, Расскажи
про молодость свою,
О сокровенном, нежном
чувстве первом.
И он светло расскажет
про зарю,
Которую зовет любимой
Верой.

Тогда его мне хочется
обнять,
Пусть в сотый раз придется
повторять:
«Ну, ты, отец, воистину
упрямый.

СЕРГЕЙ
ОВСЯННИКОВ

Поэзия

Я этот образ, (да тебе ль не знать...),
Уж сколько лет зову своею мамой».

Теперь, как встарь, горю желаньем рьяным:
Спросить отца, бывалого солдата,
О том пути его тяжелом, ратном,
Про боевых друзей, кого терял он
На волжских берегах под Сталинградом;

Про каждый шаг под Курском и Орлом
И про смертельную разведку боем,
Где гвардии сержант, как все герои,
Сражался с адской мировой чумою,
Чтоб смолк вовек войны проклятой гром!..

Я верю в счастье. И на том стою:
«Мир не сгубить, не сделать беспросветней»...
Прости отец назойливость мою,
Прости родной. Ты и сейчас в строю,
Средь тех бойцов, кто заслужил Бессмертье.

2

Награды Родины

Как память о суровой правде,
(Цена ей очень высока),
В родительской саманной хате,
На дне глубоком сундука
Лежали книги и тетради
Уж пожелтевшие слегка.

Еще покоились медали
И в бронзе, и в ином металле –
Времен войны Великой след.
Едва на них ложился свет,
Они таинственно блистали,
Как звезды нам сквозь толщу лет.

Я взял священные награды,
Поближе к свету подошел
И надпись первую прочел:
«За оборону Сталинграда»...
Огонь смертельный и большой
Отец тушил, не славы ради.

Медаль вторая: «За отвагу».
Что жизнь?! Когда суров приказ:
«Сил не щадить. Назад ни шагу!»
За то, чтобы я жил сейчас,
Он в рукопашную атаку
Ходил, пророчеств не страшась...

Медаль «За взятие Берлина».
Ей полных лет -75...
Пусть воды рек не хлынут вспять.
Пусть наша память не остынет!
Весь жар победных битв доныне
Награды Родины хранят.

3

По весне, когда снега растают,
Пар начнет струиться от паров,
Мой отец, как прежде, точно знает,
Сколько в поле вышло тракторов.

Все дела до времени отложит
И уйдет в поля – ведь не чужой! –
А вернувшись, скажет, что моложе,
Вроде, стал он телом и душой.
А потом
С особенным вниманьем
Будем слушать всей своей семьей,
Как ходил отец наш на свиданье
С матушкой кормилицей – землей.
До сих пор молва о нем:
«Двужильный».
Но в руках той крепости уж нет,
А ведь как они ему служили
Пятьдесят неустомимых лет!
Как сжимали рычаги машины
В поле от зари и до зари!
Ведь не даром среди всех мужчин он
В хуторе был первый тракторист.
А теперь он, питанный войною,
Получивший орден за рейхстаг,
Мирный разговор
Ведет со мною
О земле, о севе, о парах.

Я ГОВОРЮ О СВЕРСТНИКАХ СВОИХ

Венок сонетов

1

Я говорю о сверстниках
своих,
Которые мужали
на вокзалах,
В теплушках и в боях,
когда казалось,
Что в жизни больше
мертвых, чем живых.
Когда войною, проклятой
навек,
Не помнящий
о триумфальных арках,
И взрывчатым огнем,
и сталью жаркой
Раздваивал себя
двадцатый век,
И грудились надгробьем
города...
Омыла землю талая вода.
И всё ж, с тревогой
вглядываясь в завтра,
Нет-нет да и увижу иногда
Былой бедой подкошенных
солдат,
Что падали вперед,
лицом на запад.

**ОЛЕГ
ИГНАТЬЕВ**

Поэзия

2

Что падали вперед, лицом на запад,
Бойцы – я узнавал лишь из кино,
Попозже уяснив себе одно:
Они тогда спешили в наше Завтра,
Бросая воспаленные сердца
На холодом наполненные доты...
У смерти до сих пор нет антидота,
Но нет у жизни смерти, нет конца!
И каждого погибшего душа,
Не плача, не стеноя, не дыша,
Запала в нашу память так же властно,
Как журавлей ночные крики, те,
Что бились на сиротской высоте
И становились отзвуком внезапно.

3

И становились отзвуком внезапно
Цветущих нив горящие поля,
Когда – о, иступленная земля!-
Спины твоей осатанелым залпом
Коснулся бич свинцового дождя...
И танки разворачивали башни,
И падали сыны твои на пашни,
И половины жизни не пройдя.
О, груз войны! Как ты ложился тяжело!
Пусть будут только дымовые шапки
И никогда – снарядов боевых.
За землю умирать не страшно людям,
Но страшно, если на земле не будет
Горячего дыхания живых.

4

Горячего дыхания живых
Друзей бойцам в окопчике хватало,
Чтоб выдержать ответ перед металлом
За Родину и за себя самих.
И в мерзлых крохах хлебного бруска,
И в шутках фронтового заводилы
В который раз душа их находила
Опору для последнего броска!
О, русская раскованная сила!
Рычаг, что отодвинул от России
Броню поработительных армاد.
И по сегодня век наш не спокоен.
Поэтому стоит российский воин,
Из рук не выпуская автомат.

5

Из рук не выпуская автомат,
Не выпало стоять мне на границе,
Но свет Отчизны кровною крупницей
Вошел в меня, как дождь заходит в сад.
Вошел, как в капилляр заходит кровь.
Вошел, как в сердце входит текст присяги.
Как в горло жажды входит капля влаги,
Усиливая жажду нашу вновь,
Так в каждый слог вошла моя любовь
К навек уснувшим, а из них любой
Мог выбежать под солнечные брызги
Сегодняшнего радостного дня...
Спят мертвые, далекое храня,
Под пуль уже неслышимые взвизги.

6

Под пуль уже неслышимые взвизги
Уснуло много в дни войны солдат,
Ведь смерть была к ним ближе во сто крат,
Чем к автомату приданные диски.
А спящий не узнает никогда,
Что выхваченный из гвардейской гущи,
Уже убитый, но еще бегущий,
Он выиграл сражение у врага!
Погибший не узнает. Но живым,
Нам надо знать всё то, что было с ним,
Чтоб каждый с жизнью прожитой сроднился.
Чтоб пули те, которые война
На «лучшие» отлила времена,
Легли туда, где ржа съедает гильзы.

7

Легли туда, где ржа съедает гильзы
Не все еще старатели войны,
Не все еще из них обличены.
Но верю я: еще воздастся им за
Оставленные черные следы
На светлом и святом челе планеты,
За то, что все живущие поэты
Изранены осколками беды,
Над миром прогремевшей катастрофы...
Как раны незалеченные – строфы
Наполнены словами «смерть», «солдат»...
Пока же – сотрясают землю взрывы.
Не скажешь – войны все сданы в архивы
И вот уже который год лежат.

8

И вот уже который год лежат
В пробирках засекреченных бациллы.
Не знаю я, какой смертельной силы,
Но знаю их губительный заряд.
Живой душе средь мертвых не бродить.
Живому слову не дойти до мертвых.
Ведь тех, что неподвижностью затерты,
От горестной земли не отличить.
Так выстрадан земли священный сон,
Что чужд живым воинственный нейтрон.
И заклинаю мир я укоризной:
– Пахать нам надо землю и любить,
Жалеть нам землю надо и поить.
Лежат в земле оплаканные жизни.

9

Лежат в земле оплаканные жизни
И горько сознавать, что не везде
Мы в силах указать то место, где
По их дыханью смерть справляла тризну.
Не можем до сих пор назвать имен
Погибших там и тут, и повсеместно
Мы пишем на граните: «Неизвестный
Солдат». И вечной памяти поклон
Кладем мы в изголовие его
Душою, сердцем, скорбью до того,
Как телом каменеем неподвижны...
Но горше и больнее сознавать,
Что так и не дождалась сына мать
В краю лугов и пажитей Отчизны.

10

В краю лугов и пажитей Отчизны
Играющий ребенок не найдет
Ни штык, ни автомат, ни пулемет,
Ни смерть, что длинной очередью брызнет
Из «юнкерса», упавшего в пике...
Умолкли наступающие пушки!
И девочки играют на опушке,
И мальчики бегом бегут к реке.
Что было, то прошло. Но не забыты
Ни пули, ни штыки, ни моабиты.
Ни пыток разъедающая соль.
И боль везде у памяти на страже!
И в рощах, и в полях она, и даже
В краю лесов, где спеет гоноболь.

11

В краю лесов, где спеет гоноболь,
В краю степных, невянущих рассветов
Испытываю с каждым новым летом
Печаль, мне неизвестную дотоль,
Как я узнал, что прежде тишина
Погибла здесь и, разуму не внемля,
Обрушилась непрошено на Землю
Вселенским злом последняя война.
В любом краю людей разила смерть!
... Прошла огня слепая круговерть.
Но вся земля осталась полем боли.
Вернулась тишина сюда... Но те
Бойцы лежат в кромешной темноте,
В цветами зарастающей неволе.

12

В цветами зарастающей неволе
И мне лежать когда-нибудь ничком,
Но я сейчас не думаю о том,
Тому не отвожу я главной роли.
Когда в садах июля день за днем
Шафраны поспевают и ранеты,
Я думал о спокойствии планеты,
Да и не мог я думать об ином.
Я должен был о сверстниках своих
Сказать во имя жизни и живых,
Печально помянуть, что в чистом поле
Так много гимнастеров и погон,
Так много незабывшихся имен,
Так много непрочувствованной боли.

13

Так много непрочувствованной боли
Еще ни разу век наш не таил,
Как в дни, когда и порох, и тротил
Доступней были горсточка фасоли.
И как ты боль прочувствуешь, когда
Ее слепая пуля иль осколки
Опередят, и ниткой из иголки
Жизнь выдернут из сердца! Навсегда.
И боль – боль непрочувствованной станет.
Возникнут только холмики местами...
Я думаю порой, не оттого ль
Свыкаюсь я с бессонными ночами
И собственной беды не замечаю,
Что чувствую сегодня эту боль!

14

И чувствую сегодня эту боль
По без вести пропавшим и погибшим
Не я один. Нас много. Боли вспышки
Усиливают нашу к ним любовь.
Болеем оттого мы все за них,
Что в подвигах героев перевиты
Родные реки, скорбные ракиты –
Наследье их, живое для живых.
И я считаю так: лишь потому,
Что боль не снять с живущих никому,
Как в дни войны снимали часовых,
Из нас никто в кругу насущных дел
Великою войной не сиротел,
Я говорю о сверстниках своих.

15

Я говорю о сверстниках своих,
Что падали вперед, лицом на запад,
И становились отзвуком внезапно
Горячего дыхания живых.
Из рук не выпуская автомат,
Под пуль уже неслышимые взвизги
Легли туда, где ржа съедает гильзы,
И вот уже который год лежат!
Лежат в земле оплаканные жизни,
В краю лугов и пажитей Отчизны,
В краю лесов, где зреет гоноболь.
В цветами зарастающей неволе
Так много непрочувствованной боли!
Я чувствую сегодня эту боль.

ЛЕГЕНДЫ СТАВРОПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ С МАЛЬЧИШЕСКОЙ УЛЫБКОЙ

1 июня текущего года исполнилось 95 лет со дня рождения замечательного ставропольского музейщика, писателя, фронтовика Вениамина Вениаминовича Госданкера. Неподражаемый рассказчик более двадцати семи лет, он руководил Ставропольским краеведческим музеем.

Автор (совместно с В.Г. Гниловским и Ю.Н. Христининым) книг «Два века» (1977), «От прошлого нельзя отряхнуться» (2005), «Непрошедшее время», (2009), «Народ Книги» (2017), более сотни газетных и журнальных статей. Заслуженный работник культуры РФ В.В. Госданкер главной наградой в своей жизни считал медаль «За оборону Ленинграда» за № 025096. Этой медали были удостоены 1 470 000 человек, и среди них 15 000 переживших блокаду детей и подростков.

**АЛЕКСЕЙ КРУГОВ
ОЛЕГ ПАРФЕНОВ**

**Публи-
цистика**

За что получил награду? Был бойцом противовоздушной обороны. В шестнадцать лет! Дежурил на крышах домов, таскал на чердаки песок и воду для ликвидации пожаров, тушил зажигательные бомбы, разбирал завалы – последствия налетов вражеской авиации и артобстрелов, перевозил пострадавших от бомбежки раненых... Вместе с товарищами по МПВО работал на рытье щелей, оборудовании убежищ. Десятки тысяч зажигательных бомб, сброшенных на осажденный Ленинград немецкой авиацией, были ликвидированы непосредственно населением города. Даже ограниченные возможности человека становились подчас преимуществом, служившим делу обороны.

В.В. Госданкер рассказывал, что в январе 1942 года 12 полностью слепых человек были призваны в Красную армию. Они служили в звании сержантов «слухачами» в войсках ПВО под Ленинградом. Их так и называли «незрячие солдаты». Обладавшие более тонким по сравнению с обычными людьми слухом, эти бойцы с помощью специальной звукоулавливающей аппаратуры предупреждали зенитчиков и прожектористов о приближении к городу вражеских самолетов.

Стихи Ольги Берггольц для блокадника В.В. Госданкера имели особый смысл:

...Осада длится, тяжкая осада,
Невиданная ни в одной войне.
Медаль за оборону Ленинграда
Сегодня Родина вручает мне...

Ревнивая, безжалостная память!
И если вдруг согнет меня печаль, -
Я до тебя тогда коснусь руками,

Медаль моя, солдатская медаль...

Родился Вениамин Вениаминович в Ленинграде в 1925 году в бедной еврейской семье. Отец, родом из Белоруссии, конторский служащий, умер от воспаления легких двадцати двух лет от роду, за полтора месяца до рождения ребенка. Матери не стало, когда Вениамину было всего восемь. «Воспитывали меня, как могли, близкая родня, – рассказывал Госданкер, – тетушки – уже студентки, бабушка, дядя Миша – красный командир...».

В голодном 1933-м ребенок попал в школу-колонию «Красные зори» в Стрельне, близ Петергофа. Кругом исторические усадьбы, парки, бывший Михайловский дворец...

К слову сказать, название «школа-колония» не имело ничего общего с ее настоящим содержанием. Близость Финского залива, обилие прудов, рек, земельных угодий – всё это создавало у колонистов впечатление жизни в каком-то необычном, сказочном мире. Они сравнивали себя с героями «Таинственного острова» Жюль Верна.

Школа-колония включала в себя детский дом, где проживало 400 воспитанников, среднюю дневную и вечернюю школы, агропедагогический техникум. В распоряжении учреждения имелось 140 гектаров земельных угодий, парниковое хозяйство, специализированные фермы, конюшня, пасека, столярная, слесарная, сапожная мастерские, небольшая электростанция.

Был даже небольшой цех по изготовлению мороженого. Вот почему Вениамин Вениаминович в свой день рождения всегда угощал коллег мороженым с клубникой! В личности неутомимого музейщика многое было из далекого прошлого «Красных

зорь». В распоряжении воспитанников колонии имелась библиотека в девять тысяч томов, спортивные площадки, лодки и красивая белоснежная яхта. Самоуправление и хозрасчет творили чудеса. Хороший доход приносили животноводство, рыболовство, разведение цветов. Возглавлял колонию Игнатий Вячеславович Ионин, называли его воспитанники «наш Игнаша».

Из воспоминаний В.В. Госданкера:

«Сначала школяры меня немножко недолюбливали, случалось и били! Во-первых, еврей, во-вторых, такой неумелый «гогочка». Меня иногда защищал крепкий паренек Джон Рид, его отец был боксером и кое-какие навыки передал сыну. Мать, Мери, американская журналистка, увлеклась коммунистическими идеями, переехала в СССР. Она, кстати, пережила блокаду, работала на радио с Ольгой Берггольц».

Вспоминая о том времени, В.В. Госданкер иногда цитировал стихотворение воспитанника школы-колонии Бори Фуксмана:

Пусть кидает нас жизнь-старуха,
Пусть текут без конца года,
Краснозорцами были по духу,
Краснозорцами будем всегда.

Сталинские репрессии не обошли стороной и «Красные Зори». Школа фактически оказалась обезглавленной. Вене было двенадцать, но он хорошо запомнил то время, как переживал за директора и учителей. В сентябре 1937 года среди ночи сотрудники НКВД забрали несколько человек. В скорбный список попали основатель и директор шко-

лы-колонии и агропедтехникума «Красные Зори» И.В. Ионин, завуч Н.М. Бутырский, заведующая дошкольным отделением Е.Ф. Войханская, военрук П.Н. Калиновский, учитель биологии И.И. Попов, агроном П.Н. Масленников, преподаватель труда Е.М. Березина, комсорг И.Е. Кашук, учитель-агроном П.Н. Шамаев, преподаватель литературы А.П. Говоркова, заведующий мастерскими Н.С. Катц.

Всем было предъявлено обвинение по ст. 58-7 и 58-11 УК РСФСР, троих приговорили к расстрелу. Черные тучи нависли над воспитанниками «Красных зорь». Кто помладше, плакал, многие бросили учебу. Ребята старших классов и техникума собрали подписи под письмом-ходатайством в защиту своего директора и отправили его «всесоюзному старосте» М.И. Калинин.

По всей видимости, письмо до адресата всё же дошло. После проведенных шестидесяти суток в камере смертников И.В. Ионина выпустили, 58-ю статью заменили на 109-ю («Злоупотребление властью»), а расстрел – 10 годами лагерей.

Ионин умер в феврале 1939-го в тюремной больнице под Ташкентом. Краснозорцы символически поставили «своему Игнаше» памятник из белого мрамора на маленьком кладбище вблизи Михайловки. Позднее здесь обрели свой последний приют его жена, Нина Петровна, и оба сына – Вячеслав и Константин.

Когда началась война, детдом эвакуировали, а восьмиклассник Вениамин поступил в 7-ю Ленинградскую специальную артиллерийскую школу. Старшина выдал Вене темно-зеленый китель, синие брюки с красным кантом и артиллерийскую армейскую фуражку. На петлицах черного цвета свер-

кали две металлические буквы СШ (специальная школа) и артиллерийская эмблема – скрещенные артиллерийские стволы.

Учились добросовестно, с прилежанием. Такие предметы, как математика, физика, химия, черчение и военное дело, изучались с ориентацией на программы артиллерийских военных училищ. Ведь они без пяти минут будущие курсанты. Особое внимание уделялось иностранному языку, как правило, немецкому. К очередному уроку требовалось знать немного немало 40 новых слов и правила их употребления.

Но скоро красивая военная форма «спецов», дядьки – кадровые командиры, строевой марш и готовность к офицерской жизни остались в прошлом. Настала осень 1941-го. Ленинград и ленинградцы оказались в блокаде. Никто из юных курсантов даже представить не мог, что придется им пережить!

Особенно Вениамину Госданкеру запомнились страшные зимние месяцы 1941–1942 годов. Блокадники называли их «смертным временем» с нескончаемой чередой похоронных процессий.

Умирало от 7 до 12 тысяч человек в день. Трупы невозможно было захоронить, поэтому их складывали в определенных местах, например, напротив Мариинской больницы. После постепенно вывозили на кладбища.

Умер от истощения и пневмонии друг Вениамина Джон Рид, работавший электросварщиком на судостроительном заводе им. А.А. Жданова. От бомбежек и обстрелов на заводе вылетели не только стекла, но и рамы. Зияющие проемы заделывали фанерой, пальцы прилипали к ледяному металлу.

Холод в цехах стоял невыносимый! Был установлен десятичасовой рабочий день, выходных – два в месяц. Блокадного пайка для поддержания сил не хватало. В октябре 1941-го от голода и болезней на заводе умерло 11 рабочих, в ноябре – 28, в декабре – 89 человек, и среди них Джон Рид.

Блокадная повседневность была жестокой и бесчеловечной... Отопление и канализация не работали, на улицах не было освещения. Невзирая на лютый мороз, люди часами простаивали в очередях за суррогатным хлебом. Детские саночки, а на них умершие в тряпичных свертках. Особой приметой времени стали крысы и вши.

Из воспоминаний:

«Нестерпимое вечное сосание под ложечкой... Что хлеб – это величайшая ценность уяснил на всю жизнь!.. Ели всё подряд: картофельную шелуху, отруби, ремни из свиной кожи, гнилые, почерневшие капустные листья, желуди. Ели листья комнатных цветов и свечи, всё, что еще можно было раздобыть... Ели всё, невзирая на брезгливость...».

На паяк в 125 граммов хлеба, которые выдавали иждивенцам, выжить было невозможно. Даже 250 граммов для рабочих, - грань между жизнью и смертью. Шанс на спасение имели те немногие, кто чудом успел запастись продуктами, мог выменивать на продовольствие какие-то вещи. Судьба ленинградцев зависела от «Дороги жизни».

Голод был страшнее бомбежки и артобстрелов. В память Вениамину врезался новогодний прием 1 января 1942 года. Курсанты подшили воротнички, ремни подтянули в два оборота – дистрофия. Всех повели в ресторан «Метрополь» – шикарная посуда, белые скатерти и... полтарелочки блокадного супа

с крохотной котлеткой! Мальчишки, не стесняясь, вылизывали тарелки. «Уже в эвакуации, – рассказывал В.В. Госданкер, – я, не поверите, мог съесть полведра картофельного пюре за один присест!».

Вениамин Вениаминович перечитал всю литературу по блокаде, мы не раз с ним беседовали об этом. Его самого едва не записали в мертвецы – однажды, обессиливший, он не смог подняться с кровати, молча ожидая своей участи. Но всех кошмарных подробностей не рассказывал, был очень и очень сдержан. Наверное, это особая черта, присущая всем ленинградцам, пережившим блокаду.

Курсантов артиллерийской школы эвакуировали весной 1942 года. Вывозили едва живых по Ладоге. В Бийске, куда прибыл их поезд, ребят из вагонов выносили на руках – сами идти они не могли. В село Тогул, что на Алтае, их отправили конным обозом. Здесь, на Алтае, Госданкер окончил десятилетку. После его направили в Ростов-на-Дону, в артиллерийское училище.

Автобиографический отрывок:

«В январе 1945 года нас выпустили младшими лейтенантами и направили кого в Белорусский военный округ, кого на 4-й Украинский фронт. Был командиром огневого артиллерийского взвода, взвода управления, начальником разведки дивизиона. Скоро присвоили звание лейтенанта с приставкой «гвардии»... Последнее место службы – город Поставы Молодечненской области Белоруссии.

Оттуда в 1948 году поехал поступать в Ленинградскую военно-медицинскую академию, сдал все экзамены на «отлично». На медкомиссии нашли туберкулез легких (блокада, землянки, охрана населенных пунктов от послевоенного бандитизма в

болотистых краях Западной Белоруссии). Убрали из списка поступивших в академию, а в 1950 году и из рядов армии – в отставку «по чистой», да еще с инвалидностью II группы. И это в 25 лет! Куда податься?

В Ленинграде жилья нет, да и климат крайне неподходящий. С двухсторонним пневмотораксом (так лечили в госпитале – путем поддувания в плевру, лекарств эффективных не было) остался на некоторое время в Поставах, где взяли в районный дом культуры инструктором культпросветработы. Скоро узнал от хозяев квартиры, бывших ставропольцев (вон куда занесло!), что есть такой город Ставрополь на Северном Кавказе, чуть ли не райское, не замутненное голодом и холодом местечко. Там и от туберкулеза под южным солнцем можно избавиться. Дали адрес. Поехал с одним чемоданчиком по адресу к хлебосольным родственникам моих белорусских квартирных хозяев...».

Так, в 1951 году стал жителем Ставрополя. Здесь, в этом городе, и сложилась его биография исследователя и ученого, здесь – все привязанности, надежды, обретения, радости, ошибки и прозрения. Восемь лет проработал старшим командиром-инструктором в крайкоме ДОСААФ. Много ездил по краю, впервые увидев настоящий географический музей – где-то на востоке, в районе Маныча, простиралась полупустыня, а уже через триста верст – предгорья, горы, альпийские луга...

Работая в ДОСААФ, заочно учился на историческом факультете Ставропольского пединститута. В 1958-м, сразу после окончания вуза, лично от директора краеведческого музея Григория Дмитриевича Краснова поступило заманчивое предложение о трудоустройстве. Ради вдохновенной работы в му-

зее ДОСААФ оставил без малейшего колебания. Это было судьбоносным решением. А уже вскоре В.В. Госданкер сам возглавил музей. За годы своего директорства увеличил фонды и архивы в несколько раз, стал инициатором возведения третьего этажа здания. Эта стройка в середине 1980-х стала одним из самых значительных событий в истории музея.

«Мне очень повезло на встречи с замечательными людьми, – не устал повторять В.В. Госданкер, – это старая интеллигенция с дореволюционной родословной. Я чувствовал в них страстное желание сохранить дух старого провинциального Ставрополя».

Одной из главных и безусловных ценностей книг Вениамина Госданкера можно считать длинные списки имен – тех, кто жил до него, с кем встречался он, успев записать подробности величайших событий века, с кем работал в музее, сталкивался по роду деятельности. Всех, конечно, не перечислить, но многие заслуживают того, чтобы их помнили, писали о них, исследователи их биографии: Григорий Дмитриевич Краснов, Георгий Василевич Орлов, Владимир Георгиевич Гниловской, Василий Васильевич Скрипчинский, Изабелла Александровна Усова...

С какой теплотой и любовью отзывался он об этих подвижниках и творцах! Они были не просто его коллегами и друзьями – сама эпоха держалась на их энтузиазме. Их энергия, знания, опыт формировали целые поколения, вселяли надежду, окрыляли романтикой добра и света. Несмотря на суровые идеологические постулаты времени, благодаря этим людям повседневность приобретала черты благородства и совестливости, дышала стремлением познать, сохранить, создать и помочь...

Вен Веныч, как звали друзья Госданкера, объездил вдоль и поперек весь край, и вряд ли на Ставрополье есть город, село или станица, где бы не побывал он с неизменным спутником-фотоаппаратом.

Человек потрясающей работоспособности, беспокойной души и отзывчивого сердца. Он многое сделал для того, чтобы историю края представить масштабно и зримо. При нем были собраны редчайшие документы, фотоматериалы, уникальные музейные экспонаты. Каждая старая вещь, даже самая простенькая, обладает личностной, лирической ценностью, любил повторят Вен Веныч, она – отпечаток самой жизни... А сколько таят в себе семейные архивы! В них не только вчерашнее, а всегда – и завтрашнее.

Сотни выставок прошли через его руки. Мало кто знает, но первые материалы о Римме Ивановой появились еще в 1962 году. Это были семейные фотографии и документы. Вот он настоящий аромат эпохи, хотя всё было очень и очень непросто.

«Пришел цензор... строгий такой дядечка... Сразу заявил, что это перебор! Сегодня звучит непонятно и дико: как это Римма Иванова, героическая сестра милосердия, и вдруг – убрать из экспозиции?! – удивлялся В.В. Госданкер. – Тогда я написал письмо в Министерство культуры РСФСР. Там отреагировали уклончиво-витиевато: мол, если вы считаете, что действительно была позитивная роль в освобождении народа и т.п. и т.д. Мы всё-таки сохранили эти материалы в экспозиции! И потом уже больше никто к нам не придирался».

Вместе с коллегами В.В. Госданкер выпустил «Материалы по изучению края», был одним из создателей огромного труда – «Книги Памяти Ставро-

польского края». Еще одна значительная работа – это Энциклопедический словарь Ставрополья.

Вот небольшая иллюстрация личности музейщика со встречи в библиотеке для слабовидящих в Ставрополе, кажется, в 2015 году.

В.В. Госданкер: «Удивить можно теплым ласковым словом – оно на вес золота. Вижу, потянулись люди к истории... Научиться стареть очень не простое дело. Начинаешь сравнивать: было и стало. Я представитель той эпохи, прошлого века. В те времена люди были более деликатны, осмотрительны, в них сохранялся чудесным образом дух старой доброй провинции...

Жили уважение к старикам, приверженность Богу. Среди местных интеллигентов были люди с основательными гимназическими знаниями, благоговением перед книгой. Это бросалось в глаза, подчеркивалось и считалось престижным. Просто откройте старый домашний альбом, полистайте его страницы, взгляните в потрескавшиеся от времени фотографии...».

На последний звонок Вениамин Вениаминович всегда приходил в 16-й ставропольский лицей. Проводил там уроки нравственности. Говорил о жизни, людях, ценностях – истинных и мнимых. Донести их до молодого поколения ему, старому музейщику, было необходимо, как воздух. Именно поэтому он никогда не упускал возможности выступить со страниц газеты.

Лишенный тщеславия, Вениамин Вениаминович упорно до последнего дня находился в поисках истины, высших смыслах нашего бытия, предупреждая и завещая: «Истории нельзя мстить – ее можно только понять».

МАЙСКАЯ БАЛЛАДА

Ожидание

В мае будет сильный ветер
и пойдут дожди.

Верба руки протянула
в небо, как костер.

Люди ходят, как колодцы
с пересошим ртом.

Так когда же это будет,
чтобы май пришел?!

Гора детства

Прокатился над этой горой
одуванчиков рой золотой,

прорычали, горбаты, двуроги,
фюзеляжные птицы тревоги...

Эта женщина, словно
случайно,
эту гору открыла как тайну.

Как горят одуванчики мне
у горы этой тайны на дне!

**СТАНИСЛАВ
ПОДОЛЬСКИЙ**

Поэзия

Май, мама, эвакуация, я

Розовыми зябкими фламинго
свесились к заборам абрикосы...

Розово мне вспоминать /и память
розова, как ссадина на лбу/

женщину. Она прозрачно спит.
Ей синицей синей снится север,

залетевший в сонную весну
города, под выгоревшим небом,

у горы. Гора ко мне спешит,
как мышонок шустрый, вдоль дороги,

а дорога – к женщине, а та
к северу сбежала вслед за снами.

А за ней – былинный богатырь –
скачет мальчик
в дебрях трав некошенных.

А над ним бубнит бомбардировщиком
майский жук на крыльях золотых...

Цирк-шапито в Коканде в 1945 году

Как носильщик – душой –
карнайщик выталкивал в небо
громадное хриплое РА,
и грудь надрывал, и покой.
И дойра по кругу плыла,
призывно и глухо рыча,
пугая случайную публику...

Актеры, на выход! Пора!
Пора начинать представление
канатоходцев, и плясунов, и фокусников!
Пора! Веселитесь, дехкане!
Кумыс пусть прольется рекой
в охрипшую глотку базара!
Пусть грозно рычит с высоты
тигриная дойра пустыни!
Пусть слепо плывут облака
сквозь гребень резных минаретов,
как длинные белые волосы
северного соседа,
остановившего нашествие...

Не плачьте! Оплачет акын.
Молчите! Карнай откритчит
того, кто домой не вернулся...
Ну, что ж вы стоите, актеры?
На выход!
Пора начинать...

Чужие сны

Семену Гудзенко

Чужие выжженные сны
в мой сон вломились зло и властно:
тугие черные лучи –
над снегом под Волоколамском,
над заметенным большаком,
над каменеющей пашней,
над детством беженским /пешком!/,
над лугом Бежиным вчерашним...
И в жутком небе гнев и стыд –
две черных каркающих ноты...

И чей-то сон во мне хрипит,
как «вмерзшая в снега пехота».

Баллада девятого мая

Девятое мая – день, в который умерла война.
Девятое мая – день,
 в который я родился в мире.
Девятое мая – день, в который,
 как странный транспарант,
расцвела сирень над братскими могилами
на святых холмах...

Девятое мая! Как в девятый май,
 люди носят праздничные лица.
Девятого мая, помните, многие из нас...
 мы могли бы вовсе не родиться.
Мы родились! День девятый! Май!
 День второго Сотворенья Мира!

Девятого мая я видел безногого солдата.

Он сказал:

«Граждане, не проходите мимо!»

Девятое мая – день, который,
как город – дважды герой,
дважды выжив, выстрадала мама.

Девятого мая я был еще мальчик,
совсем небольшой.

Я пел: «В этом поезде радость и горе...»

Я пел в этом поезде,

а поезд ушел...

Ах, как этот поезд ушел хорошо

девятого мая...

Убитый сад

*Нерентабельные сады
вырубили под огороды.
Деревья расцвели лежа.*

Срыли сад! –
Рубили, рвали,
мяли, драли,
кор-че-вали –
выгладили ровно стол –
к стволу ствол,
к стволу ствол...

А сад поверженный
расцвел!

Вне земли расцвел.
Вне любви расцвел.
Вопреки всех зол –
от весны расцвел,
от души расцвел,
из стволов расцвел –
к стволу ствол,
к стволу ствол...

Здесь,
в садах убитых мая,
где пчела еще витает,
где соцветья облетают,
моя песня расцветает –
к стволу стон,
к стону ствол...

Вынужденная посадка

Самолет приземлился
в осенних садах –
двести срезанных яблонь,
сто ссадин на лбах...

Двести срезанных яблонь.
вырванные «с мясом» элероны.
Первый пилот
в заклинившей кабине –
словно задумчивая обезьяна
в стакане...

Запах соков древесных.
Сада раненый лик.
Первобытная тишь
осененной
голубыми крестами самолетов
земли...

Новобранец

Совсем весна!..
Но бронзовые кроны
напоминают о другом...
А под разубранной дугой,
под радугой – дождей дугой
летят задымленные версты,
жжет колокольно-желтый зной...

Ты спишь.
играешь в быт,
в любовь,
в работу,
в бой...
А над тобой,
а мимо – с барабанным боем –
весной, и летом, и зимою –
твоей судьбы черновики –
грудь колесом и бровь дугою,
кровь с молоком и кровь – смолою,
грядут, призывны и легки,
готовы к счастью – не к убою,
совсем весеннего покроя
осенние призывники...

/Черный утерян пугач./
Школа-трехсменка. Ремонт.
Умер отец.

Душе
трудно на рыжем свете.
Вождь умирает –
и страх
грязной толпою ползет.

Детства не помню. Нет.
Помню прощальное небо
в вихрях дождя.

Ни зги.
Мертвый перрон.

Отход.
Дикий тревожный мир
рвется, как степь, навстречу.
Словно прощальный гудок,
юность мне сердце рвет.

* * *

Опять зелеными туманами
окутаны земли слова.

Летят над северными странами
разбуженные деревья.

Они в снегах хлебнули лишенька,
но снова высят крон размах...

И черная в дождинках вишенка –
как колоколенка в колоколах.

Колыбель

Золото южных предгорий
Дуги предвыюжных предгорий.
Мощь и текучие склоны
влажных предгорий Кавказа.
Детскости складок укромных.
Зыби степей.

Колыханье
нежной земли океаньей.

В проруби ясного света
в озими и закате
волны предзимних предгорий
душу мне надрывают
ласкою великаньей...

Здесь, в океанской зыбке
гор и землетрясений,
детство мое качалось,
выросло и умчалось,
выросло и прошло.

На том месте

Где, раскроив седой асфальт,
прокрались траки воровато –
угрюмо-рыжий – ночь с пожарами –
асфальтировщик латки стлал.

Где пули врезались, урча,
в десятку,

в душу,
в сердце,
в череп –
там штопала рука врача.
А там... земля давно осела.

О, черных латок новизна,
о, синева корявых шрамов!
Как огненные письма,
над вами проступают раны!

И снова ты, как в дождь, идешь
под эти разрывные звезды.
И ты портного не найдешь,
чтоб позабыть, пока не поздно.

ЗЕЛЕНАЯ ОСЕНЬ

Мальчишкам 1941 года

Деревья стояли совсем зеленые.
Деревья как будто спали.
Зеленые тополи, зеленые клены
стояли – и вдруг опали.

Парни были совсем зеленые.
У зеленого вала
стояли парни, в зелень влюбленные,
стояли – и вдруг упали.

Ранняя осень. Рваные кроны.
Ранящие капли.
Листья опали совсем зеленые,
опали – и покраснели.

Страшная осень! Словно в апреле
ржавый прошел пал.
Вал багровел. А глаз – зеленел
и поздней травой прорастал.

КНИГИ О ВОЙНЕ

«Мать, милая, молодая, –
угасла, голодая...»

«Отец неизвестен мне:
без вести – на войне...»

«Детскость не была нам дана –
была война...»

«Если душный июньский зной
дышит войной...»

«В сердце бьется тревога-струна:
– Если война!!»

«– Если жена, милая, молодая, –
угаснет, голодая!»

«– Если завтра тебе и мне –
без вести на войне!»

Нет! Слушайте!
Нет! Встаньте стеной!

Чтобы душный июньский зной
не дышал войной!
Чтобы жизнь – милая, молодая –
не гасла, голодая!

Чтоб кресты не тянулись к луне:
без вести – на войне...

* * *

Время остановилось.
Облако не плывет.
Вихрь, заломивши крылья,
свесился у ворот.
Люди задумчиво дремлют
в замерших поездах.
Стрелки, забывши время,
замерли на часах.
Замерла жизнь, не веря,
травы не теребя..
Всё от того, что в мире
вспомнил сейчас тебя!

Человек родился

Я родился перед войной.
Бедствиями крестился.
Стыла пыль. И клубился зной.
Бились взрослые надо мной –
над загадкою наливной:
«Для чего! Для судьбы какой!
Для любви или на убой!
Для чего-то перед войной
человек родился...»

Снова пыль. И такой же зной –
ядерный – клубится.
Зародился сынишка мой.
Для чего! Для судьбы какой!
Для любви! Или на убой!
Неужели перед войной
мальчик мой родится!

* * *

Из подвала я видел – звезда расцвела в вышине.
Из-за крыш почернелых – гора в синеву
прорастала.

Из теплушки – простор, простота без предела
играла –
всей Земли, в зеленце, в раскаленном закатном
венце.

Среди фальши – глаза на серебряном детском лице.
Бред бездушья, гляди, неподдельная страсть
отменяет.

Вон, в толпе носорожьей таинственный лик
проплывает

Доброты в одиночества хмуром железном кольце.
Где бы я ни был – в гостинице, в бездне упрямства,
в бреду

из-за краешка – рамы оконной, бетонной печали –
проступает Природа, бездонна, чиста, как в начале,
я на радость ее, как на песню любимой спешу,
среди чада и тленья, добитый, я в ней воскресаю,
словно солнце и впрямь, там, где сердце, в себе
я ношу.

СТАВРОПОЛЬЕ: ПОЛГОДА ВОЙНЫ

Сегодня мы часто вспоминаем Великую Отечественную войну, встаем в ряды Бессмертного полка, говорим о героях, смотрим фильмы о войне, проводим уроки мужества для молодежи, встречаемся со ставшими легендарными фронтовиками, детьми войны... Есть у нас потребность в воспоминаниях о прошлом. Порой кажется, что о войне мы знаем всё. Но так ли это? О боях на Ставрополье говорят всякое: мол, не было тут их совсем, утверждают одни; да как же не было, возражают другие. Ну а что же на самом деле?

Начнем с того, что без малого год после начала войны ставропольцы работали в полях, воздвигая противотанковые заграждения... Этих трудодней сегодня не сосчитать. Но не спасли они от оккупации родные места. Кто ж знал, что танки Клейста пройдут не по полям, а прямо по дорогам?

АНДРЕЙ
КАРТАШЕВ

Краеведение

Обескровленные армии Южного фронта уходили с Дона, не успевая закрепляться на назначаемых рубежах. Противник резал слабую оборону советских войск танковыми клиньями, нисколько не беспокоясь о своих открытых флангах. В тисках окружения оказались многие части Красной армии. К своим прорывались с боем.

В итоговой оперативной сводке штаба Северо-Кавказского фронта за август 1942 года писалось: «В период объединения войска Южного фронта, утомленные непрерывными боями, в течение месяца, с превосходящими в технике силами противника и, находясь под непрерывным воздействием авиации противника, действовавшей ежедневно группами до 30 самолетов, были малоспособны оказывать активное сопротивление противнику. Сплошного фронта в это время не было. После оставления Ростова армии отступали в беспорядке; отдельные части отходили с боями, а часть войск, идя за паникерами, оставляла населенные пункты без серьезного сопротивления и без приказа вышестоящих штабов, покрыв свои знамена позором...».

В этом оперативном донесении не было возможности рассказать о том, как прорывались из окружения подразделения 37-й армии, когда дрогнувших бойцов с пистолетом в руках с возгласом «За Родину, вперед!» поднял в атаку майор Федоренков – начальник штаба гвардейского минометного полка – и вывел их из окружения.

Отход частей теперь уже бывшего Южного фронта не смог остановить даже приказ наркома обороны номер 227, вошедший в историю как приказ «Ни шагу назад». Но серьезных наказаний за его невы-

полнение не последовало. В Ставке понимали, что сдержатъ превосходящие силы противника на Нижнем Дону не удастся. По мнению генштаба и командования фронтом, следовало организовать отвод войск за Кубань и Терек, и в предгорьях Главного Кавказского хребта лишить врага преимущества в танках. Очевидно, что Ставрополью заранее была уготована участь – быть отданным врагу.

Зная о том, что сил для обороны Ставрополя (тогда Ворошиловска) недостаточно, краевое руководство обратилось к командующему фронтом маршалу Буденному с просьбой о помощи в организации обороны краевого центра и попросило направить в город боевого командира. В ответ на это командующий сообщил, что «оборонять Ворошиловск надо, но сил недостаточно», и прислал генерал-лейтенанта Сергеева, однако он, по словам секретаря крайкома партии Суслова, «оказался крайне пассивным и неинициативным руководителем, неспособным возглавить порученное ему дело».

На самом деле Всеволод Николаевич Сергеев был хорошим командиром. Боевой опыт и деловые качества позволяли ему при наличии сил, средств и времени, при соответствующем приказе командующего фронтом организовать оборону города. Очевидно, что такая задача ему просто не ставилась. Этим можно объяснить пассивность, в которой упрекнул его товарищ Суслов.

Тем временем немецкие войска быстро приближались к северным границам Ставропольского (тогда Орджоникидзевского) края. Соединения и части 40-го танкового корпуса, овладев Сальском, 2 августа с рассветом двумя танковыми колоннами устремились на юг. Первым на их пути был Моло-

товский (ныне Красногвардейский) район и село Молотовское (Красногвардейское).

В тот день на территории края произошел один из первых наземных боев. Это было на автодороге Ворошиловск – Батайск, неподалеку от сел Преградного и Молотовского. В неравном бою с танками противника погибло шестеро бойцов, которые составляли боевой расчет 122-миллиметровой гаубицы. Ценой своих жизней они сожгли и подбили шесть немецких танков. Местные жители только через полгода нашли их останки и похоронили там же в степи, среди хлебных полей, обелиском на их могиле стал ствол разбитого орудия.

Прорыв немецких танков на территорию края стал неожиданностью для всех. По Ставрополю к этому времени распространилась информация, что бои идут в районе Сальска.

Отходившие по землям Ставрополья воинские части, пробиваясь из окружения к своим, не управляемые вышестоящими командирами, изможденные, поредевшие и плохо вооруженные, ничем не могли помочь в обороне краевого центра. Лишь в северной части города, в районе кожзавода залегла в обороне 110-я калмыцкая кавалерийская дивизия. Но и она после вражеской бомбежки, потеряв значительную часть сил, присоединилась к частям, оставлявшим Ставрополь.

Картину беспорядочного ухода советских солдат изображают в своих воспоминаниях многие жители краевого центра. В частности, Борис Дмитриевич Олейников – бывший несовершеннолетний воспитанник 15-го запасного кавалерийского полка – рассказывал автору о том, что ввиду неожиданного захвата города полк отходил в спешном порядке,

настолько в спешном, что он – мальчишка – оказался обутом только в один сапог. И в таком виде он прошагал с отходящими частями через Крестовый перевал по Военно-Грузинской дороге.

В состав Ставропольского гарнизона входило Житомирское пехотное училище. Но необученные, необстрелянные и невооруженные курсанты не могли оказать отпора врагу.

Противник провел наступление на Ставрополь 50 танками с автоматчиками с двух направлений – от села Михайловское и со станции Пелагиада. В дальнейшем он обогнул фланги обороны наших войск и вышел на южную окраину города. Остатки оборонявшихся частей Ставропольского гарнизона в количестве трехсот человек к исходу суток собрались в селе Темнолесское. Так 3 августа Ставрополь оказался в руках захватчиков.

В этих сложнейших условиях находились командиры, действовавшие смело, хладнокровно и профессионально. Начальник эвакогоспиталя военврач Доршт в ходе бомбежки города принял все меры к спасению персонала, раненых и госпитального имущества, организовывал помощь многочисленным жертвам бомбардировки, как среди военнослужащих, так и гражданского населения. Госпиталь выходил из города, когда часть его уже была занята противником.

После захвата Ставрополя немцы ненадолго приостановили наступление, сказывались перебои с горючим для танков. Это позволило войскам 37-й армии оторваться от противника и к исходу 5 августа более организованно отойти за рубеж рек Калаус и Большой Янкуль. Им было приказано организовать оборону рубежа Александровское, Невинномысск,

Вознесенская и не допустить дальнейшего продвижения противника. Как утверждает официальная советская хроника, войска 37-й армии оторвались от противника, отошли и заняли оборону на фронте Курсавка, Ивановское, Казьминское и удерживали Невинномысск. Однако того же 5 августа, Невинномысск был оставлен. Как же так, спросите вы, почему приказ не был выполнен?

Дело в том, что выполнять его было некому. Одна из наиболее боеспособных дивизий – 347-я стрелковая – та самая, которая будет в январе сорок третьего освобождать Ставрополь, в августе сорок второго двигалась с боями по немецким тылам, и лишь в районе Орджоникидзе смогла собрать остатки своих полков.

Возникает вопрос: кто же оборонял Невинномысск, и была ли вообще оборона? Этот город имел для немцев особое значение. Через него проходила железнодорожная ветка, соединявшая Армавир с Кавказскими Минеральными водами, и нефтепровод Грозный – Ростов. С этого населенного пункта, по сути, берет свое начало Военно-Сухумская дорога.

Пятого августа в три часа ночи из Ставрополя на Невинномысск двинулся отряд неприятеля. Во главе колонны находилась танковая рота. За ней следовали мотоциклетный батальон, артиллерийские подразделения и саперный батальон с подразделениями тыла. Немцы видели, что высокий западный берег Кубани был хорошо оборудован в инженерном отношении. До сих пор в Невинномыске как памятник сохраняется один из дотов, построенных на правом берегу реки Кубань.

Местные краеведы говорят, что прикрытие частей Красной армии, оставлявших город, было по-

ручено группе полка НКВД из 35 человек. Бойцы под командованием лейтенанта Рубана должны были максимально задержать противника, чтобы дать возможность нашим войскам отойти как можно дальше. Противника ждали с юго-запада, со стороны Армавира, но он появился на дороге из Ставрополя. Бойцы храбро сражались и, не получив приказа отступить, погибли, защищая город.

Противовоздушную оборону Невинномысска вели девушки-зенитчицы. Накануне им пришлось отражать удары воздушного противника. Многие из них погибли и были похоронены в Невинномысске. В память о бесстрашных зенитчицах на бульваре Мира установлен монумент – зенитная пушка.

Советская авиация в небе Ставрополья появлялась реже, ее боевой состав уступал численности воздушного флота Рихтгофена на Кавказе почти на порядок. Через Ставрополье прошли маршруты перебазирования полков воздушной армии генерала Вершинина. И всё же в этот период авиаторы вели боевую работу с аэродромов до тех пор, пока противник не приближался на угрожаемое расстояние. Однажды едва не оказался захваченным врагом штаб самой воздушной армии, размещавшийся в Ставрополе. Рискуюя попасть в плен, в последний момент взлетал с аэродрома будущий воздушный ас Александр Покрышкин.

Остатки войск Донской группы влились в состав Закавказского фронта. Теперь остановить врага на подступах к Кавказу должны были силы этого, до сих пор тылового объединения под командованием генерала армии Тюленева. Слабым местом обороны являлся стык двух фронтов (СКФ и ЗКФ), приходившийся на район Георгиевска и Минеральных Вод.

Прикрытие его было возложено на командующего девятой армией с выделением для этого оперативной группы генерала Тимофеева.

В ее состав вошли три военных училища: Ростовское артиллерийское, Полтавское тракторное и Новочеркасское кавалерийское, стрелковая дивизия НКВД и другие части. Описания действий войск Закавказского фронта содержат в себе неутешительную информацию о том, что действовавшие под общим командованием генерала Тимофеева военно-учебные заведения и воинские части должного сопротивления противнику не оказывали и дали возможность противнику оттеснить их в юго-восточном направлении. После чего противник, не встречая серьезного сопротивления, овладел Минеральными Водами и Пятигорском.

Картину деятельности группы генерала Тимофеева наглядно раскрывают сведения об участии Новочеркасского кавалерийского училища в обороне Кавминвод. Училище заблаговременно подготовило рубеж обороны, прикрывающий пятигорское направление с севера. Однако по приказам командования за пять дней курсанты четыре раза занимали новые неподготовленные рубежи. Аналогично меняли свои позиции и другие формирования, входившие в группу Тимофеева. Это говорит о том, что у командования не было четкого плана организации обороны Кавказских Минеральных вод.

Раздор в действия войск группы вносило высшее командование. Видя критичность ситуации, командующий Донской группой войск генерал-лейтенант Малиновский решил подчинить Пятигорскую опергруппу себе и приказал начальнику Новочеркасского училища принять командование ей. От-

страненный от командования группой генерал Тимофеев проигнорировал приказ командующего и продолжал руководить группой и, напротив, с угрозой приказал начальнику Новочеркасского училища подчиняться ему.

Всё это происходило на наблюдательном пункте начальника училища на окраине Минеральных Вод накануне боя. Здесь же присутствовал заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, который не пожелал вмешиваться в это дело, и на вопрос начальника училища «как быть?» ответил: «Ты, голубчик, поступай сам как знаешь».

Понятно, что такая обстановка в руководстве советских войск никак не способствовала укреплению обороны, и враг не преминул этим воспользоваться.

Утром после разведки боем противник бросил в бой против курсантов шесть танков с автоматчиками. Но новочеркасские кавалеристы не дрогнули. Главным объектом защиты стал для них мост через Куму. Враг вводил в бой всё новые и новые силы. Угроза выхода танков во фланг подразделениям вынудила начальника училища отдать приказ на уничтожение моста. Полдня защитникам Кавминвод удавалось отбивать атаки противника, но, когда его свежие силы ударили по левому флангу соседа слева – кавалерийского полка НКВД, оборона не выдержала, полк был полностью рассеян и группами отошел в южном направлении. Танки и мотопехота противника устремились на Пятигорск, часть сил стала обходить левый фланг обороны училища.

Одновременно мотопехота с танками устремились по дороге вдоль северного берега Кумы в на-

правлении города Георгиевска, и, используя разрыв между соседом справа, стали охватывать Новочеркасское училище на его правом фланге. Таким образом, создавалась угроза окружения училища. Но еще несколько часов, невзирая на ураганный огонь противника из всех видов оружия, училище продолжало сражаться.

В девятнадцать часов его подразделения начали отход и к ночи сосредоточились в станице Лысогорской, после чего ночным маршем двинулись в направлении станицы Зольской, занимать новый назначенный рубеж.

Бой Новочеркасского училища в районе Минеральных Вод предотвратил беспрепятственное продвижение противника в направлении Георгиевск, Прохладная. Одновременно был обеспечен выход всех железнодорожных эшелонов, находившихся в момент боя на станции Минеральные Воды. Упорная оборона училища вынудила противника, заняв Пятигорск, временно прекратить свое продвижение далее на юг, чем обеспечивалась подготовка обороны советскими войсками на новых рубежах, а также отвод остатков войск на Нальчик.

Заслуги начальника училища полковника Калужного в этом бою были оценены по достоинству – Иван Прокофьевич за личную храбрость, умелую организацию обороны, за отражение ряда атак численно превосходящего противника с нанесением ему большого урона был награжден орденом Красной Звезды.

О действиях 11-й стрелковой дивизии НКВД в районе Кавказских Минеральных вод известно следующее. По приказу начальника боевого участка она заняла неподготовленный для обороны район

Минводы, Ессентуки протяженностью 45 километров. Утром следующего дня части дивизии уже отбивали атаки превосходящих сил противника. Дивизия имела лишь восемь орудий и ни одного противотанкового ружья. Не было полковой артиллерии и батальонных минометов. Вторые эшелоны двух полков в район обороны дивизии прибыть не успели, поэтому в боях не участвовали. Против дивизии действовал противник силой не менее 100 танков, 400 автомашин с автоматчиками и около 150 мотоциклистов. На протяжении двух дней личный состав дивизии вел непрерывные бои с превосходящими силами врага. Далее обстановка вынудила дивизию отойти по приказу командования на новый рубеж. Основным недостатком боевых действий в районе городов Кавказских Минеральных вод, указывалось в донесении командира дивизии полковника Хазова, явилась межведомственная борьба в подчиненности 11-й стрелковой дивизии, которая одновременно вынуждена была выполнять приказы оперативной группы НКВД и штаба 9-й армии.

Вместе с тем, история обороны Кавказских Минеральных вод знает немало подвигов работников правоохранительных органов. Вот только один из примеров. 9 августа под Пятигорском в бою с численно превосходящим противником мужественно сражался 275-й стрелковый полк НКВД. Взвод младшего лейтенанта Краснощекова в течение пяти часов удерживал правый фланг батальона. В критический момент боя с группой бойцов Павел Краснощеков бросился в атаку на немецких автоматчиков и, уничтожив до двадцати вражеских солдат, героически погиб. В неравном бою, проявляя

стойкость и упорство, бойцы под руководством младшего сержанта Дроботько подожгли немецкий танк и уничтожили до пятнадцати автоматчиков. Боец Солохин пулеметным огнем отразил пять атак противника и уничтожил до тридцати немцев. На крики «рус, сдавайся», Григорий Солохин ответил метким огнем. Погибшего Солохина за пулеметом сменил красноармеец Козлов, который также храбро, мужественно и стойко отражал немецкие атаки танков и автоматчиков. Он бился до конца и погиб у своего пулемета.

О боевых действиях 26-го пограничного мотоциклетного полка, участвовавшего в обороне Пятигорска, докладывал в вышестоящий штаб генерал Тимофеев. По его словам, полк принял на себя всю тяжесть ударов противника на шоссе Пятигорск-Нальчик. Личный состав полка в ночь на 10 августа, следующий день и следующую ночь мужественно вел уличные бои в Пятигорске, нанося противнику тяжелые потери. Однако, по воспоминаниям бывшего командира роты курсантов Полтавского тракторного училища, 26-й полк в боях за Пятигорск участия не принимал. Его командир подполковник Петренко только посулил прикрытие с флангов. На деле же оно ни в чем не выразилось.

По воспоминаниям бывшего курсанта Полтавского тракторного училища Павленко, в Пятигорске находилась лишь треть училища. К обороне города училище не готовилось. Взрывы снарядов, пулеметные очереди, а затем и немецкий танк на проспекте для офицеров училища, обедавших в центре Пятигорска 9 августа, стали неожиданностью. Подразделения училища оказали врагу сопротивление, по оценке очевидца, «очаговое, не-

организованное, но смелое и дерзкое». Первыми огонь по противнику открыли курсанты, дежурившие на вершине Машука. Более организованный отпор врагу курсанты оказали на реке Подкумок, где в течение двух суток не давали немецким танкам переправиться через мост на дороге, ведущей к Нальчику. Другой очаг сопротивления офицеры и курсанты училища организовали возле кладбища. По приказу генерала Тимофеева оба отряда курсантов ночью ворвались в захваченный немцами Пятигорск. Однако предпринятая попытка отбить город успехом не увенчалась. Бой длился до рассвета. С большими потерями остатки личного состава тракторного училища вышли из города.

Овладев Кавказскими Минеральными водами, противник развернул наступление на перевалы в горах Карачаево-Черкессии. По дороге, идущей от Невинномысска на юг в сторону Черкесска и Карачаевска, устремились горные егеря дивизии «Эдельвейс». По Военно-сухумской дороге, которую венчал Клухорский перевал, они планировали проложить своим войскам путь в Закавказье.

11 августа немцы, преодолев сопротивление советских войск, взяли Карачаевск и через три дня были уже в Теберде. Оборона перевалов была организована силами Закавказского фронта. Но на Клухорском перевале находился лишь один обычный стрелковый батальон. У северных склонов гор оборонительных позиций вообще не было. Подошедший вплотную к защитникам перевала горнострелковый полк немецких егерей нанес внезапный удар, захватил перевал и продолжил теснить их уже по южным скатам гор. Лишь стойкостью и мужеством советские воины смогли остановить врага, когда

до Черноморского побережья оставалось менее 30 километров. Ситуация на Марухском и Санчарском перевалах складывалась сходным образом.

Видя бесперспективность дальнейшего противостояния, гитлеровское командование приняло решение о переброске горнострелковых частей для наступления на Туапсе. А во второй половине октября перевалы накрыл глубокий снег, и они были закрыты. Бои окончательно прекратились.

Захватив города Кавмингруппы, после небольшой передышки танки и мотопехота противника двинулись на восток в сторону Моздока. Взяв его, немцы получали возможность выхода на перевал Терского хребта, который открывал путь к Грозному, Махачкале и Баку.

Оборону Моздока вели части 11-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Коротеева. С 23 августа развернулись бои непосредственно на подступах к городу. Попытка взять Моздок сходу не удалась, и противник начал окружать город. В борьбе с танками противника приняли участие бронепоезда, чьи экипажи героически погибли вместе с многими другими защитниками Моздока. Ценой больших потерь вражеским войскам за два дня удалось захватить город.

Несмотря на то, что весь юг края вплоть до Ищерской оказался в руках врага, обороной Моздока советские войска измотали противника и позволили обеспечить войскам Закавказского фронта организацию рубежей обороны, расположенных к югу от границ Ставрополья.

Незахваченными врагом остались лишь восточные территории Ставропольского края вплоть до Каспия. В силу стратегической обстановки и усло-

вий местности между сталинградской и кавказской группировками вермахта образовался разрыв более чем в двести километров. Сплошной линии фронта в этом районе не было. Единственной стратегической целью для немцев здесь была железная дорога Кизляр – Астрахань. Для ее охраны в конце сентября под Кизляр с Туапсинского направления был переброшен 4-й гвардейский Кубанский кавалерийский корпус генерала Кириченко. Казакам ставилась задача: совершая рейды по тылам противника, принять участие в окружении и разгроме его Моздокской группировки.

Германское командование, разгадав замысел командующего Закавказским фронтом, сосредоточила в Ногайской степи группировку, основу которой составил корпус специального назначения «Ф» под командованием генерала Фельми. На стороне противника воевал кавалерийский полк белоказачков. В составе Кубанского казачьего кавкорпуса сражался партизанский кавалерийский полк под командованием Однокозова – секретаря Благодарненского райкома партии.

С середины октября до конца декабря 1942 года Кубанский корпус вел кровопролитные бои с танками и пехотой противника на участке фронта от Моздока до Ачикулака. Однако командование фронтом отмечало в действиях корпуса нерешительность и требовало наносить удары по тылам и коммуникациям Моздокской группировки противника. Вопреки приказу командир корпуса решил атаковать вражеский гарнизон в Ачикулаке и захватить его. Полки корпуса, превратившись в обычные стрелковые части, двое суток вели бои с пехотой и танками противника, но все попытки захватить село не

дали должного результата. Корпус, потеряв убитыми и ранеными до 800 казаков, отошел в сторону Каспия, где приводил себя в порядок. Нарекания командования фронтом в адрес генерала Кириченко встретили ответную реакцию с его стороны: мол, обстановка виднее на месте. Танки противника, закопанные в песок по башню и превращенные в доты, не давали возможности прорвать казакам линию его обороны и наносить удары по тылам.

С конца ноября к Кубанскому корпусу присоединились дивизии 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса генерала Селиванова, переброшенные на восток из-под Туапсе. Но и это не решило вопроса. Бои за села, аулы и хутора на востоке края шли с переменным успехом. Задачу окружения войск противника под Моздоком советских войскам так и не удалось выполнить.

Тем не менее, оба корпуса нанесли ощутимый ущерб противнику, уничтожая в отдельные дни до нескольких сотен немецких солдат и офицеров, сжигая десятками вражеские танки. При этом гвардейцы-кавалеристы в боях демонстрировали образцы мужества и стойкости, дрались в рукопашных схватках и предпочитали смерть позору плена.

С воздуха кавалерию поддерживала авиация. В оперативное подчинение 4-го гвардейского кавалерийского корпуса был придан истребительно-авиационный полк, который в октябре – ноябре в составе десяти «ишачков» содействовал наступлению корпуса в направлении на Ачикулак и Урожайное.

В декабре в боях на востоке края принимали участие войска 44-й армии. Но поначалу успешное наступление на ее правом фланге с целью выхода

в тыл противника было остановлено, после чего наши части отошли назад. Через полмесяца боев поставленная перед дивизиями задача так и не была выполнена. Командарм требовал перейти в решительное наступление, но и к концу декабря части армии вели бои на прежних рубежах.

С новым годом начался освободительный период битвы за Кавказ. Освобождение Ставрополья проходило по плану совместных операций Южного (бывшего Сталинградского) и Закавказского фронтов. Стратегический замысел верховного командования заключался в том, чтобы расчлнить и разгромить главные силы немецкой группы армий «А», не допустив их отхода с Северного Кавказа.

Южный фронт под командованием генерала Еременко с первых дней января 1943 года своим левым крылом вел наступление вблизи северных границ Ставропольского края. Однако частям 248-й стрелковой дивизии никак не удавалось взять Дивное. Только 17 января после ввода в бой дополнительных сил село удалось освободить от захватчиков. Далее наступление 28-й армии развивалось вдоль северной границы Ставропольского края в направлении на Сальск.

Угроза окружения своей Северокавказской группировки вынудило немецкое командование начать 1 января отвод 1-й танковой армии из-под Моздока и Нальчика. Оставили свои позиции и войска, контролировавшие высокогорные перевалы. Отход врага совпал с началом наступления правого крыла Северной группы войск Закавказского фронта под командованием генерала Масленникова.

Войска 44-й армии, преодолев упорное сопротивление и контратаки немецкой 3-й танковой ди-

визии, продвинулись вперед и овладели населенными пунктами, за которые шли бои в конце сорок второго – Ага-Батырь, Кизилов, Ново-Луковский, Довлаткин. Утром следующего дня войска 58-й армии перешли в решительное наступление под Моздоком и отбросили арьергарды немецких пехотных дивизий на левый берег Терека. Утром 3 января войска обеих армий, объединив усилия, освободили Моздок. В этот день на ставропольском направлении началось преследование противника по всему фронту.

Упорно оборонявшийся противник избегал окружения и давал возможность своим главным силам оторваться от преследовавших их советских войск. При отходе он широко применял инженерные заграждения, уничтожал мосты, переправы, разрушал средства связи и железнодорожные объекты.

Высокие темпы продвижения войск выявили неподготовленность средств связи и отсутствие у офицеров штабов навыков в управлении войсками – командующие армий теряли связь с корпусами и дивизиями и не знали их точного положения. Это лишало командование возможности влиять на ход боевых действий и приводило к путанице.

5-6 января войска Северной группы войск, продвигаясь маршем на Георгиевск, преследовали отходящего противника в направлении на Минеральные Воды. На острие атаки находилась 52-я танковая бригада.

7 января Кубанский и Донской кавалерийские корпуса, танковая группа генерала Лобанова были объединены в конно-механизированную группу

под командованием генерала Кириченко. Но это мало повлияло на характер ведения боевых действий: вклиниться в оборону противника не удавалось, и кавалеристы вместе с танками были вынуждены вести бои с арьергардами противника, и продвигаться вслед за ними.

Для того чтобы представить в каких погодных условиях велись бои, приведем такой пример. В январе казаки-кубанцы форсировали Куму в районе села Отказное. Несмотря на двадцатиградусные морозы, вода в реке оказалась незамерзшей. Переправлялись вброд, погружаясь, кто по грудь, кто по шею, вместе с оружием и боевой техникой. Преодолев водную преграду, казаки 10-й гвардейской дивизии внезапно ворвались в логово врага. В стане противника была большая паника. Около сотни немцев сдались в плен.

Преследование противника шло и на Георгиевском и Пятигорском направлениях. Командующий Закавказским фронтом, будучи недовольным действиями войск, приказал: «не двигаться в хвосте отходящего противника, не выжидать, когда он уйдет с рубежа, как это отмечается в данное время, а прорываться вперед, вклиниваться в его оборону, окружать, не давать возможности ему уходить, уничтожать по частям его живую силу и захватывать технику». Но ситуацию переломить по-прежнему не удавалось.

10 января девятая армия овладела Старо-Марьинским, Марьинской, Зольской, Георгиевском, Александровской, Незлобной, Лысогорской, Горячеводской и Пятигорском. На следующий день войска армии, преодолев сопротивление вражеского гарнизона, овладели городом Минеральные Воды

и, двигаясь дальше, освободили Железноводск, Канглы и другие пункты.

Части 110-й кавалерийской дивизии в этот день овладели селом Прасковья и повели бои за Буденновск. На следующий день город был взят.

44-я армия форсировала реку Кума и продолжала преследование врага в направлении на Ставрополь. 37-я армия, преодолев реку Малку, теснила противника к Кисловодску и к исходу 11 января овладела Кисловодском и завязала бой за Ессентуки. На правом фланге Северной группы части 414-й стрелковой дивизии освободили Ачикулак. Конно-механизированная группа генерала Кириченко преследовала противника в общем направлении на Ставрополь. В ночь с 11 на 12 января ее части освободили села Новоселицкое и Саблинское. Противник, оказывая сопротивление, отходил в направлении на Александровское.

Частично охватить локальную группировку врага удалось под Черкесском, где действовали соединения 37-й армии. 13 января вечером, отбросив заслоны противника, полки 2-й гвардейской стрелковой дивизии развернулись для боя восточнее Черкесска. Юго-восточнее, со стороны дороги Черкесск – Усть-Джегута наступали полки 295-й дивизии, а 351-я – обошла Черкесск с севера, отрезав противнику пути отхода на Невинномысск. В ночь на 16 января гвардейцы начали штурм Черкесска. Наибольший успех в боях выпал на долю 875-го гвардейского полка. На его счету было около 170 убитых солдат и офицеров противника. В качестве трофеев захвачено 6 минометов, около 75 автомашин, много стрелкового оружия, патронов и другого имущества. 17 января Черкесск был полностью очищен от немцев.

Упорные бои развернулись в районе села Александровского. 13 января противник силами до полка мотопехоты, тридцатью танками и двадцатью бронемашинами с артиллерией и минометами в течение дня переходил в контратаки против частей Кубанского кавкорпуса. Несмотря на огневое сопротивление врага, кавалеристы ворвались на восточную окраину села. Разгорелся уличный бой. Обойдя населенный пункт с севера, 10-я гвардейская кавдивизия отрезала противнику пути для отхода. Силами четырех кавалерийских дивизий утром 14 января Александровское было полностью очищено от гитлеровцев.

Темп наступления советских войск по территории Ставропольского края был весьма высокий: за десять дней боев части 4-го Кубанского гвардейского кавалерийского корпуса продвинулись на сто пятьдесят километров, освободив при этом до 180 населенных пунктов.

Продолжая отходить в общем направлении на Ставрополь, противник, как мог, сдерживал наступление соединений и частей конно-механизированной группы. Несмотря на это, 15 января 110-я кавалерийская дивизия овладела Благодарным и выступила на Гофицкое. Дивизии 5-го Донского корпуса вышли в район Бешпагира. До Ставрополя оставалось чуть более тридцати километров. Близился час освобождения краевого центра.

В это время на центральном участке фронта наступления Северной группы войск вела боевые действия 44-я армия, стремившаяся отрезать противнику пути отхода на территории Курского района. Однако в треугольнике Довлаткин, Авалов, Шефатов армия встретила сильное огневое сопро-

тивление. Противник группой танков с автоматчиками применял подвижную оборону. Удары наносили вражеские самолеты. В тот день войска 44-й армии понесли существенные потери и не смогли выполнить боевую задачу.

16 января в сильную вьюгу и мороз группа генерала Кириченко продолжала преследовать отходящие части 111-й пехотной дивизии вермахта с задачей к исходу дня выйти на рубеж Спицевское, Бешпагир. 4-й гвардейский Кубанский кавалерийский корпус двумя дивизиями совместно с частями танковой группы генерала Лобанова вел бой за село Сергиевское. Но танкисты, потеряв 5 танков, 8 человек убитыми и 12 ранеными, были вынуждены отойти.

В тот же день на левом крыле фронта войска 9-й армии вели упорные бои с арьергардами 50 и 370-й пехотных дивизий противника на подступах к Курсавке и Воровсколесской, преодолевая минные поля и проволочные заграждения. К исходу следующего дня перед армией стояла задача: овладеть Невинномысском. Однако отходивший противник упорно сдерживал натиск наступавших войск на этом направлении еще трое суток.

В сложных погодных условиях конно-механизированная группа продолжила преследовать отходящего противника, и вечером 18 января вышла на рубеж: Петровское – Бешпагир. Здесь она получила приказ – обойти Ставрополь с северо-востока и к исходу 22 января продвинуться в район Подлесное, Безопасное. Выполняя эту задачу, кавалерийские части при поддержке танков за день освободили свыше 20 населенных пунктов, в том числе такие крупные как Кугульта, Труновское, Безопасное, Донское и Казинка.

44-я армия, продвигавшаяся слева от группы Кириченко, выходила на Ставрополь, который она должна была освободить 21 января во взаимодействии с частями 58-й армии.

В то же время войска 9-й армии, захватив прилегающие населенные пункты, готовились к освобождению Невинномыска. 19 января ее соединения, нанеся удары по противнику с северо-востока, востока и юга, овладели городом, после чего продолжили наступление в направлении Армавира и вскоре покинули пределы Ставропольского края.

Единственным путем для отступления немецких войск из Ставрополя оставалась дорога на Изобильное, Ново-Александровское. С задачей отрезать пути отхода противнику из Ставрополя вечером 20 января выступила 12-я гвардейская Донская кавдивизия.

20 января части 347-й стрелковой дивизии 44-й армии вели бой с противником, занявшим оборону по шоссе, идущему от села Надежда на Ставрополь. На следующий день в три часа ночи части дивизии, сломив сопротивление противника, овладели краевым центром. Артиллерия рассеяла автоколонну противника на шоссе Надежда – Ставрополь, подбила одну грузовую автомашину, подавила огонь одного ручного пулемета, уничтожила 15 фашистов, станковый пулемет с расчетом и подбила одну легковую машину. На следующий день части дивизии уже достигли села Московское.

4-й гвардейский кавалерийский корпус, действуя на территории Ипатовского и Красногвардейского районов, продвигался к северной границе края и к исходу 22 января вышел на территорию Ростовской области, освободил калмыцкий город Башанту.

5-й гвардейский кавалерийский корпус в течение 21 января продолжал преследовать отходящего противника в общем направлении на село Красногвардейское. 11-я гвардейская дивизия вышла к селу Преграднему и потеснила врага к северной границе края на Покровское. 12-я – вела бой в районе села Изобильного и овладела селом. 22 января 63-я кавалерийская дивизия с боем освободила село Красногвардейское.

Танковые части из состава конно-механизированной группы взяли село Дмитриевское и действовали на подходе к Ново-Александровскому. Освободив село Безопасное, они выступили на Песчанокопское Ростовской области. К исходу суток практически все соединения и части конно-механизированной группы генерала Кириченко оказались за пределами края и продолжили свой боевой путь по Сальским степям.

Позже всего завершились бои на территории Новоалександровского района. 25 января к преследованию отходящего противника подключилась 58-я армия, находившаяся до этого во втором эшелоне Северной группы войск. В этот день 317-я стрелковая дивизия с боем овладела станицей Ново-александровской и выдвинулась в направлении на станицу Расшеватскую. На следующий день 26 января войска 58-й армии уже вели бои на территории Краснодарского края. Ставрополье было окончательно освобождено от немецко-фашистских захватчиков.

В итоге, боевые действия по непосредственному освобождению Ставрополья от немецко-фашистских захватчиков длились с 1 по 25 января 1943 года. В них принимали участие войска 28-й армии

Южного фронта, 44, 9, 37, 58-й армий и конно-механизированной группы Северной группы войск Закавказского фронта. К сожалению, поставленная советским командованием задача окружить и разгромить группировку противника на Северном Кавказе, в том числе и на территории Ставропольского края не была выполнена. Противник, превосходивший наши войска в технике, действовал в обороне методично, упорно и организованно. В январе погода благоволила врагу: самолеты нашей 4-й воздушной армии в воздух поднимались редко, авиационные части отставали от наземных войск. По этой причине авиация не могла содействовать локализации группировки противника в период его отхода по территории края.

Боевые действия на территории Ставропольского края в период Великой Отечественной войны велись в течение 177 дней – со 2 августа 1942 по 25 января 1943 года. Период отхода советских войск составил 24 дня, почти столько же – 25 дней – шло изгнание врага за пределы края. Бои не прекращались на протяжении всех этих 177 дней: после захвата большей части территории края они продолжались на востоке Ставрополья, где во время обороны Кавказа зафиксировалась линия фронта. Авиация периодически наносила удары по тылам противника, уничтожая колонны его техники и войск, железнодорожные пути и составы на станциях, склады боеприпасов и ГСМ, штурмовала и бомбила вражеские аэродромы. Наиболее упорные и кровопролитные бои проходили при обороне Кавказских Минеральных вод, Моздока, на Клухорском, Марухском и Санчарском перевалах, в Курском, Нефтекумском и Советском районах.

В сражениях на Ставрополье воины советской армии не раз демонстрировали мужество и героизм. В августе 1942 года в небе Ставрополья летчиками было совершено три воздушных тарана. За один из них – над городом Георгиевском, капитан Василий Усков был удостоен звания Героя Советского Союза. В бою под аулом Новкус-Артезиан в начале декабря хладнокровно и метко вел артиллерийский огонь по вражеским танкам Айдамир Ачмизов, геройски погибший воин посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза. Геройски сражался на востоке края танковый полк, в котором замполитом одной из рот служил Владимир Грецкий. Несмотря на контузию и потерю речи лейтенант не ушел с поля боя и отразил контратаку противника. Его золотая звезда героя стала третьей, завоеванной на ставропольской земле. Командир танковой роты того же полка старший лейтенант Николаенко умело руководил ротой с численно превосходящими силами противника. Настойчиво и смело он отражал атаки немецких танков и пехоты в районе хутора Нортон. В одном из боев его танк был подбит, но он продолжал указывать цели экипажам своей роты. Петр Николаенко также был удостоен звания Героя Советского Союза.

О боях на Ставрополье нам напоминают мемориал «Казачье поле» в селе Ачикулак, братские могилы в хуторах Дыдымкин, Нортон, Иргаклы, Сунженский, Арарарт, селе Полтавском, братская могила и обелиск в память о защитниках города Минеральные Воды, мемориал «Огонь Вечной Славы» в Ставрополе... Всех не перечесать. Только по одним этим скорбным точкам на карте края

можно составить боевой путь соединений и частей Красной армии, прошедших с боями и отстоявших независимость Родины на нашей родной земле.

Подписано в печать 28.07.2020.
Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.
Заказ № 177. Тираж 979 экз.
Дизайн и верстка: С.А. Крапоткина.
Корректор: Р.А. Мидриган.
Отпечатано в типографии ООО «АЛЕКС ПРИНТ»:
394007, г. Воронеж, Ленинский проспект, д. 94, корпус 5, к. 52.
Тел. 8 (4732) 90-45-17.